

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А. Б. Егоров

**РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО.
ЭПОХА ИМПЕРИИ**

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(0)
Е 30

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. *Н. С. Широкова*,
д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Климов*

*Рекомендовано к печати
Ученым советом исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Егоров А.Б.

Е 30

Римское государство и право. Эпоха империи: Учебное пособие. — Санкт-Петербург, 2013. — 248 с.

Темой данного пособия является правовая сторона системы принципата эпохи Империи и развитие римского государства и государственно-правовых отношений этого периода. В пособии приводятся общие методические указания к курсу лекций и списки литературы.

Учебное пособие предназначено для студентов исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ББК 63.3(0)

© А. Б. Егоров, 2013
© Исторический факультет
С.-Петерб. гос. ун-та, 2013

Введение

От республики к Империи. Социально-политические и экономические аспекты перехода

Темой данного пособия является рассмотрение правовой стороны системы принципата I–III вв. н. э. и развития римского государства и государственно-правовых отношений в указанный период. Тема предполагает изучение государственно-правовых аспектов в известном отрыве от экономических, социально-политических и идеологических проблем, однако полная изоляция этих вопросов все же представляется невозможной, тем более что сама политическая и правовая система общества является результатом самых разнообразных причин. Переход от республики к Империи стал не только итогом внутреннего развития, но и великих завоеваний, превративших полисное государство в огромную территориальную державу. Еще большее влияние на эти перемены оказал глубочайший внутренний кризис эпохи гражданских войн, угрожавший не только Римской республике, но и самому существованию римского государства и античной цивилизации.

Вероятно, первым тяжелым кризисом римского общества стала II Пуническая война (218–201 гг. до н. э.), приведшая к беспрецедентному в истории Рима военному напряжению. Только первые большие битвы 218–216 гг. (сражения при Треббии, Тразименском озере и Каннах) стоили римлянам и их союзникам 80–100 000 человек (Polib., III, 74; 85; 117; Liv., XX, 5–6; XXI, 6–7; XXII, 59, 5; 60, 11), а весь последующий период (216–203 гг.), несмотря на большие потери, армия поддерживалась на уровне 20–25 легионов, что в 2–4 раза превышало численность войск в любой другой период римской истории, не считая I в. н. э.¹ Сопоставление цензов дает невиданное ранее уменьшение количества граждан — с 270 213 человек в 236/5 гг. до н. э. до 143 704 человек в 194 г. до н. э. Хотя римляне вернулись к довоенному уровню уже к концу 70-х гг. III в. до н. э., этот возврат происходил за счет искусственного прироста и резкого снижения ценза (с 11 000 до 2000 асов). В 189 г. до н. э. права гражданства получили жители Кампании и ряда италийских городов (Аримин, Формии, Фунди)². Людские потери были не единственным следствием Ганнибаловой войны: другим стало разорение Италии (особенно юга), на территории которой велись крупно-

¹ Подробный обзор мобилизационных возможностей Рима и перечень численности армий в период 218–31 гг. до н. э. см.: *Brunt P. A. Italian manpower*, 225 В. С.–А. D. 14. Oxford, 1971. P. 342 ff.

² *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 32–33.

масштабные военные действия. Особенно пострадала мелкая собственность, а следовательно — и римское, и италийское крестьянство. В то же время, война привела к росту среднего и крупного хозяйства, рабства и экономических диспропорций, заставив Рим встать на путь экспансии и ограбления завоеванных стран.

Первые десятилетия после II Пунической войны привели к небывалым ранее успехам Рима. В ходе II Македонской войны (200–197 гг. до н. э.) Македонское царство было разгромлено и уже не могло возродить былое могущество. Сирийская война с Антиохом III, продлившаяся со 193 по 188 г. до н. э., покончила с Селевкидским царством как великой державой. В 90–80-е гг. II в. н. э. римляне завершили завоевание Цизальпийской Галлии, а в период между 205 и 179 гг. до н. э. закрепились в своих испанских провинциях. Войны стали приносить огромные доходы. Ливий оценивает сумму, внесенную в казну Сципионом Старшим, в 134 000 фунтов серебра (13,4 млн денариев или 53,6 млн сестерциев) (Liv., XXX, 45), а после победы Рим стал получать карфагенскую контрибуцию (10 000 талантов, т. е. 13,4 млн денариев). Не менее 10 млн денариев (Liv., XXXIX, 52) дал триумф Фламинина в 194 г. до н. э., еще большую добычу принесла война с Антиохом, также заплатившим римлянам 15 000 талантов (19,8 млн денариев) (Liv., XXX, 45). Это были самые крупные, но и не единственные военные кампании. Не меньшие доходы давали и испанские рудники, откуда шло много серебра и золота. Рим становился богатейшим центром Средиземноморья, начиная концентрировать в своих руках финансовое богатство. Последняя большая восточная война, III Македонская (171–168 гг. до н. э.), завершилась ликвидацией Македонии и трехдневным триумфом, давшим казне 30 млн денариев (120 млн сестерциев) и освобождение от налогов всего гражданского населения Рима вплоть до 43 г. до н. э. (Plut., Aem., 32; 34; 38; Liv., XLIV, 40). Приток денег, некоторое время выгодный всем, постепенно стал вызывать концентрацию богатства и рост экономического неравенства.

После активной экспансии 90–70-х гг. II в. до н. э. начался спад военной активности, продлившийся вплоть до 50-х гг. II в. до н. э. Примерно в 70–30-е гг. II в. до н. э. происходит концентрация собственности и резкое увеличение числа рабов. В 179 г. до н. э. в рабство были проданы 80 000 сардинцев, в 181 г. — 40 000 лигуров, в 167 г. в Эпире Эмилий Павел захватил 150 000 человек. Новые притоки рабов дали испанские войны 50–30-х гг. II века до н. э., разрушение Карфагена и Коринфа в 146 г. до н. э. и появление провинций. Имея огромные денежные капиталы, Рим втягивался в систему работорговли в восточном Средиземноморье. После войн с Анти-

оном III и Персеем были ликвидированы селевкидский, родосский и пергамский флоты, что привело к росту пиратства. К 40–30 гг. II в. до н. э. резко выросло число рабов в Сицилии. Количество рабов росло вплоть до времени начала Империи. Различные подсчеты дают соотношения от 1:2 до 1:1 в пользу свободных, т. е. на 2–4 млн свободных приходилось 1–3 млн рабов.

На 50–30-е гг. II в. до н. э. приходится новый внешний и внутривосточный кризис. В 154 г. до н. э. начались тяжелые испанские войны, завершившиеся в 133 г. до н. э. взятием Нуманции Сципионом Эмилианом. С окончанием войн в Лигурии и Далмации римляне вышли к крупным массивам варварского мира, галло-германскому и балканскому. В 149 г. до н. э. началась III Пуническая война, в 148 г. — восстание Лже-Филиппа в Македонии, в 147–146 гг. — Ахейская война. В 133–129 гг. шла война с Аристиком в Пергаме, а в 136–132 гг. — большое восстание рабов в Сицилии.

После значительного роста в 80–50-х гг. II в. до н. э., происходит явное ухудшение: в 154 г. до н. э. ценз достиг максимальной цифры — 338 314 человек (Liv., Epit., 47), после чего данные показывают постепенное снижение. Ценз 131 г. дал 317 823 человека (Liv., Epit., 59) — это означало, что военные потери превышали как естественный, так и искусственный прирост. На 30–20-е гг. II в. до н. э. приходится сильная инфляция³.

Появление завоеванных территорий создало новые управленческие проблемы. Первые провинции появились еще после I Пунической войны: Сицилия (241 г. до н. э.), Сардиния и Корсика (238 г. до н. э.). В 90-е гг. II в. были образованы испанские провинции, Ближняя и Дальняя, которые существенно расширились в 50–30-е гг. II в. В 146 г. до н. э. на месте африканских владений Карфагена появилась провинция Африка. В 147 г. до н. э. была образована провинция Македония, а после 146 г. до н. э. наместнику Македонии было подчинено большинство греческих общин (в основном — бывшие области Ахейского и Этолийского союза). В 133 г. до н. э. римской провинцией стал Пергам. В 121 г. появилась Нарбонская Галлия. Все эти области в 4–5 раз превышали Италию по территории и населению и объединили большую часть цивилизованного мира. Удержание территорий требовало военных усилий и реорганизации управленческих структур, системы обороны и государственных финансов.

При новой системе возникает необходимость в профессиональной армии с более или менее постоянным командным составом, что стано-

---

³ Подробно см.: *Badian E. Tiberius Gracchus and the Beginning of Roman Revolution // ANRW. Tl. 1. Bd. I. Berlin; New York, 1972. P. 683–699; Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 114–122.*

вилось опасным для республиканской системы. Другой проблемой было управление державой: бесправие провинциалов, неспособность контролировать собственную администрацию, постоянные волнения в провинциях — таково было положение на завоеванных территориях.

Не менее сложным было и положение с италийцами. В 227 г., согласно приведенной Полибием переписи, общие ресурсы Италии оценивались в 770 000 человек, в т. ч. примерно 273 000 римлян и 85 000 латинов (Polib., II, 24). Таким образом, половина жителей Италии имели римское или латинское гражданство. Большая их часть концентрировалась в старых областях, находившихся под властью Рима до Самнитских войн, а некоторые были расселены по Италии в римских и латинских колониях (Сутрий, Непете, Адрия, Беневент, Венузия, Луцерия, Брундизий и др.). Союзники (около 420 000 человек) делились на две категории: южные — самниты (77 000), япиги и мессапии (66 000), луканы (33 000) и северные — сабины и этруски (54 000), умбры, сарсины, венеты и ценоманы (40 000). Еще более 130 000 находились в армии и, вероятно, не менее половины составляли союзники. Во II в. до н. э. союзники сохраняли верность Риму, но в период от Гракхов до 70 г. до н. э. проблема союзников стала едва ли не главной в политической жизни Рима.

Создание Империи вызвало ряд экономических и социальных проблем. После завоевания в Италию стали поступать военная добыча и налоги с провинций, а распространившиеся виллы были более доходны, чем мелкое хозяйство. Рабы широко использовались во всех областях экономики, а в силу своей концентрации и специализации рабовладельческое хозяйство обеспечивало экономический прогресс. В сельском хозяйстве происходит развитие виноградарства, оливководства и плодовых садов, расширение ассортимента сельскохозяйственной продукции и существенное улучшение качества италийских вин, масла и фруктов. Скотоводство и птицеводство стали высокодоходными отраслями хозяйства.

Хотя экономическая ситуация создавала свои проблемы (концентрация собственности, разорение мелких собственников, приоритет доходных и дорогостоящих отраслей перед массовым производством и др.), главной причиной кризиса была не она. Этой причиной были социальные и военно-политические факторы перемен: упадок мелкой собственности вызвал кризис армии, основу которой составляло римское крестьянство, а немалая часть свободного труда была вытеснена с рынка. Городской плебс был все больше и больше недоволен существующим порядком. Усиливались все виды противоречий: противоречия между знатью и народом, знатью и деловыми кругами, верхними и нижними этажами политической

элиты, римлянами и союзниками, римлянами и провинциалами, свободными и рабами.

Гракханские реформы были первой серьезной попыткой выйти из кризиса. Уже античная традиция дает различные оценки реформаторов: противники считали их демагогами и честолюбцами, свергнувшими государство в тяжелейший кризис, а временами раздавались и прямые обвинения в стремлении к тирании (Vell., II, 3, 6; Flor., III, 13; Liv. Erit., 58; 59). Более сложной представляется оценка Цицерона: считая трибунов мятежниками, развалившими государство, и оправдывая расправу над ними, знаменитый оратор считает, что эти выдающиеся люди были наделены желанием помочь обществу, и сожалеет, что они принесли Риму вред. По мнению Цицерона, Гракхи, несомненно, выгодно отличаются от Сатурнина, Клодия и других популяров (Cic., De ger., III, 9, 20; de off., II, 49; de har. resp., 19, 41; Brut., 126; de orat., III, 126).

Напротив, в народной памяти Гракхи остались мучениками за народное дело. Саллюстий видит в них освободителей народа (Sall. Cat., 41, I; 42), а Плутарх — благородных идеалистов, стремящихся к благу народа и действующих весьма умеренными методами (Plut., Comp. cum Agis, 4, 5). По мнению Аппиана, Гракхи были достаточно консервативными экономическими реформаторами, стремившимися возродить военную мощь Рима (App., B. C., I, 2; II).

Многие исследователи считают Гракхов демократами, стремившимися превратить Рим в демократическое общество⁴, другие, напротив, разделяют негативные оценки⁵. Впрочем, большинство ученых придерживается аппиановской оценки, рассматривая деятельность Гракхов в плане экономических преобразований и стремления к восстановлению римской военной мощи⁶. С позиций этой «военно-экономической» теории оценивают деятельность Гракхов и многие другие исследователи (Хр. Мейер, Е. Бэдиан, Д. Эрл, Я. Ю. Заборовский и др.)⁷. Хотя отношение к гракханским реформам вполне позитивно, встречается и определенная критика: обычно критикуют аграрный закон Тиберия Гракха, авторы

---

⁴ Протасова С. И. Борьба общественных идеалов в эпоху Гракхов. Пг., 1923. С. 25; Ковалев С. И. История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. Изд. 2-е. СПб., 1986. С. 352–353; Машкин Н. А. История Рима. М., 1946. С. 221; Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (из истории политических идей I в. до н. э.). М., 1952. С. 29–42.

⁵ Моммзен Т. История Рима. М., 1937. Т. 2. С. 95, 113; Гримм Э. Д. Братья Гракхи. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894. С. 55.

⁶ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 102; Nicolet Cl. L'inspiration de Tiberius Gracchus // REA. 67. 1965; Boren H. C. The urban side of the Gracchan economic crisis // AHR. 63. 1957/8. P. 870; Cary M. A History of Rome. Down to the Reign of Constantine. New York, 1960. P. 282–294.

⁷ Earl D. Tiberius Cracchus. Bruxelles, 1963. P. 18–19; Badian E. Tiberius Cracchus... P. 714–715.

которого не учли интересов италиков, использование казны Аттала для финансирования реформы, что привело к восстанию Аристоника в Пергаме, блок «всаднических» законов Гая Гракха, приведших к росту коррупции и новому витку ограбления провинций, и, наконец, хлебный закон, приведший (по мнению его критиков) к развитию социального паразитизма плебса и тяжелому бремени для казны⁸. Критике подвергается даже аграрный закон, невыгодный не только латифундистам, но и средним землевладельцам, поддержавший менее рентабельное мелкое хозяйство и поставивший общество перед угрозой расходов, а возможно, и временного экономического спада.

Тем не менее, гракханская реформа, видимо, достигла своей основной цели: увеличение числа граждан с 317 823 человек в 131 г. до н. э. до 390 736 в 125 г. до н. э. фактически спасло Рим в его последующих войнах. Гракханцам не удалось провести крайне важные законы о равноправии италиков (предложения выдвигались в 125 и 122 гг.), а их другие законы еще не стали принципами политики. Тем не менее, именно они поставили на повестку дня вопросы, решить которые должны были римское государство и римское общество.

Важнейшими факторами новой фазы кризиса римского общества были Югуртинская (111–105 гг. до н. э.) и Кимвская (113–101 гг. до н. э.) войны. Первая из них, детально описанная Саллюстием, имела скорее моральное значение и привела к возрождению движения популяров, вместе с тем показав и степень разложения правящей верхушки. Кимвская война поставила Рим на грань катастрофы. После серии тяжелых поражений⁹ сильная римская армия Цепиона и Маллия была разбита при Араузионе в 105 г. до н. э. Наши источники, возможно, утрируя положение (Plut. Mar., 12; Vell., II, 12; Liv. Erit., 67), сравнивают этот разгром с битвой при Каннах. Рим вышел из кризиса благодаря выдвижению талантливого полководца Гая Мария, получившего беспрецедентные полномочия. В 107 г. до н. э. Марий стал консулом и командующим в Югуртинской войне, каковым и оставался до полной победы римлян. В период 104–101 гг. до н. э. Марий был консулом и произвел ряд преобразований в военном деле, именуемых «реформой Мария». Новый лидер выполнил свою задачу: в

---

⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 109–111; Нич К. В. История римской республики. М., 1908. С. 426; Гримм Э. Д. Братья Гракхи... С. 26.

⁹ В 113 г. до н. э. у Норей была разбита армия консула Гн. Папирия Карбона, в 109 г., в южной Галлии — армия консула М. Юния Силана, в 108 г. союзники германцев, гельветы, разбили армию консула Л. Кассия Лонгина и его легата Л. Кальпурния Пизона. Далее последовала уже Араузионская битва.

102 г. при Аквах Секстиевых были разбиты тевтоны, а в 101 г. в битве при Верцеллах было покончено с кимврами.

Выдвижение Мария создало мощную оппозицию консервативной части сената, оптиматам¹⁰. Вокруг Мария концентрируется отстраненная от власти часть нобилитета, «новые люди», вышедшие из незнатных сенатских и всаднических семей, популярны, стремившиеся продолжать гракханские традиции, представители делового мира и широких масс всадничества и, наконец, народные массы, среди которых победитель германцев приобрел огромную популярность. Ударной силой движения стали популярны во главе с Апулеем Сатурнином и Сервилием Главцией, развернувшие кампанию против виновников поражений в Кимврской и Югуртинской войнах и предложившие серию реформ, среди которых был масштабный аграрный закон. В 100 г. до н. э. оптиматы воспользовались расколом марианцев и разгромили движение Сатурнина. Марий временно сходил с политической сцены.

Еще более тяжелым стал кризис 90–80-х гг. до н. э., поставивший Рим на грань катастрофы. После провала реформ Ливия Друза (91 г. до н. э.) началась тяжелейшая для римлян Союзническая война (90–88 гг. до н. э.), грандиозное восстание италийских союзников, требовавших предоставления им римского гражданства. Вероятно, Союзническая война была одной из самых трудных войн Рима: военное напряжение было невероятным, римляне собрали 30–32 легиона (около 150 000 человек), и примерно такими же силами обладали союзники. Война шла повсеместно, фронт проходил в 100–150 км от Рима, а непрерывные тяжелые сражения шли на фоне непрекращающейся партизанской войны.

90 год отмечен серией поражений римской армии, а бессмысленная бойня разоряла Италию. Уступки были неизбежны. В 90 г. был принят закон Юлия Цезаря, согласно которому римское гражданство получали все латины и союзники, сохранившие верность Риму (App. В. С. I, 40; Vell., II, 16; Cic. pro Valbo, 21, 50). По всей вероятности, закон касался и тех повстанцев, которые будут готовы прекратить вооруженную борьбу, во всяком случае, в начале 89 г. был принят закон Плавтия–Папирия, дающий право гражданства всем союзникам, которые сложат оружие в течение 60 дней и подадут заявление римскому претору (Cic. Pro Arch., 4, 7; Vell., II, 17). В 89 г. римляне перешли в наступление и одержали решительные

---

¹⁰ Обозначение правящей знати римского общества, а также — политических сил, борющихся против всяких попыток реформ и защищавших неограниченное господство сената. Происходит от *optimus* — «наилучший».

победы на северном и южном фронтах. К 88 г. сопротивление продолжали только самниты и луканы, не получившие гражданские права.

Говоря о Союзнической войне, исследователи концентрируют внимание на конструктивном итоге, считая войну фактором, превратившим римский полис в италийское унитарное государство, однако главным ее итогом, вероятно, можно считать страшное разорение Италии, «которого не было ни при Пирре, ни при Ганнибале» (Flor, III, 18, 8). Обе стороны потеряли 300 000 человек, а восстановить экономику Италии удалось только ко времени Цезаря и Августа. Более того, результат был компромиссным: италиков записывали только в 8 или 10 новых триб, а около 1/3 повстанцев (самниты и луканы) гражданства не получили.

В 88 г. до н. э. начинается новый конфликт. На востоке происходит массированное вторжение понтийского царя Митридата Евпатора в римские провинции. В захваченной понтийцами провинция Азия произошла страшная резня, жертвами которой стали 80 000 римлян и италиков. Армии Митридата вторглись в Грецию. Положение на востоке и нерешенность проблемы италиков были серьезными. В 88 г. народный трибун Сульпиций Руф предложил передать восточное командование Марию и дать италикам право записываться во все 35 римских триб (App. B. C., I, 50–53; Vell., II, 20). Оба закона были отменены после военного переворота Суллы.

Впрочем, после переворота Сулла был вынужден отправиться на восток для войны с Митридатом. Весной 87 г. новый консул Л. Корнелий Цинна снова предложил закон об италиках, встретивший сопротивление второго консула Гнея Октавия. Собрание окончилось побоищем и изгнанием Цинны, который бежал в Капую и поднял восстание против сенатского правительства, консолидируя вокруг себя потерпевшую поражение марианскую партию. Марий высадился в Этрурии. После недолгой осады Рим сдался на милость победителя, и марианцы вошли в столицу, устроив резню политических противников.

Последующие годы именуется «диктатурой» или «правлением» Цинны. Консулами 86 г. стали Марий и Цинна. В январе 86 г. Марий умер, все же осуществив свою заветную мечту о семикратном консульстве. Цинна стал фактическим диктатором и занимал консульство в 86, 85 и 84 гг. Его почти бессменным коллегой был Гней Папирий Карбон, консул 85 и 84 гг. В 82 г. Карбон снова стал консулом вместе с сыном Мария — Марием-младшим.

Политика Цинны была гибкой и осторожной: он прекратил репрессии, восстановил права народного собрания и поддерживал хорошие

отношения с сенатом. Возможно, его главным успехом была достаточно медленная, но важная попытка решить италийскую проблему. В 86 г. новый ценз дал 463 000 человек (Liv., Epit., 84). Небольшие размеры приращения были вызваны как огромными потерями, так и явно половинчатым решением вопроса, однако это был первый ценз с учетом италиков. С самнитами и луканами был заключен договор, а в 84 (или 83 г.) сенат окончательно принял решение о равном распределении «новых граждан» (App. В. С., I, 77).

Впрочем, главной проблемой был Сулла. В 86 г. он разбил Митридата в сражениях при Херонее и Орхомене и вынудил его заключить мир (Дарданский мир 85 г. до н. э.). В 85 г. он переправился в Азию, наложил на провинцию огромную контрибуцию и начал подготовку к гражданской войне. В 84 г. в результате солдатского мятежа погиб Цинна, а весной 83 г. 40-тысячная армия Суллы высадилась в Брундизии.

Кровопролитная гражданская война 83–82 гг. закончилась победой Суллы. В новой войне погибло около 150 000 человек (Eutr., V, 9), многие области Италии (Самний, Лациум, Этрурия, Кампания) были опустошены, города подвергались разрушению. Кровавая катастрофа 80-х гг. стоила Риму более полумиллиона жертв, а общество и государство дошли до низшей точки кризиса.

В 81 г. до н. э. Сулла стал диктатором и начал свою деятельность с уничтожения политических противников. Это были печально знаменитые сулланские проскрипции, жертвами которых стали 4700 человек (видимо, речь идет только о представителях высших слоев), среди которых были 40 сенаторов и около 1600 всадников (App. В. С., I, 95; Flor., III, 21). За помощь проскриптам полагалась смертная казнь, а за донос — денежное вознаграждение. Имущество конфисковывалось и продавалось на аукционах по сниженным ценам. Сулланская элита обогащалась. Верхушечный террор сопровождался массовым террором: в городах шли массовые уничтожения жителей, в других появились сулланские колонии, некоторые наказывались срытием стен и цитаделей, конфискацией земли и денежными штрафами. Особенно болезненным было наделение земель ветеранов 23 легионов (около 120 000 человек), осуществленное за счет конфискаций.

После спада террора Сулла начал реформы, целью которых были упорочение господства своих сторонников, усиление власти сената и ликвидация гракханских и марианских реформ. Поредевший от войн и репрессий сенат, видимо, составлявший не более 150–200 человек, был пополнен за счет 300 сторонников Суллы, которые и составили новую элиту, состо-

ящую из молодых аристократов и многочисленных офицеров Суллы, выдвинутых гражданской войной и проскрипциями. Ведущее место в новой олигархии заняли сподвижники Суллы, Кв. Цецилий Метелл Пий, Аппий Клавдий, Кв. Лутаций Катул, Г. Скрибоний Курион, Марк и Луций Лициний Лукуллы, а позже — Красс и Помпей, равно как и выдвинувшиеся в процессе репрессий Катилина, Веррес и др. Сулланская верхушка невероятно обогатилась. Имущество, попавшее в руки диктатора и его окружения, достигло 350 млн сестерциев, что намного превышало размеры казны. Среди людей, сделавших себе состояние во время гражданской войны, были как Красс и Помпей, так и Катилина и Веррес, а 70–60-е гг. были заполнены процессами против сулланских коррупционеров.

Сулла провел ряд реформ, снимавших ограничения с власти сената. Еще в 88 г. он провел постановление, запрещающее передавать предложения в народное собрание без предварительного обсуждения в сенате (App. В. С., I, 59), что было фактической отменой закона Гортензия от 287 г. до н. э. При подобной системе законы Гракхов, Сатурнина, Сульпиция, Друза, а позже — трибунов-популяр, не были бы даже поставлены на голосование. Другие законы фактически ликвидировали власть народных трибунов: им запрещалось вносить законопроекты в народное собрание без разрешения сената, фактически отменялось трибунское вето против сенатских решений, наконец, лица, занимавшие должность трибуна, не могли занимать иной магистратуры, что стало фактическим запретом на продолжение политической карьеры (Caes. В. С., I, 7; App. В. С. I, 99–100; Liv. Epit., 89; Flor, II, 1.1). Упразднялась и другая контрольная власть, цензура, а сенат стал пополняться за счет 20 новоизбранных квесторов.

Происходит реорганизация других магистратур. Сулла подтвердил закон Виллия от 180 г. до н. э., регулярно нарушаемый марианцами и требующий занимать должности только в определенной последовательности (квестура, претура, консульство), и увеличил возрастной ценз до 39, 41 и 43 лет. Второе консульство можно было получить только через 10 лет после первого. Консулы лишались права вести войну вне Италии, что фактически лишало из военных функций. Известной заменой стали проконсулы, в руках которых концентрировалось военное командование. Некоторые проконсульства (Помпея, Метелла и Лукулла) длились по 8–9 лет. В отличие от выборных консулов, проконсулы назначались сенатом.

Число преторов выросло с 6 до 8, что было вызвано развитием системы *quaestiones*. Сулла провел очень основательную судебную реформу, расширив старые судебные комиссии и создав новые (*quaestiones* по делам

о вымогательствах, подкупе, насилии, лжесвидетельствах, отравлениях, оскорблениях и др.). Отменив судебные законы Гракхов и Главции, Сулла вернул суды сенаторам. Число квесторов выросло с 8 до 20.

В 79 г. Сулла снял с себя власть, а в 78 г. умер от болезни. Ситуация после его смерти была критической, население Италии было раздавлено сулланскими репрессиями и конфискациями, провинции были разорены. Малая Азия выплачивала огромные контрибуции, все больше попадая в кабалу к римским ростовщикам, в Испании началось восстание Сертория, на востоке поднимал голову Митридат, расцвело киликийское и критское пиратство. Всеобщая ненависть к Сулле сочеталась с перспективой борьбы за власть между сулланскими лидерами.

70-е гг. I в. до н. э. были крайне трудным периодом: напряженность в Италии и Риме, восстания в провинциях, обострение внешнеполитической ситуации, рост пиратства и рабские восстания — такой Рим оставил после себя Сулла. Военное напряжение было огромным: в 78 г. были мобилизованы 34 легиона, в 77–45, с 76–71 гг. — от 28 до 41¹¹.

Первый конфликт был связан уже с торжественными похоронами Суллы. Консул М. Эмилий Лепид выступил против этой акции, но большинство сената поддержало второго консула Катугла. Вскоре в Этрурии началось восстание против сулланских колонистов, на его подавление были посланы два консула. Лепид поддержал повстанцев, потребовав возвращения изгнанников, восстановления власти трибунов и нового консульства для себя. Восстание было подавлено войсками Катугла и Помпея.

Самая большая война шла в Испании. В 80 г. провинциалы обратились к бывшему марианскому полководцу Квинту Серторию с просьбой возглавить движение. В 79 г. Серторий разбил сулланских наместников, после чего в Испанию была послана армия проконсула Метелла Пия. В 77 г. на помощь Метеллу прибыла новая армия Гнея Помпея. Успехи Сертория были вызваны соединением в единое движение испанцев и марианских эмигрантов. Главной силой повстанцев были испанские войска, однако после поражения Лепида остатки его войск во главе с Перперной (5 легионов) ушли в Испанию. Проводя романизацию испанцев, Серторий считал себя римским наместником (видимо, проконсулом), армиями командовали его офицеры в ранге преторов, пропреторов и квесторов. Из римских эмигрантов был собран сенат из 300 человек (Plut. Sert., 22; App. B. C. I, 108).

Пиком войны стали 76–74 гг. до н. э. В 75 г. Помпей потерпел поражение у Сукроны, а в 74 г. при Сегунтии Серторий выдержал сражение с объединенными силами Метелла и Помпея. Правительственные войска

---

¹¹ Brunt P. Italian manpower... P. 430.

отступили к Пиринеям. В 74 г. Серторий заключил союз с Митридатом, киликийские пираты были его союзниками еще ранее.

Восточные войны начались уже при Сулле. В 81–80 гг. произошло столкновение, получившее название II Митридатовой войны. В 78–74 гг. Аппий Клавдий начал операции во Фракии, в 75–73 гг. его сменил Г. Скрибоний Курион, а в 73–71 гг. Марк Лициний Лукулл вел крупномасштабные военные действия во Фракии, Македонии и Подунавье. В 74 г. началась III Митридатова война, а в 74 (или 73 г.) в Италии началось восстание Спартака.

Впрочем, 74 год стал началом поворота. Получив подкрепление, Метелл и Помпей начали наступление против серторянцев. Это привело к распаду союза марианцев и туземцев, окончательно прекратившего существование после гибели Сертория в 72 г. После разгрома Перперны пали последние оплоты восстания — Оска, Термесс, Улия, Валенсия и Калагуррис. Одной из причин победы Помпея был переход на его сторону испанских племен и сохранение многих порядков Сертория в сочетании с мягким обращением с бывшими противниками.

В 74 г. Лукулл разбил Митридата при Кизике, а в 73–72 гг. вторгся в Понт, заставив противника бежать в Армению. В 73 г. римляне перешли в наступление во Фракии, завершив его в 71 г. до н. э, тогда же было подавлено восстание Спартака.

К 70 г. кризис пошел на спад, численность войск уменьшилась до 16 легионов. Серия триумфов (Помпея, Лукулла, Куриона, Сервилия, орация Красса) стали символом завершения войн. 70 год стал годом «мирной революции» против сулланской системы. Ее поддержали практически все слои населения, а решающим фактором оказалась поддержка понимающих необходимость преобразований сулланских генералов. По закону Лициния–Помпея восстанавливалась власть народных трибунов. Закон Аврелия Котты создавал трехсословные суды из сенаторов, всадников и зрарных трибунов. Наконец, может быть, важнейшим преобразованием было восстановление цензуры и проведение нового ценза, учитывающего практически все население Италии и давшего 910 000 человек¹². Это было реальное предоставление италикам прав римского гражданства. Кроме того, цензоры Л. Геллий и Л. Корнелий Лентул провели чистку сената, исключив из него 64 человека. Реформы 70 г. стали первым шагом на пути свержения сулланской системы. Пожертвовав рядом одиозных реформ диктатора, постсулланская элита сохраняла в своих руках основные силовые и властные рычаги.

---

¹² Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 55, 56, 63.

60-е годы были временем стабилизации и, хотя события временами были достаточно бурными, они не идут ни в какое сравнение с прошлыми десятилетиями. Символом революции 70 г. и последующего десятилетия стал Гней Помпей. Серьезной угрозой оставались пираты, главным образом из Киликии и Крита, бывшие неизменными союзниками всех врагов Рима (Сертория, Митридата и Спартака) и фактически парализовавшие средиземноморскую торговлю. В 67 г. по закону Габиния Помпей получил власть на всем побережье Средиземного моря на глубину в 400 стадиев (50 миль) с правом иметь 15 легатов и 200 кораблей (Plut. Pomp., 25). Позже в руках Помпея было уже 500 кораблей, 120 000 человек пехоты и 24 легата (Ibid., 26). Эффект был невероятным, в течение 40 дней Помпей очистил от пиратов Средиземное море (в основном — районы Тирренского моря и Лигурийского залива, побережья Сицилии, Балеар, Гибралгара и северной Африки). В течение последующих 49 дней римляне разгромили пиратские базы в Киликии, около 20 000 морских разбойников погибли или попали в плен, 800 кораблей были уничтожены. Римляне взяли 120 пиратских замков (Plut. Pomp., 27–27; Flor., III, 6; Cic. De lege Man., 11, 31–32).

В 66 г. наступил кризис в Митридатовой войне. После победы над Митридатом Лукулл вторгся в Армению. В 69 г. он выиграл битву при Тигранокерте и взял город, а в 68 г. взял Нисибис, заставив Митридата и Тиграна бежать в Артаксату, древнюю столицу Армении. В этот момент Лукулл был вынужден прекратить операции: войска отказались идти дальше, Лукулл испортил отношения с публиканами, а в Риме лидеры популяров (Л. Квинкций и П. Клодий) начали против него кампанию. В результате Митридат снова вернулся в Понт.

10 декабря 67 г. народный трибун Г. Манилий предложил создать новое чрезвычайное командование на всех территориях, контролируемых Лукуллом (Фригия, Ликаония, Галатия, Каппадокия, верхняя Колхида и Армения) с добавлением Киликии и Вифинии для ведения войны с Митридатом (Plut. Pomp., 30). Получив армию Лукулла, Помпей увеличил ее до 11–12 легионов (еще три легиона стояли в Киликии) и теперь контролировал 2/3 армии.

Помпей завершил войну, уже выигранную Лукуллом. В 66 г. он разбил Митридата при Кабире, а в 65 г. занял Понт и вторгся в Армению, добившись добровольной сдачи Тиграна. Римляне подчинили Иберию и Альбанию (Plut. Pomp., 35–36; Vell., II, 40), а в 64 г. Помпей начал устройство новых провинций. Понтийское царство стало провинцией Вифиния-Понт, в 63 г. Помпей прибыл в Сирию, ликвидировав Селевкидское царство, сде-

лал страну римской провинцией, а затем подчинил Иудею. Поход Помпея привел к полной перекройке политической карты Переднего и Ближнего востока: римляне завоевали Понт, Вифинию, Сирию и Иудею и превратили их в римские провинции; в центральной части Малоазийского полуострова появилась система вассальных царств (Каппадокия, Коммагена, Малая Армения), римское влияние утвердилось в Армении и вышло к парфянской границе. Казна выросла на 50 млн денариев за счет военной добычи, а доходы республики — на 70 %¹³.

Положение в Риме оставалось сложным. Оптиматы, сохранявшие положение «партии власти», боролись на два фронта: против Помпея и против популяров и других противников сената. Красс оказал поддержку оппозиции. Положение лидера популяров стал занимать Юлий Цезарь, племянник жены Мария, который, несмотря на молодость, становился одним из ведущих политиков Рима. В 68 г. Цезарь был квестором, в 67 и 66 г. поддержал законы Габиния и Манилия, в это же время усилились его выступления в защиту репрессированных и процессы против коррупции. Став курульным эдилом, он впервые начал реабилитацию партии Мария.

Происходит сближение Цезаря и Красса. В 63 г. при их поддержке был предложен закон Сервилия Рулла, предполагавший массовое наделение земель неимущих граждан. В том же году Цезарь одержал блестящую победу на выборах в великие понтифики. Консулом 63 г. стал Цицерон, и тогда же произошел знаменитый заговор Катилины. Ядро заговорщиков составили деклассированные нобили, а ударной силой стали бывшие ветераны Суллы. Катилинарики пытались найти связи с популярами и привлечь на свою сторону массы городского и сельского плебса. Катилина начал подготовку к перевороту. Его эмиссары были разосланы по Италии: центром мятежа стала Этрурия, где отрядами командовал Гай Манлий, готовились мятежи в Апулии, Пицене и Капуе. В октябре 63 г. сенат принял «крайнее решение», а 5 декабря по решению сената были казнены пять лидеров заговора. Сам Катилина бежал к Манлию, а в начале 62 г. был разгромлен правительственными войсками при Пистории.

В 62 г. в Италии высадился Помпей. Вопреки всеобщим опасениям, он распустил войска и выдвинул свои требования: утверждение распоряджений на востоке, предоставление земли ветеранам и триумф. Получив последнее, он потерпел неудачу в остальных вопросах. Сенат во главе

---

¹³ История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994. С. 152. — Добыча Помпея составила 20 000 талантов (180 млн денариев), солдаты получали по 1500 драхм (Plut. Romp., 46).

с Лукуллом, Крассом и Катонам блокировал утверждение восточных учреждений Помпея. В 60 г. оптиматы провалили аграрный закон Флавия.

В 60 г. в Италию вернулся Цезарь, бывший пропретором в Лузитании. Он выдвинул свою кандидатуру в консулы на 59 г. и, готовясь к выборам, заключил союз с Помпеем и Крассом. Этот альянс получил название «первого триумvirата» и консолидировал вокруг себя все антисенатские силы. Триумvirат часто именуют корпоративной диктатурой, надстроенной над республиканской властью, однако было бы правильнее говорить о создании «второй партии», способной противостоять «партии власти». Это противостояние и стало характерной чертой 50-х гг. до н. э.

Выборы на 59 г. закончились блестящей победой Цезаря, однако вторым консулом стал оптимат М. Кальпурний Бибул. Став консулом, Цезарь приступил к реализации программы триумvirов. Это был второй акт революции 70 г. н. э. Главным пунктом стал аграрный закон, соединивший программы Помпея и Сервилия Рулла. По мнению П. Брунта, число получивших землю достигло 50 000 человек¹⁴. Это были беднейшие граждане и ветераны Помпея. Закон стал началом восстановления мелкой и средней собственности, позже продолженного самим Цезарем и Октавианом Августом. Позже при Августе землю в Италии получили 120 000 человек, а колонизационная программа в провинциях охватила 80 000 при Цезаре и 300 000 человек при Августе¹⁵. Оптиматы во главе с Катонам и Бибулом оказали сопротивление, которое было сломлено Цезарем. Установив полный контроль над политической жизнью Рима, Цезарь провел все остальные преобразования: утверждение распоряжений Помпея на востоке, снижение арендной платы на 1/3 для публиканов и закон Юлия о вымогательствах (*lex Iulia repetundarum*), устанавливающий правила поведения наместников провинций и перечень должностных преступлений.

Консульство сделало Цезаря одним из самых влиятельных политиков Рима. Следующим шагом стало получение им проконсульской власти аналогичной власти сулланской проконсулов. По закону Ватиния Цезарь получил в управление Цизальпийскую Галлию и Иллирик с тремя легионами сроком на 5 лет. По предложению Помпея и Красса решением сената к ним добавлена Нарбонская Галлия (App. B. C., II, 13; Plut. Caes., 14; Pomp., 48; Crass., 14; Dio, 38, 3; Vell., II, 44; Suet. Iul., 22).

В 58 г. начались знаменитые Галльские войны. Цезарь усилил армию до 6 легионов (Caes. B. G., I, 10), а в 57 г. — до 8 легионов (Ibid., II, 2). Первые три года были отмечены блестящими успехами. В 58 г. Цезарь разгро-

¹⁴ Brunt P. Italian manpower... P. 342.

¹⁵ Ibid. P. 233, 263, 342.

мил двух опаснейших врагов Рима — гелльетов и германцев Ариовиста, в 57 г. он победил мощный союз бельгов, а в 56 г. после кампаний против венетов, венеллов и аквитанцев фактически завершил покорение Галлии. В 55 г. Цезарь отразил новое вторжение германцев (узипетов и тенктеров), в том же году перешел Рейн, а затем, в 55 и 54 гг., дважды переправлялся в Британию.

Этот период был временем сохранения позиций триумвиров в римской политической жизни. К 56 г. положение ухудшилось, и Цезарь решил реанимировать триумвират. После знаменитой встречи в Луке (март 56 г.) Помпей и Красс стали консулами на 55 г. По закону Требония Помпей получил в управление испанские провинции, а Красс — Сирию. Закон Лициния–Помпея продлил полномочия Цезаря на 5 лет (Liv. Epit., 105; Vell. 46; Flor., IV, 2; App. B. C., II, 18; Plut. Pomp., 52; Caes., 23). В руках триумвиров находились три провинциальных блока (Испания, Галлия и Сирия) и почти вся армия республики (от 8 до 11 легионов у Цезаря в Галлии, 4 (потом 6) легионов в Испании и 8 — в Сирии).

С 54 г. у триумвиров начались проблемы. В 54–53 гг. Цезарь столкнулся с большим восстанием бельгов, а армия Красса была уничтожена парфянами при Каррах (53 г.). С 54 г. оптиматы начали добиваться успехов на выборах, а союз с Помпеем распался после смерти Юлии, дочери Цезаря, бывшей с 58 г. женой Помпея.

Цезарь подавил восстание бельгов и снова перешел Рейн, однако 52 год стал кризисным и в Галлии, и в Риме. В Галлии началось грандиозное восстание Верцингеторикса, занявшее все силы римлян, в Риме был убит Публий Клодий. Ценой невероятных усилий Цезарь справился с галлами: Верцингеторикс сдался в крепости Алезия. Впрочем, подавление очагов восстания заняло весь 51 год. Римляне выиграли одну из самых больших войн в своей истории, западные провинции получили мощный буфер на севере, а Галлия вошла в состав огромной Империи.

Напротив, в Риме создается мощный оптиматский альянс. После убийства Клодия начались беспорядки. По предложению Катона и Бибула Помпей был назначен консулом без коллеги (*consul sine collega*), одновременно сохраняя командование в Испании. Помпей начал серию процессов против обвиненных в насилии и подкупе, и хотя центральным процессом стало дело Милона, практический удар был направлен против популяров, которые были фактически разгромлены. Чаша весов постепенно склоняется в сторону альянса Помпея и оптиматов, а в 51 г. начинается кампания по прекращению полномочий Цезаря в Галлии.

Борьба заняла весь 50 год. Цезарь стремился выиграть время до консульских выборов на 48 год, когда закон Суллы разрешал ему вторичную баллотировку. Кроме того, он предлагал взаимное разоружение с Помпеем или даже свое одностороннее разоружение с сохранением до 48 г. двух легионов и провинции Иллирик. Народный трибун Курион предложил взаимное разоружение сторон, получив почти единогласие одобрение сената (370 против 22) (Liv. Epit., 102; App. V. C., II, 30; Plut. Pomp., 58; Caes., 32; Dio, 40, 64). Гражданской войны еще можно было избежать.

Помпеянцы настаивали на роспуске армии Цезаря. Еще в 52 г. Помпей продиал полномочия на 5 лет. Начался набор войск, и к январю 49 года помпеянцы собрали уже несколько десятков когорт (Caes. V. C., I, 12; 15). Теперь они могли пойти на переворот. 7 января 49 г. было принято «крайнее решение сената» (*senatusconsultum ultimum*), в жесткой форме требующее от него роспуска армии и передачи провинции. Вето трибунов (М. Антония и Кв. Кассия) было проигнорировано. 8–9 января, не дождавшись ответа Цезаря, помпеянцы определили конкретный план: набор 130 000 человек (App. V. C., II, 34), одностороннее лишение Цезаря его власти в Галлии и распределение командований в Италии и провинциях между помпеянскими военачальниками (Caes., V. C., I, 6; App. V. C., II, 32).

В ночь с 10 на 11 января 49 г. Цезарь с одним легионом перешел реку Рубикон и стал без боя занимать города Умбрии и Пицена, помпеянские войска и местное население переходили на его сторону. Цезаря поддерживали и муниципальные власти. В феврале ему сдались 30 когорт Домиция Агенобарба в Корфинии, а 17 марта Помпей с оставшимися верными ему войсками покинул Италию. Захват Италии, по сути дела, превратился в «бархатную революцию» и дал Цезарю огромное политическое преимущество.

Впрочем, Помпей перенес войну в провинции. В Испании стояла главная армия Помпея, 5 легионов и около 80 вспомогательных когорт и 5000 всадников под командованием Афрания и Петрея стояли в северной части Испании, их тыл в дальней Испании защищали 2 легиона Варрона. Помпей бежал в Грецию, где создавалась новая армия, а в Африке главным союзником помпеянцев был царь Юба. Помпеянский флот господствовал на море, Италии угрожала морская блокада.

Главные силы Цезаря выступили в Испанию. Оставив по пути три легиона Требония для осады Массалии, Цезарь с 6 легионами прибыл на Пиренейский полуостров. В июле–августе 49 г. он только при помощи маневрирования заставил сдать главные силы помпеянцев

под началом Петрея и Афрания. Вскоре сдался и Варрон. Как и в Италии, Цезарь использовал «политику милосердия» (*clementia Caesaris*). Ни один из пленных не пострадал: рядовые солдаты распускались по домам или зачислялись в войска Цезаря, а руководство помпеянцев отпускали на свободу (многие из них бежали к Помпею). На обратном пути Цезарь принял осаду Массалии. Успехи Цезаря были омрачены поражениями его легатов: два легиона Куриона были уничтожены войсками царя Юбы, а когорты Антония сдались в Иллирике.

В 48 г. Цезарь стал консулом. В начале января, прорвав блокаду помпеянцев, Цезарь с 6 легионами высадились в Греции. Помпеянский флот блокировал его с моря, а с суши подошли войска Помпея. 10 апреля Антоний и Кален доставили ему подкрепления. После неудачной попытки Цезаря заставить помпеянцев сдаться без боя при Диррахии, 9 августа 48 г. состоялось генеральное сражение при Фарсале. Армия Цезаря (22 000 пехоты и 1500 конницы) разбила армию Помпея, которая была в два раза сильнее (45 000 пехоты и 7 000 конницы). Цезарь оценивает потери помпеянцев в 15 000 человек, 24 000 сдались в плен. Все сдавшиеся были помилованы (Caes. B. C., III, 4; 89–90; Plut. Caes., 42; App. B. C., II, 70; Eutr., VI, 20).

Помпей бежал в Египет, остальные оптиматы во главе с Катонем бежали на о. Коркиру, а затем — в Африку, где стали сколачивать новую армию под прикрытием Юбы. Впрочем, Фарсал стал переломным в военном и политическом отношении. Помпеянский флот распался, и теперь сопротивление стало принимать форму разрозненных очагов.

Помпей был убит в Египте в сентябре 48 г. Преследуя Помпея Цезарь с 3-тысячным отрядом оказался в городе. В октябре 48 г. началось восстание в Александрии, огромное население города поддержало 20-тысячную армию. Осада длилась до весны 47 г., на помощь подошли подкрепления, а в марте Цезарь разбил египтян у Нила. Александрия сдалась победителю, Цезарь покинул Египет, оставив на престоле Клеопатру.

В сентябре 47 г. Цезарь прибыл в Рим, а в декабре отравился в Африку. В апреле 46 г. помпеянцы были разбиты при Тапсе. После сражения погибли руководители помпеянцев (Катон, Сципион, Афраний и Петрей), погиб и Юба, а его царство стало провинцией Нумидия.

После Фарсала Цезарь был назначен диктатором; в отличие от обычной диктатуры, он получил должность сроком на один год. Через год она была продлена. После Тапса Цезарь стал диктатором сроком на 10 лет. Кроме того, он был консулом на 46, 45 и 44 гг. В августе 45 г. Цезарь отпраздновал четыре триумфа над Галлией, Египтом, Понтом и Нуми-

дией. Доход казны составил 700 млн сестерциев (Vell., II, 60), а вся военная добыча — более 65 000 талантов и 2182 золотых венка (более 400 млн денариев или 1,6 млрд сестерциев), что втрое превысило восточную добычу Помпея и стало основой финансового возрождения государства (App. B. C., II, 102; Suet. Iul., 37; Dio, 43, 18; Liv. Erit., 115).

В декабре 46 г. Цезарь отправился в Испанию. Четыре месяца длилась ожесточенная борьба: диктатор захватывал испанские города один за другим, встречая яростное сопротивление помпеянцев, возглавляемых сыновьями Помпея и Лабием. 17 марта 45 г. помпеянцы были разгромлены при Мунде, после чего Цезарь взял Мунду, Кордубу и Гиспалис. В октябре 44 г. он вернулся в Рим, а в начале 44 г. получил статус пожизненного диктатора.

Конструктивные преобразования Цезаря изменили облик Римской державы. На смену слабой, раздираемой противоречиями республике нобилей, так и не сумевшей справиться с «обрушившимся» на нее мировым господством, приходит новая мощная сверхдержава, существенно превышающая ее по размерам, территории, населению и военной мощи и находящаяся уже на новом экономическом, политическом и правовом уровне. Реформы Цезаря стали лишь началом перехода, огромная практическая работа конкретного характера была проделана уже Августом, сама продолжительность правления которого закрепила достижения последних десятилетий I в. до н. э. Итогами деятельности Цезаря и Августа стали создание системы внешней военной и политической безопасности, преодоление внутреннего кризиса и реорганизация власти, экономический скачок и правовая революция.

В 90–80-е гг. I в. все римские провинции были «прифронтовыми». В начале II в. Нарбонская Галлия подвергалась нападению кимвров и тевтонов, а 59 г. ей угрожало нашествие гелльветов и германцев. Операции в Испании не прекращались и в I в. до н. э., а в послесулланский период провинции пережили восстание Сертория и кампании 49, 47 и 45 гг. Африка подверглась угрозе во время Югуртинской войны, а в 49–45 гг. была опустошена помпеянами и Юбой, который уже считал себя ее хозяином. С 70-х гг. I в. до н. э. к северу от Македонии шли постоянные войны против фракийских, иллирийских и других племен Подунавья. В 88 г. Македония и Греция подвергались нашествию Митридата, в 87–86 гг. в Греции шли военные действия между Митридатом и Суллой, а в 49–48, 42 и 31 гг. Греция стала ареной тяжелейших гражданских войн. Опустошение было настолько сильным, что страна не могла оправиться вплоть до II в. до н. э., а самые большие битвы гражданских войн (Фарсал, Филиппы

и Акции) происходили именно здесь. Провинция Азия подверглась масштабному вторжению Митридата в 88 г. до н. э., в 74 г. ей угрожало аналогичное вторжение. В 85 г. Сулла разорил провинцию огромной контрибуцией в 20 000 талантов. До 67 г. Киликия была центром пиратства. Азия и Вифиния были разграблены помпеянами в 49–48 гг., в 47 г. им угрожало нашествие Фарнака, в 42 г. значительная часть азиатских владений Рима была разграблена войсками Брута и Кассия. Даже присоединенная в 64 г. Сирия подверглась нашествию парфян (51 и 40–38 гг. до н. э.). Не лучше обстояло дело в областях, еще не вошедших в состав державы. Галлии угрожали внутренний распад и нашествия германцев, а в 58–51 гг. она прошла через войны Цезаря. В начале II века до н. э. фактически распалось царство Птолемеев, в 88 г. в Фиваиде произошло большое восстание. Экономика находилась в упадке, и уже с 55 г. страна контролировалась римлянами, в 47 г. она стала ареной Александрийской войны, а в 30-е гг. I в. Египет стал заложником амбициозных планов Клеопатры.

Победы Цезаря резко изменили ситуацию. После завоевания Галлии и выхода римлян к линии Рейна, угроза Италии и Испании с севера исчезла вплоть до III века н. э., а после 40-х гг. I в. прекратились внутренние брожения в Испании. Покорение полуострова завершил Август, завоевав в ходе Кантабрийских войн (29–19 гг. до н. э.) единственную независимую часть Пиренейского полуострова. Победа Цезаря в Африке и ликвидация Нумидийского царства обезопасили африканскую границу вплоть до конца II в. н. э. После 31 г. н. э. прекратились войны в Греции и Македонии. Цезарь планировал завоевание Мёзии и Паннонии, но эти планы осуществил уже Август. К концу его правления вторая по численности римская армия прочно держала оборону по всей линии Дуная. Вплоть до конца II в. н. э. племена центральной Европы не представляли для Рима сколь-нибудь серьезной опасности.

Стабилизировались и восточные границы. Победа Цезаря над Фарнаком (47 г.) ликвидировала угрозу провинции Азия. Парфянский поход Цезаря так и не осуществился, но после побед Вентидия в 39 г. до н. э. масштабных вторжений парфян в Сирию не было, а в 20 г. до н. э. Август установил долгосрочный мирный договор с Парфией, установив границу по Евфрату. После 31 г. до н. э. Египту уже ничто не угрожало, а со времен кампании Помпея (67 г.) Средиземное море было свободно от пиратов. Новая волна пиратства была подавлена в ходе Сицилийской войны 38–36 гг. до н. э. Вплоть до III в. н. э. римский флот не участвовал в воен-

ных операциях. Он лишь контролировал подвоз продовольствия и поддерживал безопасность на море.

Во времена Августа Римская Империя примерно вдвое превышала размеры республики II в. до н. э., примерно таким было и соотношение по населению. В I в. до н. э. в ее состав вошли Галлия, балканские области вплоть до Дуная, Нумидия, восток Малой Азии, Сирия и Египет. Огромная держава с населением 50–80 млн человек была неуязвима, а внешняя безопасность стала основой внутренней стабильности. Почти повсеместно начинается рост сельскохозяйственной и промышленной экономики, строительство дорог, акведуков и новых городов. Похоже, что время Августа стало временем беспрецедентного экономического роста и повышения благосостояния практически всех слоев населения, равно как и усиления внутри- и межрегиональных связей. «Римский мир» ликвидировал препятствия на пути к развитию коммуникаций и внутри- и межрегиональной торговли. Практически все области Империи пережили мощный экономический подъем. В Галлии наряду с традиционным производством развиваются оливководство и виноградарство, начинается мощная волна урбанизации, происходит глубокое проникновение римской цивилизации в Испанию, особенно — в Бетику, а завоевание Кантабрии и Астурии резко увеличило добычу золота (Plin. NH., XXXIII, 78). Необходимость снабжения Рима зерном стимулировала экономический подъем в Африке, а конец гражданских войн и парфянских вторжений оказали благоприятное воздействие на экономику и транзитную торговлю в Сирии. Римское завоевание стимулировало развитие экономики Египта и улучшение его ирригационной системы. Создается единый общеимперский рынок, вначале морской, а затем — сухопутный.

Одной из основ экономического подъема было качественное изменение финансового положения Империи¹⁶. К окончанию гражданской войны 83–82 гг. до н. э. в казне было всего 14 000 фунтов золота и 6000 фунтов серебра (не более 10 млн денариев или 40 млн сестерциев). Приток военной добычи начался в конце 60-х гг. В 62–61 гг. в эрарии было около 70 млн денариев (280 млн сестерциев). Походы Помпея увеличили казну до 120 млн денариев (480 млн сестерциев), а доходы — до 70 млн денариев (280 млн сестерциев). Расходы в этот период были значительные: только военный бюджет составлял 75–80 млн в год, большие суммы шли на зрелищные программы и снабжение Рима хлебом, тогда же шло активное строительство флота. Впрочем, накопления, которые могли создаваться в 62–49 гг. до н. э., вероятно, резко сократились во время граж-

¹⁶ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 304; Т. 3. С. 341–343.

данской войны. Казна была меньше, чем некоторые частные состояния: состояние Помпея доходило до 70 млн сестерциев, Красса — до 170 млн, сопоставимы с ними были состояния Лукулла или Домиция Агенобарба, а в руки ближайшего окружения Суллы попало около 350 млн сестерциев.

Выход из финансового кризиса начался при Цезаре. Военная добыча диктатора дала казне 700 млн сестерциев, а доходы казны выросли за счет Галлии на 40 млн сестерциев в год. Со времени Цезаря начинается крупномасштабная строительная программа (150 млн сестерциев в год), однако, несмотря на это, к концу цезарианской диктатуры казна составляла около 800 млн сестерциев (200 млн денариев). Несмотря на тяжелейшие гражданские войны 44–31 гг. до н. э. Империя уверенно шла на подъем. Доход от Египта составил 35 млн денариев (140 млн сестерциев) в год, а общие доходы Империи выросли до 450–460 млн сестерциев. К сожалению, мы не знаем о размерах казны при Августе, но основа будущих накоплений Империи делалась именно в это время. Август сообщает, что внес в эрарий 2,5 млрд сестерциев (R. g., 16–17). Тиберий оставил в казне 2,7 млрд сестерциев (почти в 10 раз больше, чем в эпоху республики). Этот уровень сохранялся до времен Антонина Пия (675 млн денариев).

Более сложным оказалось преодоление внутреннего кризиса. Цезарь не успел завершить свою деятельность, хотя и наметил ряд важных реформ. Сенат был увеличен до 900 человек (Suet. Iul., 41; Dio, 43, 47). До войны в сенате было 400–500 человек, несколько десятков сенаторов погибли на войне. Диктатор вернул в него всех политических изгнанников и бывших помпеянцев и добавил множество новых сенаторов из числа своих сторонников, главным образом — всадников и выходцев из муниципальной знати. Также как и Сулла, Цезарь отменил цензуру и увеличил число квесторов до 40, преторов — до 14 и эдилов — до 8 (Dio, 43, 47). Сенат был цезарианским: из 24 или 26 консуляров восемь принадлежали к числу легатов Цезаря, а семеро — к числу его старых политических союзников. Тем не менее, реформа не устоялась, и убийство Цезаря вызвало кризис в сенате. Более сильной опорой оказалась армия.

Убийство Цезаря вызвало новый этап гражданских войн. В 44–42 гг. до н. э. общество оказалось на грани новой катастрофы. Предстояло пережить фактический распад 44–43 гг., ожесточение и во многом бессмысленные сражения Мутинской войны, жестокие проскрипции и конфискации Второго триумvirата и тяжелейшую Филиппийскую войну 42 г. до н. э. Военные потери этого времени были сопоставимы с потерями 90–80-х гг.¹⁷ После этого гражданские войны идут на спад, хотя в 38–36 гг. происходит

¹⁷ Brunt P. Italian manpower... P. 531.

Сицилийская война, а в 31 г. огромные силы Антония и Октавиана встретились в битве при Акции. В 30 г. Октавиан стал единственным правителем Империи и мог приступить к оформлению власти.

Впрочем, главная задача была внутри. После Цезаря начинается новый этап романизации. Диктатор расселил в заморские колонии 80 000 человек (Suet. Iul., 42). Колонии основывались в Малой Азии, Сицилии, Испании, Нарбонской Галлии, а начало восстановления Карфагена и Коринфа восстанавливало традиционную структуру Греции и Африки. Еще более масштабной была колонизация Августа: в течение своего правления он предоставил земли в провинциях примерно половине своих ветеранов (т. е. около 150 000 человек), которые были расселены во внутренних провинциях (Африка, Понт, Сирия, Нарбонская Галлия, Писидия), расселив их по 48 городам (R. g., 28). Одновременно шло стихийное переселение италиков в провинции, а к концу правления Августа в провинциях проживало 836 100 римских граждан¹⁸.

Еще более важной была правовая революция, в корне изменившая положение в Империи. С Цезаря начинается массовое предоставление провинциалам прав римского гражданства. В 49 г. до н. э. права римского гражданства получила вся Цизальпийская Галлия, что, вероятно, увеличило число граждан на 1–1,5 млн человек (Tac. Ann., XI, 24; Dio, 41, 38). Цезарь планировал дать гражданство жителям Сицилии. При Цезаре и Августе число римских колоний выросло с двух (Италия, Малакка) до 26. В ходе гражданской войны гражданство получили многие солдаты вспомогательных войск. Кроме того, провинциалы стали служить в легионах, а вассальные цари — создавать свои легионные подразделения.

Создание значительной прослойки римских граждан (в том числе — местного происхождения) изменило отношения провинциалов и римских властей. Новая правовая основа была закреплена рядом законов Цезаря (*lex Iulia municipalis*, *lex Iulia maiestatis*, *lex repetundarum*). Муниципальный закон стабилизировал правовую основу муниципальной системы Империи, второй закон стал квалификацией антигосударственной деятельности, третий — сыграл важную роль в устройстве провинциального управления и функционирования госаппарата.

Итак, Империя была обществом, существенно отличным от полисного, республиканского и италийского Рима. Важнейшим фактором отличия было то, что Рим стал гигантской сверхдержавой и прошел через кризис I в. до н. э. Вместе с тем, этот Рим сохранил многие черты прежнего.

---

¹⁸ *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 458; *Заборовский Я. Ю.* Очерки... С. 63.

ЛИТЕРАТУРА

Поскольку данное введение представляет собой общеисторическое вступление к курсу государственного права, нам представляется целесообразным поместить общие методические указания в конце темы I и ограничиться в данном разделе общей характеристикой научной литературы. Тема истории гражданских войн конца II–I вв. до н. э. принадлежит к числу достаточно разработанных в отечественной историографии, и нашей задачей будет не представление более или менее полного списка, а обзор тех отечественных исследований, которые, на наш взгляд, либо наиболее полно, либо наиболее основательно представляют отдельные вопросы истории периода гражданских войн или их общую характеристику. Очень краткий и выборочный обзор зарубежной литературы, также необходимый для нашей задачи, будет дан в указаниях к теме I.

Источники

(в алфавитном порядке)

1. *Аппиан*. Гражданские войны. Пер. с греч. / Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935 (переиздание).
2. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского и А. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.
3. *Евтропий*. Бrevиарий от основания Города. СПб., 2001.
4. *Ливий Тит*. История от основания города / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1989–1993. Т. 1–3.
5. *Орозий Павел*. История против язычников. СПб., 2001. Т. 1–2.
6. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в трех томах / Под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964 (биографии Гракхов, Мария, Суллы, Лукулла, Сертория, Помпея, Красса, Цицерона, Цезаря, Катона Младшего, Брута, Антония).
7. *Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.
8. *Флор Луций Анней* / Пер. с лат. А. И. Немировского и А. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.
9. *Гай Юлий Цезарь*. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948 (переиздание — 1991).
10. *Цицерон Марк Туллий*. Речи в двух томах / Пер. с лат. под ред. В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962 (переиздание — 1993).

11. *Цицерон Марк Туллий*. Диалоги «О государстве», «О законах» / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. М., 1962.
12. *Цицерон Марк Туллий*. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
13. *Цицерон Марк Туллий*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974.
14. *Цицерон Марк Туллий*. Письма / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1951. Т. 1–3.

Литература
Обязательная

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 9–14.
2. *Ковалев С. И.* История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. Изд. 2-е. Л., 1986. Гл. 18–25.
3. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 14–19.
4. *Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима. Учебное пособие. СПб., 2003.
5. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 188–326.
6. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1987. Раздел 1.

Дополнительная
(в алфавитном порядке)

1. *Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с франц. М., 1888–1890. Вып. 1–2.
2. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.
3. *Егоров А. Б.* Проблемы истории гражданских войн // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2005. Вып. 4. С. 473–497.
4. *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.
5. Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1980.
6. *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. М., 1981.

7. *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973.
8. *Лившиц Г. М.* Социально-политическая борьба в Риме 60-х годов I в. до н. э. Минск, 1960.
9. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.
10. *Моммзен Т.* История Рима. М., 1939–1941. Т. 2–3 (Изд. 2-е. СПб., 1994–1995).
11. *Нич К. В.* История римской республики. М., 1908.
12. *Ростовцев М. И.* Рождение римской империи. Пг., 1918.
13. *Трухина Н. Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986.
14. *Утченко С. Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.
15. *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
16. *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972.
17. *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976.
18. *Фельсберг Э.* Братья Гракхи. Юрьев, 1910.
19. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима / Пер. с итал. А. А. Захарова. М., 1915–1925. Ч. 1–5.
20. *Чеканова Н. В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005.

ТЕМА 1 ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ

Переходя к чисто правовым вопросам, мы попробуем проследить последовательность развития системы чрезвычайных магистратур и отметить, что в течение I в. до н. э. практически все управленческие структуры республики начинают приобретать характер чрезвычайной власти.

Концентрация власти, как правило, практически неизбежна в периоды больших войн, а Рим их вел с самого начала своей истории. Говоря о V веке до н. э., можно отметить одного из основателей республики П. Валерия Публикола, бывшего консулом 509, 508, 507 и 504 гг. до н. э., и Т. Квинция Капитолина Барбата, консула 471, 468, 465, 446, 443 и 439 гг. до н. э., многократно побеждавшего сабинов, этрусков и эквов. Один из децемвиров 451–450 гг. до н. э. Кв. Фабий Вибуллан был трижды консулом 467, 465 и 459 гг. до н. э., а период II Вейентской войны был связан с деятельностью Мамерка Эмилия, трижды диктатора (437, 434 и 426 гг. до н. э.) и военного трибуна 438 г.

Быть может, наиболее значительной фигурой раннего периода республиканской истории был Марк Фурий Камилл, семикратный военный трибун с консулярной властью (403, 401, 398, 394, 386, 384 и 381 гг. до н. э.) и пятикратный диктатор (396, 390, 389, 385, 368, 367 гг. до н. э.). Первые трибунаты Камилла были связаны с осадой Вей, а став диктатором, он взял город штурмом, одержав, возможно, крупнейшую победу за всю историю Рима V в. до н. э. Еще более важной была вторая диктатура Камилла (390 г. до н. э.), когда он был назначен диктатором в период галльского нашествия и организовывал сопротивление галлам и восстановление города. В 80-е гг. IV в. Камилл стал подлинным лидером римской общины как в военной, так и в гражданской жизни. В 389 г. он нанес сокрушительное поражение эквам и вольскам и взял этрусскую колонию Сутрий (Liv., VI, 2–4), в 386 г. снова разбил вольсков и этрусков, заняв Непете и Сатрик, а в 381 г. снова разбил вольсков и добился договора с Тускулом (Liv., VI, 22–26). Камилл руководил восстановлением Рима и разделом вейской земли, отговорив сограждан от переселения (Liv., V, 50–VI, 5), а в 385 г. возглавил борьбу против Марка Манлия. В 368 г. Камилла снова сделали диктатором в надежде, что он успокоит волнения, связанные с предложениями Лициния и Секстия, а в 367 г. он в последний раз принял диктатуру и разбил галлов у реки Анио (Liv., VI, 42). К сожалению, точность выводов снижается из-за скудости и недостоверности информации.

Достаточно высокой была степень концентрации власти в период 60–40-х гг. IV в., время победы плебеев в борьбе за магистратуры, войн с латинами и вольсками и крупных галльских набегов. С войнами с галлами связаны имена пятикратного (364, 361, 355, 353 и 351 гг. до н. э.) консула и диктатора 358 г. Г. Сульпиция Петика и четырехкратного консула М. Попилия Лената (359, 356, 350 и 348 гг.). В это время выдвигаются два плебейских лидера, вероятно, ставшие после принятия закона Лициния–Секстия предводителями плебейского движения. Г. Марций Рутил был консулом 357, 352, 344 и 342 гг., в 356 г. Рутил был первым плебеем-диктатором, а в 351 г. — первым плебеем-цензором. Квинт Публилий Филон, также четырехкратный консул (339, 327, 320, 315 гг.), стал диктатором в 339 г. и провел ряд реформ, расширивших роль народного собрания и закрепивших за плебеями одно цензорское место. Победы в первой Самнитской (343–341 гг. до н. э.) и Латинской (340–338 гг. до н. э.) войнах связаны с именами М. Валерия Корва (консула 348, 346, 343, 335, 300 и 299 гг.) и Т. Манлия Торквата (консул 347, 344 и 340 гг.). Корв фактически выиграл войну с самнитами, Торкват победил латинов в генеральном сражении при Трифане.

Концентрацию власти не следует преувеличивать. Большинство этих лидеров едва ли позиционировали себя за пределами традиционного аристократического лидерства. Несколько особое положение было, вероятно, у Фурия Камилла, «второго основателя Рима», однако оно, похоже, было вызвано особым критическим положением, в котором находился Рим, а не собственными амбициями лидера. Особое положение Камилла, вероятно, вызывало и протесты общества: в 391 г. он был даже отправлен в изгнание, из которого вернулся только после набега галлов и погрома города, в 385 г. он подвергался критике в связи с делом Манлия, а в 367 г. не смог решить вопрос с законами Лициния–Секстия. Вероятно, единственным потенциальным «тираном» был лидер децемвиров 451–450 гг. Аппий Клавдий, чьи действия привели к свержению режима.

И все же, даже легитимная концентрация власти вызвала реакцию. В 342 г. до н. э. был принят закон Генуция (Liv., VII, 42), запретивший одновременное занятие двух должностей в течение года и одной и той же должности в течение 10 лет. Вероятно, прежде всего закон касался консульства.

Закон Генуция нарушался регулярно. Новая концентрация власти связана со II и III Самнитской войнами (327–304 и 298–290 гг. до н. э.). Прежде всего необходимо упомянуть двух выдающихся полководцев, Л. Папирия Курсора (консул 326, 320, 319, 315, 313 гг. и диктатор 325 и 310 гг.) и

Кв. Фабия Руллиана (консул 322, 310, 308, 297 и 295 гг., диктатор 315 и 313 гг. и цензор 304 г.). Папирий начал свою деятельность с принятия знаменитого закона Плавтия–Папирия об отмене долгового рабства, однако его последующая карьера связана с первым этапом II Самнитской войны, характерным упорной борьбой в Самнии и Кампании и отражением наступления самнитов на Лациум. В 325 г. Папирий победил самнитов при Имбринии (Liv., VIII, 35–36), в 320 г. — при Луцерии (Liv., IX, 12–15) и взял город. Вероятно, самые крупные поражения, нанесенные им самнитам, относятся к 309–308 гг. (Liv., IX, 40–41), которые, по всей видимости, окончательно сломили сопротивление самнитов.

Еще больших успехов добился Квинт Фабий Руллиан, крупнейший полководец второго периода II Самнитской войны, времени наступления на самнитов и этрусков, возглавивший Рим в решающей битве за Италию. Еще в 325 г. молодой полководец, бывший начальником конницы Папирия Курсора, одержал победу при Имбринии, за что едва не поплатился головой (Liv., VIII, 30). В 322 г. в качестве консула он, возможно, участвовал в большом сражении с самнитами, закончившимся победой римлян (Liv., VIII, 38–40). Впрочем, звездный час Фабия наступил в 310 г. до н. э. Получив командование в Этрурии, он совершил дерзкий рейд через Циминский лес, разбил умбров и этрусков и к 308 г. заставил их капитулировать. С началом III Самнитской войны Фабий и его коллега, П. Деций Мус, консул 312, 308, 297 и 295 гг., стали фактическими главнокомандующими римской армией, опустошали Самний в 297–296 гг. и выиграли генеральное сражение при Сентине в 295 г. В сражении погиб Деций Мус, Фабий также завершил свою карьеру, хотя мы еще встречаем его в качестве легата при своем сыне, Кв. Фабии Гургите. Последним выдающимся военачальником Самнитских войн был Маний Курий Дентат, консул 290, 275 и 274 гг. до н. э., победитель самнитов, сабинян и Пирра. Дентат стал для римлян образцовой фигурой истого полководца «старого закала», человека, достигшего власти благодаря своим выдающимся дарованиям и продолжавшего жить в честной бедности даже после того, как он достиг вершин своей карьеры.

В особом положении могли оказаться и народные трибуны, претендовавшие, разумеется, не на власть в государстве, но на особое положение в народном движении. Можно упомянуть трибуна Публилия Волерона, инициатора закона о выборах трибунов в 471 г. до н. э. (Liv., II, 54–67) или (наиболее яркий пример) трибунов 376–367 гг. до н. э. Г. Лициния Столона и Л. Секстия, инициаторов трех важнейших законов о правах плебеев. В течение 10 лет, пока длилась борьба, народ выбирал их трибунами.

Напротив, жизнь официального Рима была практически парализована: в течение пяти лет в Риме не было ни одного курульного магистрата (Liv., VI, 35), только в 370 г. были избраны военные трибуны с консульской властью, а в 368 г. были назначены два диктатора, Камилл и П. Манлий (Liv., VI, 37–41). В 366 г. законы были приняты, Секстий стал первым консулом-плебеем, а Лициний получил консульство, вероятно, в 364 г. Положение неформального народного лидера занял герой обороны Капитолия во время галльского нашествия, Марк Манлий, пытавшийся возглавить движение должников и предложивший кассацию долгов и аграрный закон (Liv., VI, II). Опасность была столь велика, что назначенный диктатором Камилл бросил Манлия в тюрьму, однако под давлением народа тот был освобожден (Liv., VI, 14–17). Только при помощи трибунов и народного суда сенат смог осудить Манлия и добиться его казни (Liv., VI, 18–20).

Впрочем, III и II вв. до н. э. были периодом коллективного руководства и господства сената. Единственным периодом новой концентрации власти стала II Пуническая война. Квинт Фабий Максим был консулом 233, 228, 215, 214 и 209 гг. до н. э. В 217 г. он был диктатором, а в 213 г. — легатом своего сына во время консульства последнего. Выдвижение Фабия, Впрочем, и раньше бывшего одним из лидеров сената, было связано с диктатурой 217 г., когда он сумел сохранить армию после поражений при Треббии и Тразименском озере и добиться если не успеха, то, по крайней мере, мирной передышки. Вскоре Фабий стал принцепсом сената, и с его именем связаны как ряд важнейших военных решений, так и огромная повседневная работа по организации сопротивления Ганнибалу в Италии. Фабий был одним из лидеров сената, сумевших успокоить панические настроения после Канн (Liv., XXII, 55, 4–8), а консулами 215 и 214 гг. избирали Фабия и другого героя войны, Марка Клавдия Марцелла. С 215 по 209 гг. (самый тяжелый период войны в Италии) Фабий командовал одной из армий в качестве консула, проконсула и легата. В 209 г. старый полководец добился нового успеха, взяв Тарент. Есть основания считать, что Фабий превратился в своеобразного «начальника генерального штаба», каковым стал во время войны римский сенат. В 211 г. он добился сенатского решения не снимать осаду с Капуи во время похода Ганнибала на Рим (Liv., XXVI, 7–8), а в 205 г. (хотя и безуспешно) пытался помешать африканской кампании Сципиона (Liv., XXVIII, 38; 40; 45). Фабий умер в 203 г. до н. э., не дожив до битвы при Заме. Римская традиция считала его спасителем Рима в самые тяжелые моменты войны.

Тяжелая война в Италии и Сицилии была связана с двумя другими военачальниками, М. Клавдием Марцеллом и Кв. Фульвием Флакком.

Бывший консулом 222, 215, 214, 211 и 209 гг., Марцелл отличился в войне с галлами уже во время своего первого консульства. В 216 г., будучи претором, он отразил наступление Ганнибала на Нолу, что было первой победой римлян после Канн. В 215–214 гг. он вместе с Фабием возглавил римскую армию в этот самый трудный период войны, а в 214–212 гг. командовал римской армией, осаждавшей Сиракузы, взял город и подчинил большую часть Сицилии. В 210–208 гг. Марцелл командовал одной из армий в Кампании и Самнии и погиб в бою с нумидийцами (208 г.). Квинт Фульвий Флакк был консулом 237, 224, 214 и 209 гг. и проконсулом в 212–211 гг. с его именем связан один из поворотных эпизодов войны в Италии — осада Капуи.

Концентрация власти осуществлялась и другими способами. Постепенно основная тяжесть войны переносится в другие регионы Средиземноморья, Испанию, Грецию и Африку. Поскольку консулы должны были находиться недалеко от Рима, чтобы иметь возможность заниматься гражданскими делами и руководить сенатом и народным собранием, командующие на отдаленных театрах военных действий получали иную, проконсульскую власть для того, чтобы иметь возможность полностью сконцентрироваться на своей военной задаче. Сама военная обстановка требовала, чтобы сенат не менял командующих, а пролонгировал власть способному военачальнику, если тот успешно выполнял боевую задачу. Так, консул 220 и 211 гг. М. Валерий Левин командовал войсками в Греции в 214–212 гг., а в 212–211 гг. сменил Марцелла в Сицилии.

Совершенно беспрецедентным в истории республики было командование Сципионов в Испании и Африке. В 218 г. П. Корнелий Сципион стал консулом и должен был отправиться в Испанию. Из-за вторжения Ганнибала в Италию консул был вынужден воевать в Италии, но в 217 г. он прибыл в провинцию, где уже находился его брат Гней. Публий и Гней Сципионы бесценно командовали испанской армией до своей гибели в 212 г. В 210 г., несмотря на молодой возраст, командование получил 26-летний сын Публия, будущий знаменитый полководец Публий Корнелий Сципион Африканский Старший. Сципион оставался проконсулом Испании до 206 г. до н. э., пока не изгнал карфагенян с Пиренейского полуострова. В 205 г. Сципион стал консулом, а в 204–201 гг. был проконсулом в Африке. Именно тогда он стал победителем при Заме и полководцем, продиктовавшим Карфагену условия мира. Огромное влияние Сципиона на римскую политику сохранялось и в последующее двадцатилетие. В 199 г. он стал принцепсом сената, оставаясь им до своей смерти в 184 г. В 199–198 гг. Сципион был цензором, в 194 г. он вторично

стал консулом и начал подготовку к войне с Антиохом, а в 190–189 гг. до н. э. был легатом в армии своего брата Луция и организатором победы при Магнезии. Луций Сципион, консул 190 г., был легатом своего брата на протяжении практически всех его кампаний. Почти все консулы 200–185 гг. до н. э. были родственниками, друзьями, офицерами Сципиона, а практически все важнейшие события периода были связаны с этим кругом. Сципионы, особенно Публий, были символом одного из самых блестящих периодов великих завоеваний, времени победы во II Пунической войне и наступления во всех районах Средиземноморья, разгрома Македонии и Селевкидского царства и установления гегемонии на Балканах.

После 80-х гг. II в. до н. э. Рим резко отходит от лидерского принципа и чрезвычайной власти и следует коллегиальному сенатскому руководству. Так, Катон Старший, один из наиболее значительных политиков последующего периода, был консулом только один раз, в 195 г., а в 184 г. последовала его знаменитая цензура. Вместе с тем, на протяжении 80–50-х гг. II в. он был одним из лидеров римского сената. В 180 г. до н. э. был принят закон Виллия, установивший четкий порядок прохождения должностей (квестура, претура, консульство) и минимальный возраст для их занятия (35, 37 и 39 лет). Закон запрещал занятие второго консульства ранее, чем через 10 лет после первого.

Практика простиралась еще дальше: в 180–104 гг. до н. э. только семь человек занимали консульство дважды и лишь один — трижды (М. Клавдий Марцелл — консул 166, 155 и 152 гг. до н. э.). Вероятно, конец этого периода отмечен деятельностью двух выдающихся полководцев — победителя Персея, консула 182 и 168 гг. Луция Эмилия Павла, и его сына, Публия Корнелия Сципиона Эмилиана, усыновленного Публием Корнелием Сципионом, сыном Сципиона Старшего. В 149–148 гг., будучи военным трибуном, Сципион отличился при осаде Карфагена, в 147 г. он стал консулом и командовал армией, осаждавшей город в этом и следующем, 146 г. Вокруг победителя Карфагена, ставшего в 40-е гг. II в. одним из самых влиятельных политиков Рима, образовался круг политических деятелей, также добившихся высших магистратур (Г. Лелий, Кв. Элий Туберон, Л. Фурий Фил и др.). В 142 г. Сципион был цензором, а в 30-е гг. при поддержке сципионовского окружения проводятся законы о введении в комициях тайного голосования. В 134 г. в качестве консула Сципион был послан для покорения Нуманции и заставил город капитулировать (133 г.), а в 129 г. (год его смерти) Сципион добился прекращения деятельности аграрной комиссии Гракхов.

Сципион Эмилиан был, вероятно, последним лидером эпохи великих завоеваний. Первым представителем новой, кризисной эпохи стал Тиберий Гракх, трибунат которого был чрезвычайно важным и по сути, и по форме. Гракх стал прямо обращаться к народу, минуя сенат, что уже давно не практиковалось. В 133 г. до н. э. он попытался нарушить еще одну традицию и вторично баллотировался в трибуны, что и стоило ему жизни. После принятия аграрного закона Гракх стал руководителем аграрной комиссии (App. V. C., I, 13; Plut. G. Gr., 13; Vell., II, 2), в которую входили консул 143 г. до н. э. Аппий Клавдий и брат Тиберия Гай. Хотя аграрные комиссии были характерны для Рима, особенностью данной структуры были беспрецедентные размеры ее деятельности, превратившие аграрных триумвиров в своеобразный альтернативный центр политики. После гибели Тиберия его место занял консул 131 г. до н. э. П. Лициний Красс Муциан, а после смерти Аппия Клавдия и Красса Муциана консул 125 г. М. Фульвий Флакк и будущий консул Г. Папирий Карбон стали новыми членами комиссии (*triumviri agris dandis adsignandis*). Исследователи часто отмечают «семейный» характер комиссии, отметим и то, что практически все ее члены занимали очень высокое положение в римской иерархии. Примечательно, что ликвидируя комиссию, Сципион Эмилиан предложил передать ее функции консулам (App. V. C., I, 19).

В 131 г. до н. э. закон Папирия Карбона разрешил трибунские итерации, и уже Гай Гракх был трибуном 123 и 122 гг., пытаясь также баллотироваться на 121 год. Гракх-младший продолжал традицию прямого обращения к комициям независимо от сената. Более того, если аграрный закон Тиберия еще мог рассматриваться как чрезвычайная ситуация, то серия законов Гая превращала этот принцип в систему.

Достаточно сходными были принципы действия других трибунов, Сатурнина и Ливия Друза. На первом этапе кризиса, в период 111–80 гг. до н. э. именно от трибунов исходили важные политические и правовые инициативы: аграрный закон 111 г., критика действий сената и его лидеров в Югуртинской войне, создание комиссии Мамилия Лиметана, закон Апулея Сатурнина об оскорблении величия, процессы против виновников поражений в Кимврской войне, судебный закон Сервилия Главции (103 г.), аграрный и другие законы Сатурнина (100 г.), законы Ливия Друза (91 г.) и Сульпиция Руфа (88 г.). Практически все эти законы принимались без ведома сената, а иногда и при его прямом сопротивлении. Аграрный закон Сатурнина включал в себя в качестве дополнительного пункта клятвенное обязательство привести его в исполнение в случае принятия проекта народным собранием (App., V. C., I, 30; Plut. Mar., 29; De v. ill., 73), а законы

Друза (аграрный, хлебный и судебный) были приняты комициями, но отменены сенатом под формальным предлогом (Cic. De orat., I, 24; III, 2–5; Val. Max., VI, 2, 2; De v. ill., 66).

Черту под трибунским законодательством подвел Сулла, нанесший удар по трибунской власти, однако сразу после смерти диктатора трибуны начали борьбу за отмену его законов: в 76 г. это пытался делать Гн. Сициний (Sall. Hist., III, 48), в 74 г. — Л. Квинкций (Cic. Pro Cluent., 77; 79; 93; 95; 103; 130), в 73 г. — Г. Лициний Макр (Sall. Hist., III, 48). Наконец, в 70 г. по закону Лициния Помпея полномочия трибунов были полностью восстановлены.

В 60–50-е гг. инициативу реформ взяли на себя Помпей, Цезарь, Красс и другие крупные политические лидеры. Трибуны все более становятся подчиненной стороной. Вместе с тем, они продолжают активно участвовать в законодательстве. Оба закона о чрезвычайных полномочиях Помпея, закон Габиния (67 г.) и закон Манилия (66 г.) были предложены трибунами и встретили сопротивление сената (Plut. Pomp., 25). В 63 г. аграрный закон, реальными инициаторами которого были Красс и Цезарь, был предложен трибуном Сервилием Руллом. Когда в 59 г. Цезарь предложил свой аграрный закон, его обвинили в том, что консул взял на себя функции трибуна. Впрочем, полномочия Цезаря в Галлии были установлены трибунским законом П. Вагиния (59 г.), а полномочия Помпея и Красса в 55 г. были даны им по закону Требония. В 50–49 гг. именно трибуны (вначале Курион, а затем Марк Антоний и Кв. Кассий) защищали права Цезаря.

Лишь немногие трибуны пытались играть независимую роль. В 67 г. народный трибун Гай Корнелий предложил серию законов против различных видов сенатской коррупции (о подкупе, о займах иностранным государствам, о привилегиях, о праве преторов вносить поправки в «постоянный эдикт» и др.). В 65 г. Корнелия привлекли к суду и, хотя он был оправдан, предупреждение прозвучало достаточно серьезно. Гораздо более сильным лидером был Публий Клодий. Сын Аппия Клавдия Пульхра, видного сулланского деятеля и консула 79 г., Клодий был, вероятно, самым знатным из трибунов I в. до н. э. Для того чтобы стать трибуном, он должен был перейти в плебеи. Еще до трибуната Клодий стал бросать вызов политическим лидерам самого различного толка: он агитировал против Лукулла, обвинил Катилину и устроил скандал в доме Цезаря на празднике Доброй Богини (62 г.). В 58 г. последовал его знаменитый трибунат с бесплатными раздачами хлеба, запретом отменять решения комиций под религиозными предлогами и разрешением ранее запрещенных

коллегий. Клодий стал лидером городской толпы, а его отряды терроризировали Рим. В 58 г. вопреки мнению большинства сената, мятежный трибун добился изгнания Цицерона. На протяжении всего периода 50-х гг. Клодий был влиятельнейшим политиком, с которым считались как оптиматы, так и триумвиры, а для Цицерона он неизменно оставался самым опасным врагом.

Трибуны продолжали помогать Цезарю и Октавиану. Закон Тиция (27 ноября 43 г.) объявил Октавиана, Антония и Лепида триумвирами для устройства государственных дел (R. g., 1; Liv. Epit., 120; Suet. Aug., 2; Dio, 46, 54). Цезарь был обожествлен по закону другого трибуна, П. Руффена (Dess., 73; 73a).

Трибунат I в. до н. э. внес большой вклад в процесс перехода от республики к Империи. Трибунат I в. до н. э. отличался и от революционного трибуната V–IV вв. до н. э., и от «прирученного» трибуната III–II вв. до н. э. Отличием от первого было то, что должность уже давно интегрировалась в сенатские и магистратские структуры, однако это уже не был трибунат эпохи расцвета республики, подчиненный сенатской воле. Трибуны сыграли решающую роль на первом этапе кризиса 133–91 гг. до н. э. и именно они предложили многочисленные реформы. Законы Суллы подвели черту под этим этапом развития трибуната, однако после 70 г. трибуны продолжали играть определенную роль в политике. Именно трибунат с его независимостью от сената, правом апелляции к народу, трибунским вето и особыми контрольными функциями мог стать инструментом преобразований. Кризис трибуната был связан с его городским, гражданским, демократическим и плебейским характером; с переходом кризиса в военную фазу и изменением правил игры, когда все стали решать вооруженные силы, трибуны занимают место помощников влиятельных полководцев.

Сенат проводил двойственную политику. С одной стороны (и эти настроения явно преобладали), сенаторы пытались подчинить или ограничить трибунат, с другой — они пытались использовать его как механизм контрреформ или (что было значительно чаще) блокировать с его помощью действия реформаторов. Сенаторы устроили внесудебную расправу над Тиберием Гракхом и разгромили Гая Гракха и Сатурнина при помощи «крайнего решения» (*senatusconsultum ultimum*). Сульпиций стал жертвой военного переворота, Друз и Клодий — политических убийств. Многие трибуны-популяры (Манилий, Лициний Макр, Гай Корнелий) становились жертвами политических процессов. Сулла пытался превратить трибунат в сенатский механизм, ограниченный *de iure* и *de facto*, и

одновременно — поставить его в систему магистратур, как это было в V–IV вв. до н. э.

Несколько раз оптиматы использовали тактику контрреформ. В 122 г. это удачно сделал Друз-старший, однако когда его сын, трибун 91 г. до н. э. Друз-младший, попытался соединить гракханские реформы и сенатскую традицию, дело кончилось конфликтом. Гораздо чаще оптиматы использовали запретительные функции трибуната: вето Октавия против Гракха в 133 г., вето Друза против закона Гая Гракха об италиках (121 г.), интерцессия Катона и Минуция Терма против предложения Цезаря и Метелла Непота о полномочиях Цезаря (Plut. Cato min., 28; Caes., 23; Dio, 37, 43). Часто подобные интерцессии игнорировались обеими сторонами. Зачастую антиконституционные действия сената против трибунов (процессы, обструкция, политические убийства, запреты, а временами и прямые репрессии) наносили конституционному строю не менее серьезный удар, чем сами трибунские реформы. Даже антидемократически настроенные авторы, крайне негативно относящиеся к трибунам-реформаторам, находились в затруднении, что принесло больший вред республике, законы Гракхов, Сатурнина или Клодия, или те методы, которые использовались против них сенатом. Уже Флор или Аппиан не знали, что было более противозаконно — смещение Октавина или убийство Тиберия Гракха — для современного историка, лишённого ярко выраженного предубеждения против демократии, вопрос становится еще более ясным.

Лидеры антисенатских сил шли по другому пути. Для них трибуны были союзниками, которых можно было использовать, но их надо было и держать под контролем, что делало отношения весьма сложными. При Гракхах трибуны оставались инициативной группой, ведущей за собой консулов-реформаторов (Аппий Клавдий, Лициний Красс, Фульвий Флакк и др.). Примечательно, что консуляр и триумфатор Флакк явно играл подчиненную роль в союзе с молодым трибуном-реформатором Гаем Гракхом.

Положение изменилось во время выдвижения Мария. Сильный лидер и победоносный полководец, Марий становился надежной крышей для трибунов, а его основные реформы проводились именно ими (Сатурнин, Сульпиций). Взяв себе военную область, Марий фактически отдал гражданскую политику своим союзникам. Тем не менее, именно Марий был главной силой альянса. Были у них и трения: в 100 г. до н. э. Марий в конечном счете выступил против своего старого союзника Сатурнина. Курс Мария продолжали Цинна и Карбон (последний происходил из среды потомственных трибунов-популяр), которые взяли дело преоб-

разований в свои руки. Впрочем, трибуны также не ушли со сцены: в 86 г. до н. э. трибун М. Марий Гратидиан издал эдикт о валютной реформе, завоевав себе огромную популярность. Победа Суллы прекратила этот этап отношений между трибунами и полководцами: диктатор попытался ликвидировать и тех, и других, одновременно лишив трибунат его политико-правового значения.

В 70 г. трибунат был восстановлен *de iure*, однако, хотя трибуны продолжали сохранять известное значение, они уже полностью подчиняются политическим лидерам — одни полностью переходят на сторону крупных политических деятелей, другие пытаются сохранить независимость или, по крайней мере, ее видимость. Помпей активно использовал помощь трибунов. Собственные полномочия в 67 и 66 гг. он получил по трибунскому закону, а в 60 г. народный трибун Флавий предложил аграрный закон для наделения землей ветеранов Помпея. В 55 г. полномочия в Испании были даны ему по закону Требония. После гибели Клодия в 52 г. и расправы над клодианцами и «коррупционерами», среди которых было много популяров, настоящих и бывших, Помпей переходит на сторону сената. Цезарь был тесно связан с популярами на протяжении все своей деятельности. Еще в 70-е гг. он часто выступал как адвокат и правозащитник, активно участвовал в агитации за отмену законов Суллы и, вероятно, не был трибуном только по причине патрицианского происхождения. В 67 и 66 гг. он поддержал законы Манилия и Габиния, в 62 г. — трибунские инициативы о новых полномочиях Помпея. Цезарь остался с популярами и после консульства 59 г., во время проконсульства в Галлии. Среди его окружения было много настоящих и бывших деятелей демократической оппозиции (Т. Лабиен, А. Габиний, Г. Меммий, П. Ватиний, Г. Скрибоний Курион, Саллюстий Крисп и др.). Достаточно сложными были и отношения с Клодием. Более того, в сложные 50-е годы Цезарь стал общей защитой для популяров самого разного толка.

В отношениях Цезаря и трибунов заметны еще две тенденции. Во-первых, он пытался взять инициативу в свои руки и возглавить трибунов, превратив их в простых исполнителей, во-вторых, последнее вызывало определенные сложности в их отношениях. Оказавшись перед перспективой сенатской расправы или превращения в офицеров Цезаря, подавляющее большинство трибунов-популярвов выбрало последнее. Судьбы Лабиена, Габиния, Куриона, а позже — Требония и даже Саллюстия показали, что это было непростое решение.

После Фарсала Цезарь получает пожизненную трибунскую власть (*tribunicia potestas*) (Dio, 44, 4), тем самым фактически возглавив кол-

легию. Император становится «первым трибуном». Хотя, по большому счету, и трибуны, и народные массы поддерживали Цезаря, проявления оппозиционности также имели место. В 48, 47 и 44 гг. трибуны пытались выступить в роли оппозиции: в 48 г. трибун Целий Руф, ранее близкий к Цицерону, возглавил движение должников и даже поднял восстание (Caes. V. С., II, 20–22; Dio, 42, 23–24), в 47 г. волнения возглавили Долабелла и Требеллий (Dio, 42, 27–32; App. V. С., II, 92), в 44 г. произошел конфликт между Цезарем и трибунами Цезетием Флавом и Эпидием Маруллом.

Процесс подчинения магистратами с империем трибунской власти был завершен Августом. В 36 г. до н. э. Август получил трибунскую неприкосновенность (*sacrosanctitas*) и место на скамье трибунов, в 30 г. — *ius auxilii* внутри померия и в радиусе 4 миль (Dio, 51, 19), а в 23 г. — всю полноту власти. Трибунская власть стала неперенным атрибутом всех императоров и одной из правовых опор системы принципата. Опираясь на армию и восстановив отношения с сенатом, императоры как бы продолжали сохранять память о революции, приведшей их к власти.

Одновременно с эволюцией трибунага происходит другой, более важный процесс эволюции магистратур с империем. В конце II в. происходит попытка превратить консульство в сильную, независимую, по сути дела, диктаторскую власть, стоящую вне сената и пытающуюся подчинить его себе. Развитие консульской власти имело в качестве стартового начала серию консульств Мария. Мария выдвинула напряженная военная обстановка Югуртинской и Кимврской войн. В 107 г. на волне критики нобилитета и действий Метелла Нумидийского Марий при поддержке популяров получил свое первое консульство и командование в войне с Югуртой. Победа «нового человека» на выборах сама по себе была чрезвычайным событием и имела смысл вотума недоверия нобилитету и сенату в целом. «Народный полководец» блестяще выполнил свою задачу: в 106 г. он завершил войну пленением самого царя. Возвышение Мария происходило на фоне непрерывных поражений сенатских полководцев в Кимврской войне (113–101 гг. до н. э.), а катастрофа при Араузионе (105 г.) была, видимо, толчком к антикризисным мерам. В 104, 103, 102 и 101 г. Марий регулярно переизбирался в консулы, фактически заняв положение стратега-автократора в Кимврской кампании. Два первых года были заняты подготовкой и созданием новой армии, а также — так называемой военной реформой Мария, однако, вероятнее всего, пауза была вызвана промедлением самих германцев. Вокруг Мария создается сильная группировка аристократов и «новых людей», занявшая сильные позиции в сенате и опиравшаяся на массовую поддержку сельского плебса, из

которого, в основном, происходили солдаты Мария, а также городского плебса и самой армии. Так или иначе, хотя в действиях Мария было много элементов традиционного противостояния «нового человека» и сенатской аристократии, этот конфликт был гораздо глубже, острее и значительнее, чем прежде. «Диктатура Мария» завершилась блестящей победой: в 102 г. до н. э. Марий разбил тевтонов при Аквах Секстиевых, а в 101 г. кимвры были разбиты при Верцеллах. Теперь возник политический вакуум: задача Мария была выполнена и немалая часть общества уже не желала продолжения его власти, тогда как сам Марий хотел ее сохранить. Помимо чистых амбиций, перед Марием стояли и важные политические задачи, прежде всего — наделение земель своих ветеранов. 100 год (шестое консульство) закончился победой знати, разгромом Сатурнина, принявшего на себя основной удар, и потерей Марием политического влияния.

Новая попытка возвышения была предпринята в последние годы жизни. В 90–88 гг. до н. э. Марий был легатом в Союзнической войне, а в 88 г. при поддержке народного трибуна Сульпиция Руфа он был назначен командующим в войне с Митридатом в обход консульства Суллы. Это привело к военному перевороту и изгнанию Мария. Марий вернулся в 87 г. до н. э. после осады Рима и резни политических противников. В 86 г. он в седьмой раз стал консулом вместе с Цинной, фактически превратившись в военного диктатора. Впрочем, это положение длилось недолго, уже в январе 86 г. Марий умер.

Место Мария занял Цинна, ставший консулом 87 г. на волне протеста против сулланского военного переворота. В 87 г. он попытался провести закон о равном распределении италиков по трибам, но встретил сопротивление своего коллеги Октавия и после вооруженного конфликта был изгнан и (что было почти беспрецедентным в условиях Рима) лишен должности. Цинна бежал к армии и поднял мятеж, вернув власть после «малой» гражданской войны и осады Рима. Особенностью этой второй «диктатуры» было то, что, в отличие от Мария, Цинна пришел к власти при помощи силы, а его особое положение было обосновано не внешне-, а внутривластной ситуацией. Политической задачей Цинны была стабилизация положения, проведение (хотя бы отчасти) интеграции «новых граждан» в римский гражданский коллектив и подготовка к войне с Суллой. Цинна был консулом 86, 85 и 84 гг. и стал жертвой солдатского мятежа.

Гней Папирий Карбон был выходцем из семьи потомственных популяров. Дядя Карбона был трибуном 131 г. до н. э., членом гракханской комиссии и консулом 120 г., отец — консулом 113 г., потерпевшим пора-

жение от кимвров. Сам Гней Карбон был легатом в Союзнической войне, активным сторонником Сульпиция в 88 г. и одним из командующих марианской армией в 87 г. Фактически Карбон был третьим человеком в марианском руководстве, а после смерти Мариа стал главным партнером Цинны. Вероятно, он стал консулом уже в 86 г. до н. э., и после гибели последнего фактически занял его место. В течение 84 года Карбон был единоличным консулом, но на 83 год его не выбрали. В 82 г. Карбон стал консулом в четвертый раз вместе с 20-летним сыном Мариа. Оба погибли в борьбе с Суллой.

Сулла прекратил практику итерации консульств и ограничил эту магистратуру управлением Италии и Рима и председательством в сенате. Он подтвердил закон Виллия, согласно которому занятие второго консульства было возможно только через 10 лет после первого. Законы Суллы поставили консулов в зависимость от сената и превратили в полностью подчиненную ему исполнительную власть. В период с 80 по 49 год консулы практически не командовали армиями, и почти все известные нам ситуации ограничивались Италией. В 78 г. консул Катул действовал против мятежного Лепида, в 74 г. консулы Лукулл и Котта (исключительный случай) воевали в Азии против Митридата, в 72 г. консулы Геллий и Лентул сражались против Спартака, а в 63 г. консул Гай Антоний сражался при Пистории с Катилиной.

Некоторое возрождение власти консулов происходит при Цезаре и Августе. Первое консульство Цезаря (59 г.) по своему значению было сопоставимо с первым консульством Мариа, второе (48 г.) легитимизировало его положение после начала гражданской войны, затем шли консульства 46, 45 и 44 гг. По всей вероятности, в системе полномочий Цезаря консульство символизировало власть над Италией и руководство деятельностью сената и гражданским управлением. Снижение его роли видно, если учесть появление большого количества консулов-суффектов, которым Цезарь уступал свои консульские полномочия (Кв. Фабий, Г. Требоний, Г. Каниний Ребил в 45 гг. и Долабелла в 44 г.).

Впрочем, традиция Суллы оказывалась сильнее. В 44–31 гг. даже двукратных консулов было немного: М. Эмилий Лепид (46 и 42 гг.), П. Сервий (48 и 41 гг.), Гн. Домиций Кальвин (53 и 40 гг.), а также — Антоний (44 и 34 гг.) и Октавиан (43 и 33 гг.). В трех последних случаях закон Суллы вообще не был нарушен. Все консульства имели, однако, политическое значение. В 46 г. началось возвышение Лепида, Антоний стал коллегой Цезаря как его возможный преемник или заместитель по управлению Империей, а с консульства 43 г. начинается подъем Октавиана. Консуль-

ства 34 и 33 гг. означали установившийся паритет власти двух триумвиров. В третий раз Октавиан стал консулом в 31 г., в год победы при Акцииуме.

Наконец, консульство сыграло особую роль в переходный период установления принципата Августа. Став консулом в 31 г., Октавиан непрерывно занимал должность вплоть до 23 года (31,30, 29, 28, 27, 26, 25, 24, 23 гг.) и был первым в Риме десятикратным консулом. Будучи консулом, он провел реформы 27–23 гг. до н. э., заложившие основы системы принципата.

По другому пути оформления единоличной власти пошел Сулла, который использовал диктатуру и проконсульство. Вероятно, главной причиной была специфика ситуации и особенности внешне- и внутриполитической обстановки, однако вполне возможно и влияние правового фактора — обе должности, проконсула и диктатора, были не выборными, а назначаемыми сенатом.

Политически взлет Суллы начался с Союзнической войны. В 90–89 гг. до н. э. Сулла был легатом, однако, несмотря на относительно невысокий ранг (видимо, легат-пропретор), стал одним из лучших полководцев римской армии. В 88 г. он стал консулом, смысл был не только в том, чтобы наградить талантливого военачальника и героя войны, но и в том, чтобы поручить ему ведение новой войны с Митридатом. Показательно, что именно тогда Сулла женился на Цецилии Метелле, дочери Метелла Далматика, и стал лидером клана Метеллов и партии оптиматов. Решение о посылке Суллы на восток было принято сенатом, а потому, строго говоря, комициальный закон о передаче власти Марию был вполне правомерен. Неправомерность скорее была в том, что комиции перечеркивали решение сената и отстраняли от власти партию, имевшую достаточно большое влияние на политическую жизнь. Сулла ответил на это военным переворотом.

В 87–81 гг. Сулла был проконсулом. Именно в этом качестве он победил Митридата и добился успеха в гражданской войне. Перед победителем встала всеобъемлющая задача, он должен был реорганизовать расстроенное войной общество, наладить ситуацию в ряде провинций, проводить законы и руководить деятельностью сената. Кроме того, Сулла готовил масштабные репрессии, предполагавшие массовые нарушения прав римских граждан. Ни консульство, ни проконсульская власть не были для этого пригодны, и Сулла принял решение реанимировать давно забытый институт диктатуры.

Диктатура V–III вв. до н. э. делилась на две категории: *optimo lege* и *imminuto iure*. Диктаторы первой категории назначались для ведения

войны (*rei gerendae causa*) или подавления внутреннего мятежа (*seditionis sedandae*), ко второй обращались для более мелких конкретных задач — проведения выборов и senatorского ценза, устройства празднеств и игр, совершение сакральных обрядов¹⁹.

Диктатура Суллы отличалась от традиционных по ряду признаков. Во-первых, это была определенная дистанция от практики марианцев. Последней наиболее значительной диктатурой III в. до н. э. была диктатура Квинта Фабия Максима в 217 г. до н. э., а последняя диктатура вообще имела место в 205 г. (Кв. Цецилий Метелл), когда диктатор должен был провести выборы консулов. Во-вторых, диктатура Суллы не имела четкого временного ограничения, а сам диктатор обладал всеобъемлющим характером полномочий и законодательными функциями.

Сулла именовался *dictator rei publicae constituendae* (диктатор для устройства государства), что было ранее неизвестным типом диктатуры, а все прежние диктатуры не имели и доли этих полномочий. Есть разные версии о сроке диктатуры: традиция источников предполагает, что Сулла снял с себя диктатуру только в 79 г., по окончании консульства, а сама власть была бессрочной и ограничивалась только субъективной волей диктатора; согласно мнению других (например, Э. Габба)²⁰, Сулла был диктатором в 81 г. до н. э., стал консулом 80 г. и снял власть в 79 г. Дополнительным штрихом можно считать то, что традиционная процедура (решение сената и конкретное назначение диктатора со стороны интеррекса) была подкреплена решением народного собрания.

Вероятно, Сулла, действительно хотел ограничить исполнительную власть, однако, настаивая на соблюдении «годовых законов», а еще более — в силу обстановки 70–60-х гг., диктатор дал толчок развитию еще одного типа магистратской власти, власти проконсулов. Уже сам Сулла имел эту власть в течение семи лет, а многие его сподвижники шли по стопам своего патрона. Метелл Пий был проконсулом Дальней Испании с 79 по 71 г., Лукулл начал III Митридатову войну в качестве консула 74 года, а затем был проконсулом в течение 6 лет (73 по 66 гг.). Фракийские войны 70-х гг. вели несколько проконсулов: Аппий Клавдий Пульхр (78–76 гг.), Г. Скрибоний Курион (75–73 гг.) и Марк Лициний Лукулл (73–71 гг.). Консул 79 г. П. Сервилий был проконсулом Киликии в 78–74 гг. Проконсулы с особыми полномочиями появлялись и позже. В 55 г. Красс получил управление Сирией и право воевать с Парфией

¹⁹ Деметьева В. В. Магистратура диктатора в ранней римской республике. Ярославль, 1996. С. 39–58.

²⁰ Gabba E. Mario e Silla // ANRW. Berlin; New York, 1972. Tl. 1. Bd. 1. P. 803.

сроком на 5 лет его предшественник, Авл Габиний, занимал этот пост с 57 по 54 гг. и воевал в Иудее и Египте. В отличие от консула, бывшего представителем центральной власти, проконсул обладал властью только на определенной (иногда довольно большой) территории. Вместе с тем, все вышеупомянутые лица, как правило, имели значительную власть, иногда довольно продолжительную, значительные силы (6–10 легионов) и достаточно широкие полномочия относительно ведения внешних войн. Проконсулы подчинялись сенату, но реально именно элита могущественных проконсулов управляла сенатской машиной.

Огромные возможности проконсульского империя показал человек, фактически сменивший Суллу на посту лидера республики. Это был Гней Помпей Магн. Во многом его жизнь была предопределена деятельностью отца. Гней Помпей Страбон, как и Сулла, выдвинулся во время Союзнической войны: легат консула П. Рутилия Руфа в 90 г., он стал консулом 89 г. и отказался передать войска преемнику. В 87 г. Страбон был призван в Рим на помощь против Цинны и вел двойную игру во время осады города, явно стремясь играть самостоятельную роль. Неизвестно, что было бы дальше, если бы не гибель Страбона.

Все это время молодой Помпей провел в армии отца, а в 83 г., когда Сулла высадился в Италии, набрав на свой страх и риск три легиона (*private consilic*), присоединился к Сулле. С 89 по 79 гг. Помпей был, вероятно, самым результативным легатом Суллы: в 82 г. он вместе с Метеллом сыграл решающую роль в разгроме Карбона в Этрурии, а затем, в 80–79 гг. завоевал для Суллы Сицилию и Африку, после чего против воли Суллы получил свой первый триумф. Отношения Помпея с диктатором, а затем и с его преемниками, были достаточно сложными: с одной стороны, Помпей всегда спасал режим в критические моменты, с другой — необычная карьера Помпея вызывала зависть, а сам полководец, очень популярный в народе, был готов на определенные реформы, что вызывало не только недоброжелательство, но и недоверие.

В 78 г. Помпей был легатом Кагула, а с 77 г. в качестве проконсула воевал в Испании против Сертория, в 72 г. он вернулся в Италию, но не снимал полномочия до 70 г., участвуя в операции против Спартака. За успехи в Испании Помпей получил второй триумф, а в 70 г. впервые стал консулом и одним из символов революции 70 года. Звездный час Помпея (впрочем, их было несколько) наступил в 67 г., когда по закону Габиния он получил командование в войне с пиратами. Это был необычайный империй, распространявшийся на все Средиземное море и береговую полосу глубиной в 50 миль. Помпей мог иметь 24 легата, 500 кораблей,

120 000 солдат и моряков и 5000 всадников (Plut. Pomp., 25). Вероятно, империй был дан на три года, хотя Помпей выполнил задание всего за три месяца. В 66 г. по закону Манилия Помпей получил империй, который позже именовался *imperium maius*, т. е. все подвластные Риму восточные территории с неограниченным правом вести военные действия. Империй на востоке продлился, хотя этот период длился недолго. В 57 г. Помпей получил чрезвычайные полномочия по снабжению Рима хлебом (видимо, на 3 года). В 55 г. он стал консулом вместе с Крассом, а с 54 г. и до конца жизни имел проконсульский империй над всеми испанскими провинциями. В 52 г. Помпей был *consul sine collega*, а в 49 г. был назначен главнокомандующим в войне с Цезарем, что означало распространение его империя на всю страну. Помпей был, несомненно, одним из лидеров сената, а с 59 г. получил право высказывать свое мнение первым (Flog, IV, 10), что означало признание его самым высокопоставленным членом сената. В конце 50-х гг. трижды консул, четырехкратный носитель чрезвычайных полномочий и трижды триумфатор был действительно уникальным явлением на фоне римской элиты. Помпей был очень богат: он имел огромные владения в Пицене и Лукании, его виллы были разбросаны по всей Италии (Тускул, Формии, Кумы, Байи, Этрурия), а размер состояния (70 млн сестерциев), равнявшийся годовому военному бюджету, вероятно, уступал только состоянию Красса. Огромные личные клиентелы Помпея были разбросаны по всей державе, в Испании, Греции, Галлии, Африке, восточных провинциях²¹.

Как и Сулла, Помпей был лидером сильной политической партии. Его ближайшие родственники и сподвижники также занимали особое положение в обществе. Некоторые офицеры Помпея дослужились до консульского ранга: М. Пуппий Пизон (61 г.), Л. Афраний (60 г.), Кв. Цецилий Метелл Непот (57 г.), М. Валерий Мессала (53 г.). Особое положение занимали родственники Помпея. После гибели Помпея командование в Африке переходит к его тестю Сципиону, а в испанской кампании главнокомандующим считался старший сын полководца, Гней. Тесть младшего сына Помпея, Секста, Скрибоний Либон был вторым человеком в командовании помпеянского флота, а сам Секст Помпей был последним лидером республиканцев. Период 70–50-х гг. часто называют принципатом Помпея, что вполне оправдано и с правовой, и с политической точки

---

²¹ *Miltner F. Pompeius // RE. Bd. 21. Hbd. 42. Stuttgart, 1950. Sp. 2210–2221.* — Состояние Помпея было сопоставимо, вероятно, только с состоянием Лукуллов и Домиция Агенобарба (Caes., V. C., I, 17).

зрения. В это время он почти постоянно имел проконсульский империй (77–71, 66–62, 55–49 гг.) и трижды удостоился консульства (70, 55 и 52 гг.).

Цезарь вышел на политическую арену в 59 г., став консулом. В 58 г. он получил должность проконсула галльских провинций. В назначении Цезаря сочетались решения комиций и резолюция сената. Закон Требония давал ему Цизальпийскую Галлию и Иллирик, а решение сената, инициированное Помпеем и Крассом, добавляло к ним Нарбонскую Галлию сроком на 5 лет (Liv. Epit., 105; Vell., II, 46; Flor., IV, 2; App. B. C., II, 18; Plut. Caes., 14; Dio, 38, 8).

Вероятно, самым сложным моментом для Цезаря было начало гражданской войны. Полномочия его как проконсула Галлии заканчивались в 50 г., скорее всего, ближе к его концу. После этого он мог бы баллотироваться в консулы на 48 год. Вопрос о 49 годе был достаточно сложным: по практикуемому у римлян обычаю, наместник должен был дожидаться преемника, которым должен был стать консул 49 года. По принятому в 52 г. закону Помпея, преемником становился консул более раннего периода. Конституционный конфликт из-за срока полномочий и вызвал гражданскую войну.

Дело было, конечно, не только в вопросе о сроке. Помпей явно нарушал сложившийся политический паритет, исключая из политической жизни сторонников Цезаря. В 52 г. он в одностороннем порядке пролонгировал собственные полномочия еще на пять лет, а с конца 50-х гг. оптиматы требовали снятия полномочий Цезаря, несмотря на то, что большая часть сената предпочитала обоюдный роспуск армий. В начале 49 года помпеянцы развязали открытый конфликт.

Кампании 49 г. Цезарь провел в довольно неопределенном качестве проконсула (настоящего или бывшего) Галлии. Впервые он попытался оформить свою власть в конце года, перед консульскими выборами. Цезарь стал диктатором для проведения комиций (*comitiarum habendarum*), т. е. диктатором *rei gerendae causa*. Во время своей первой диктатуры он провел выборы консулов на 48 год и ряд антикризисных мер (Caes. B. C., III, I; App. B. C., II, 48). Диктатура была принята по решению народного собрания, а через 11 дней Цезарь снял ее и стал консулом 48 г. до н. э. Именно в этом качестве он и воевал против Помпея.

После Фарсала начинается новый этап власти Цезаря. Осенью 48 г. он получил вторую диктатуру. Дион Кассий сообщает о годичной диктатуре, которая была пролонгирована еще на один год. Согласно надписям, в 46 г. Цезарь был еще *dict. II*²². Т. Моммзен считал эту диктатуру *rei publicae*

---

²² Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 322.

constituendae, как и у Суллы, однако более вероятно мнение У. Вилькена, что это была военная диктатура (*rei gerendae causa*), и Цезарь ограничивал ее, прежде всего, военными полномочиями. После победы при Тапсе (6 апреля 46 г.), он получил третью диктатуру сроком на 10 лет (видимо, серия годовичных диктатур с фикцией ежегодного переизбрания) (Dio, 43, 14), а после победы при Мунде (17 марта 45 г.) стал диктатором в четвертый раз (данные фиксировались в документах), на сей раз пожизненно (App. В. С., II, 106; Liv. Epit., 116; Flor, IV, 2, 91; Plut. Caes., 57; Suet. Iul., 16, 2). По мнению У. Вилькена, именно представление пожизненной диктатуры стало выходом за пределы правового поля, и именно это отличало новую власть Цезаря от сулланской диктатуры²³. Военный характер диктатуры Цезаря подтверждается тем, что он дополнил ее различными другими полномочиями. Законы Юлия от 46—44 гг. могли вноситься им, скорее всего, в качестве консула или носителя трибунской власти. Цезарь был консулом 46, 45 и 44 гг. и, вероятно, с 48 г. был носителем *tribunicia potestas*. Как и позднее Август, Цезарь, по-видимому, хотел ограничить свои функции внешней политикой, сохранив во внутренней политике сенатское управление и оставив для себя возможность влияния.

После острой политической борьбы, последовавшей за убийством Цезаря и перипетиями Мутинской войны, происходит консолидация цезарианской партии. В ноябре 43 г. в Боннии произошла встреча трех цезарианских лидеров — Октавиана, недавно ставшего консулом 43 г., Антония, бывшего проконсулом Галлии, и Лепида, занимавшего пост проконсула Ближней Испании. Все санкции сената в отношении Антония и Лепида были отменены, а 27 ноября 43 г. по закону П. Тиция все трое были объявлены триумвирами для устройства государства (*triumviri rei publicae constituendae* — R. g., 1, 1; Dio, 46, 54; Liv. Epit., 120) с правом назначения магистратов и сенаторов, издания законов, установления налогов в Италии и провинциях и верховной юрисдикцией без права апелляции. Триумвиры избирались на 5 лет, а раздел провинций проходил постепенно. При первоначальном разделе Антоний получил всю Галлию (кроме Нарбонской), Лепид — Нарбонскую Галлию, Испанию и Африку, а Октавиан — Сицилию и Сардинию. После 42 г. к власти Антония присоединились все восточные провинции, но в 41 г. легат Галлии Кв. Фуфий Кален передал Галлию Октавиану (App. В. С., IV, 51; Dio, 48, 28). По Брундизийскому договору 40 г. происходит новое распределение провинций, сохранившееся до конца триумvirата: западные провинции управлялись Октавианом, восточные — Антонием, а Лепиду оставалась Африка. Октавиан и Анто-

²³ *Wilcken U. Entwicklung der römischen Diktatur. Berlin, 1941. S. 26–28.*

ний (о Лепиде, видимо, речи не было) получили право набора войск в Италии (Liv. Epit., 127; Vell., II, 78; Plut. Ant., 30–31; Dio, 48, 28).

В 37 г. до н. э. Октавиан и Антоний в одностороннем порядке продлили триумvirские полномочия сроком на 5 лет (App. Шуг., 22). Октавиан именовал себя триумvиром во второй раз (III-vir iteum), тогда как Антоний просто сохранил триумvirский титул²⁴. Права Лепида формально закончились, но только в 36 г. после сдачи Помпея и конфликта с Октавианом он был вынужден снять с себя полномочия. В 33 г. в условиях начавшейся войны с Антонием, Октавиан заявил о снятии должности, тогда как Антоний продолжал считать себя триумvиром вплоть до смерти в 30 г. Впрочем, окончательной декларацией о прекращении триумvirата стало заявление Октавиана от 13 января 27 г. о передаче власти сенату и народу, с которого и началось создание принципата.

В 30–29 г. Октавиану воздавались многочисленные и разнообразные почести. Победные жертвоприношения, молитвы, банкеты следовали один за другим. Победитель отпраздновал два триумфа — Актийский и Александрийский. Рим праздновал не только победу Октавиана — это было окончание гражданских войн.

В 29 г. Октавиан в пятый раз стал консулом и впервые принял императорский преномен. Вероятно, тогда он стал членом всех жреческих коллегий (понтификов, авгуров, коллегии 15 по Сивиллиным книгам, 7-viri epulonum, арвальских братьев, sodales Titii и фециалов) и получил право добавлять жрецов во все коллегии (Dio, 51, 19). Тогда же Октавиан и Агриппа произвели lectio senatus (Suet. Aug., 35). Новая власть резко сократила армию, огромные вооруженные силы эпохи гражданских войн (50–60 легионов) были заменены армией принципата (25–28 легионов), более укомплектованной, обученной и профессиональной. Начинается огромная практическая работа по ликвидации последствий гражданских войн.

В 27–23 гг. до н. э. происходит знаменитая реформа власти. 13 января 27 г. Октавиан заявил в сенате о передаче власти сенату и народу и восстановлении республики. После этого он получил проконсульский империй над Испанией, Галлией и Сирией на 10 лет, к ним присоединяли Египет, который также управлялся принцепсом через своего префекта. 16 января он получил прозвище Август. Реформа 23 г. продолжила реформу 27 года: Август перестал переизбираться в консулы, а его проконсульский империй стал наивысшим (maius) по отношению ко всем остальным и перестал сниматься в пределах померия (Dio, 53, 31; Suet. Aug., 26). Дион Кассий

²⁴ *Машикин Н. А.* Принципат Августа. Табл. 3. № 8–14.

сообщает, что империй был пожизненным (*ἐς αἰετὸν καθάλαξ*), но при Августе происходили формальные продления власти (18, 13 и 8 гг. до н. э., 3 и 13 гг. н. э. — Dio, 53, 16). В 23 г. до н. э. Август получил всю полноту трибунской власти. Основа императорской власти была создана.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Аппиан*. Гражданские войны. Пер. с греч. / Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935 (переиздание).
2. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского и А. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.
3. *Евтропий*. Бrevиарий от основания Города. СПб., 2001.
4. *Ливий Тит*. История от основания города / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1989–1993. Т. 1–3.
5. *Плутарх*. Сравнительный жизнеописания в трех томах / Под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.
6. *Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.
7. *Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях. Фрагменты. Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1964.
8. *Тацит Корнелий*. Сочинения в двух томах. М., 1969.
9. *Цезарь Гай Юлий*. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948 (переиздание — 1991).
10. *Цицерон Марк Туллий*. Речи в двух томах / Пер. с лат. под ред. В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962 (переиздание — 1993).
11. *Цицерон Марк Туллий*. Диалоги «О государстве», «О законах» / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. М., 1962.
12. *Цицерон Марк Туллий*. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
13. *Цицерон Марк Туллий*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974.
14. *Цицерон Марк Туллий*. Письма. Письма / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1951. Т. 1–3.

Литература
Обязательная

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 9–14.
2. Ковалев С. И. История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. Изд. 2-е. Л., 1986. Гл. 18–25.
3. Машкин Н. А. История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 14–19.
4. Белкин М. В., Вержбицкий К. В. История древнего Рима. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 59–95.
5. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 188–326.
6. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1987. Раздел 1.

Дополнительная

1. Виллемс П. Римское государственное право / Пер. с франц. М., 1888–1890. Вып. 1–2.
2. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.
3. Егоров А. Б. Проблемы истории гражданских войн // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2005. Вып. 4. С. 473–497.
4. Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.
5. Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949.
6. Моммзен Т. История Рима. М., 1939–1941. Т. 2–3 (изд. 2-е — СПб., 1994–1995).
7. Нич К. В. История римской республики. М., 1908.
8. Ростовцев М. И. Рождение римской империи. Пг., 1918.
9. Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986.
10. Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
11. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.
12. Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ТЕМЕ

Переход от республики к Империи и создание системы императорской власти представляют собой сложную и дискуссионную тему. Необходимо отметить, что императорская власть создавалась не только на основе какой-то определенной магистратуры. Само ее создание было итогом проб и ошибок, а моделью послужило развитие различных римских магистратур, превратившихся в условиях кризиса II–I вв. до н. э. в чрезвычайные полномочия. Основой для преобразования стала, разумеется, власть с империем, т. е. консульство, проконсулат, диктатура и всевозможные варианты чрезвычайной власти. Примечательно, что наиболее перспективным в этом отношении оказался проконсулат; диктатура была идеальным средством перехода к новому типу власти, но превратить ее в постоянный институт не удалось, напротив, эволюция консульства оказалась направлена не в сторону высшей военной, а в сторону высшей гражданской власти. Наконец, большое значение имел трибунат, что, возможно, было вызвано его революционностью, перешедшей и в систему принципата, которая, в свою очередь, стала порождением революционной эпохи. В результате Август сделал выбор в сторону синтеза проконсульского империя и трибунской власти, что и определило правовую основу принципата.

Главные действующие лица этого периода и их деятельность являются предметом дискуссии и объектом самых разнообразных оценок.

Сложны и разнообразны оценки Марии и Суллы. В Марии, как правило, видят военного лидера, стоявшего вне партий, опиравшегося на реформированную армию и стремившегося к положению военного диктатора. Этот образ приобретает разные оттенки: так С. И. Ковалев считал Марию военным лидером, который также превратился и в лидера популяров²⁵, тогда как для С. Л. Утченко образ популяра явно преобладает над образом военного диктатора²⁶. Несколько иную позицию можно встретить в других исследованиях. Так, Э. Габба считает Марию лидером всаднического сословия и публиканов, решивших получить свою долю власти²⁷, а анализ партии Мария показывает наличие в ее руководстве сильной политической группировки, состоящей из аристократов (в основном,

---

²⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 182–183.

²⁶ Ковалев С. И. История Рима. С. 358–361, 372–374; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 159–161, 163.

²⁷ Gabba E. Mario e Silla... P. 773–778; см. также: Ooteghem J., van. Caius Marius. Bruxelles, Vol. 50. 1960; Frank T. Marius and the Roman nobility // CJ. 50. 1965. P. 149–152.

отстраненных от власти), членов сенаторских семей и «новых людей», опиравшихся на ветеранов марианских армий и поддержку значительной части городского и сельского плебса.

Мнение о Цинне как преемнике Мария, в общем, разделяется большинством исследователей²⁸. По традиции режим Цинны считается диктатурой популяров или даже «чистой диктатурой», установленной при помощи военной силы²⁹. Впрочем, Х. Мейер отмечает, что Цинна пытался опираться на самые различные (если не на все) слои населения³⁰. Как полагает В. И. Кузицин, Цинна продолжал политику Мария и провел ряд мероприятий в интересах широких масс населения, а его главным достижением было равное распределение италиков по трибам³¹. Это мнение разделяют и многие зарубежные ученые, считающие режим Цинны более умеренным вариантом марианского господства. Цинна прекратил репрессии, проводил умеренные реформы и пытался найти опору в различных слоях населения³². Образ диктатора сменяется образом умеренного реформатора, пытавшегося проводить умеренные преобразования, организовывать сопротивление Сулле и сдерживать экстремистские силы в своем собственном лагере, возглавляемые вначале Марием, а затем — Карбоном и Марием-младшим³³.

Две несколько противоречивые, но часто сочетающиеся оценки Суллы встречаются уже у Моммзена³⁴. С одной стороны, это был тезис о консервативном реформаторе и защитнике аристократии, с другой — мнение о Сулле как предтече Цезаря в плане его государственного строительства и стабилизационной политики. Одной из первых попыток серьезного пересмотра этой концепции стало большое исследование К. Фрелиха, отрицавшего значимость сулланских реформ и видевшего в Сулле партийного лидера, стремящегося к неограниченному возвышению себя и своей партии. В отличие от Т. Моммзена, К. Фрелих делает акцент не на реформах Суллы, а на его политике репрессий, террора и конфискации, выражающих деструктивный характер режима³⁵. Другие исследователи, продолжая

²⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 349–351; Gelzer M. Caesar. Wiesbaden, 1950 (6 Aufl.). S. 15–16.

²⁹ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 349–351; Marsh F. B. A History of the Roman World from 146 to 30 B. C. London, 1935. P. 103.

³⁰ Meier Ch. Res publica amissa. Wiesbaden, 1966. S. 239–241.

³¹ История древнего Рима... С. 134.

³² Badian E. Waiting for Sulla // JRS. 52. 1968. P. 52; Bulst M. Cinnanum tempus // Historia. 13. 1964. P. 307–337.

³³ Gabba E. Mario e Silla... P. 798.

³⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 359–361.

³⁵ Froehlich K. Cornelius (392) // RE. Bd. 4. Stuttgart, 1901. Sp. 1551–1553.

считать Суллу защитником сената, отмечают сходные черты в действиях обеих противоборствующих сторон³⁶.

Мысль о том, что и Марий, и Сулла в одинаковой степени стремились к личной власти, становится популярной в исследованиях так называемого «просопографического направления». Как полагал Ф. Марш, Сулла вообще не был убежденным сторонником сената и был готов к союзу с любыми политическими силами³⁷. Эта точка зрения достигла своей кульминации в исследованиях Ж. Каркопино, выдвинувшего тезис о монархической направленности действий диктатора, вынужденного уйти в отставку только под давлением оппозиции в собственном окружении³⁸. Тем не менее, многие современные ученые продолжают придерживаться тезиса о консервативной реставрации. Таково, например, мнение Х. Мейера, видевшего в режиме Суллы последнюю попытку аристократии реставрировать республику нобилей, которая, по большому счету, закончилась неудачей³⁹.

Сходные мнения высказывают отечественные ученые: С. И. Ковалев скорее склоняется к тому, чтобы видеть в деятельности Суллы создание (пусть даже и против своей воли) будущей военной монархии, сочетавшей военную диктатуру и республиканскую форму, а Н. А. Машкин считает, что сулланская реставрация носила достаточно формальный характер, а власть диктатора обеспечивала не господство нобилитета в целом, а власть небольшой замкнутой олигархии⁴⁰. Напротив, С. Л. Утченко считает действия Суллы последней (и неудачной) попыткой старой знати удержать свои позиции⁴¹.

По большому счету (каковы бы ни были субъективные намерения диктатора), сулланский режим, определивший жизнь Рима в последующие сорок с лишним лет, смог только обострить общественный кризис. Одиозная личность диктатора вызвала отторжение даже в его окружении, тогда как остальное общество, чуждое реставрационных идей, отнеслось к Сулле с нескрываемой неприязнью. В памяти римлян диктатор оставил произвол и репрессии, разрушенные общественные отношения, а итогом его деятельности стал острый кризис 70-х гг. до н. э. Обескровленное

---

³⁶ *Badian E.* Waiting for Sulla... P. 47–62; *Bennet H.* Cinna and his times. Chicago, 1923; *Gabba E.* Mario e Silla... P. 802–805.

³⁷ *Marsh F. B.* A History of Roman World... P. 119–121.

³⁸ *Carcopino J.* Sulla ou l'Empire maniquee. Paris, 1931.

³⁹ *Meier Ch.* Res publica amissa. S. 227–228, 237, 256–263.

⁴⁰ *Ковалев С. И.* История Рима. С. 398; *Машкин Н. А.* 1) Принципат Августа. С. 16–17; 2) История Рима. М., 1948. С. 248–249.

⁴¹ *Утченко С. Л.* Кризис и падение... С. 31, 181, 194–197.

общество стало выходить из кризиса только тогда, когда оно стало отвергать различные элементы сулланской системы и создавших ее людей.

Главными фигурами нового периода и последующих четырех десятилетий были Помпей и Цезарь. Еще Моммзен создал образ Помпея как слабого лидера, желающего быть и честным республиканцем, и властителем Рима. Для первого у него (в отличие от Катона) не было соответствующих убеждений, а второму мешали «бесхарактерность», «отсутствие смелости» и «мелочность личности»⁴².

То, что было предметом критики со стороны Т. Моммзена, напротив, вызвало сочувствие других ученых. Эд. Мейер видел в Помпее носителя новой, «прогрессивной» формы власти, принципата, сочетающего сильную единоличную власть и сохранение республиканских порядков и противостоящую Цезарю как носителю «абсолютной монархии»⁴³. М. Гельцер считал, что Помпей вполне довольствовался своим положением «первого среди равных» и не выходил за рамки традиционной республики⁴⁴. Ж. Эллегуар видит в Помпее фактического диктатора, который, однако, не пытается встать над сенатом, как это делали Цезарь и Август⁴⁵.

Наконец, некоторые исследователи подчеркивают не «диктаторскую», а «республиканскую» составляющую в деятельности Помпея. С. Л. Утченко пишет об отсутствии у него авантюризма и наличии глубокого чувства уважения к республике и закону, стремлении делать все, «что должно и как должно». Не отрицая в принципе идею «принципата Помпея», отечественный ученый считает, что он едва ли вынашивал столь далеко идущие планы и действовал, исходя из конкретной ситуации⁴⁶.

Отношение к Помпею в античной традиции и в новой и новейшей историографии, по большому счету, вполне лояльно и уважительно. Рим был признателен ему за действия в кризисный постсулланский период, и особой критике не подвергалась даже его деятельность на службе у Суллы. Оптиматы критиковали Помпея за союз с Цезарем, цезарианцы — за то, что он не сохранил верность этому союзу. Отношения Помпея с сулланским и постсулланским режимом были сложными. По большому счету, Помпей верно служил системе и всегда приходил на помощь, когда она оказывалась под угрозой. Так было при Сулле, так было в 78–71 гг., когда

---

⁴² Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 82–84, 88, 164–168.

⁴³ Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius: Innere Geschichte Roms von 66 bis 44*. Stuttgart; Berlin, 1922. S. 3–4, 42.

⁴⁴ Gelzer M. *Caesar*. S. 59.

⁴⁵ Hellegouarc'h J. *Le Vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. Paris, 1966.

⁴⁶ Утченко С. Л. 1) Кризис и падение... С. 48–50; 2) Юлий Цезарь. М., 1976. С. 81–82.

он воевал против Лепида и Сертория, так было и в 52–48 гг., когда Помпей возглавил борьбу с Цезарем.

Вместе с тем, Помпей никогда не служил системе слепо. Как выдающийся полководец, заботящийся об интересах Империи, он был склонен к смягчению режима и отдельным реформам, а сулланская и постсулланская элита боялась его лидерства и не доверяла ему из-за его популярности и склонности к компромиссам. Конфликтами сопровождался буквально каждый этап деятельности Помпея: в 80 г. он вступил в конфликт с Суллой из-за триумфа, в 70 г. — с оптиматами из-за реформ, в 67 и 66 гг. — из-за чрезвычайных назначений, в 62–60 гг. — из-за послевоенного устройства на востоке. Даже сам ход гражданской войны 49–48 гг. до н. э. постоянно демонстрирует высокий уровень недоверия, существовавший между Помпеем и оптиматами.

Возможно, наиболее разнообразны оценки политической деятельности Цезаря. Историография XVIII в. обычно считала его величайшим правителем в истории Рима и основателем абсолютной монархии, тогда как революционная историография превратила его в символ тирании.

Особенно полно цезарианская традиция выражена в «Римской истории» Т. Моммзена. Для Моммзена Цезарь был уникальной фигурой истории Рима, великим оратором, писателем, полководцем и государственным деятелем, демократическим монархом, основой власти которого являлась воля всего народа⁴⁷. Цезарь создал абсолютную монархию и проводил надклассовую политику, включавшую целую систему преобразований: прекращение гражданских распрей, амнистия политических противников, установление нового типа власти и превращение сената в совещательный орган, наведение порядка в Риме и Италии, оздоровление экономики и финансов и, наконец, создание экономического и культурного единства Средиземноморья. Именно с Цезаря начинается история Римской Империи, заложившей основу европейской цивилизации⁴⁸.

Теория Моммзена лежит в основе ряда ключевых положений последующей историографии. Это — теория абсолютной монархии римского типа и концепция Империи как общества, стоящего значительно выше, чем предшествующее ему общество республики. Впрочем, были и другие точки зрения, ставшие реакцией на теорию Моммзена. Некоторые исследователи проводят параллели между римским цезаризмом и греческими тиранами, другие, как К. В. Нич, видят в его деятельности скорее разруши-

---

⁴⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 309–315, 386–387.

⁴⁸ Там же. С. 343–344, 346–368, 371–375, 379.

тельную, чем созидательную функцию⁴⁹. Другой взгляд был представлен Г. Ферреро, считавшем Цезаря гениальными авантюристом, лишенным конструктивной программы⁵⁰.

Программу несколько иного рода увидел в деятельности Цезаря Эд. Мейер. Принципат, истинным основателем которого был Август, был формой, сохраняющей основную систему республики. Его теоретическое обоснование дал Цицерон, а практически осуществил Помпей. Цезарь выпадал из этой схемы как последователь эллинистической монархии⁵¹. Тезис об эллинистической монархии как прообраза власти Цезаря стал достаточно распространенным в историографии (Ж. Каркопино, Ж. Гаже и др.)⁵².

Впрочем, в более новой научной литературе (Э. Эдкок, Р. Сайм, Дж. Бальсдон, Л. Радитца и др.) происходит отказ как от образа эллинистического монарха, так и от образа военного диктатора. Исследователи, принадлежащие к этому направлению, видят в политике Цезаря курс на стабилизацию (Р. Сайм, Ф. Эдкок) и сохранение республиканских ценностей. Согласно мнению Р. Сайма, Цезарь довольствовался положением диктатора, а стремление его к положению эллинистического монарха является вымыслом современной историографии⁵³. Как полагает Дж. Бальсдон, Цезарь осознавал неэффективность старой республиканской системы и был готов на ее слом, однако, при этом никогда не отрывался от реальной политики⁵⁴. Наконец, Л. Радитца видит в Цезаре политического деятеля, сохранившего принципы республики, но вынужденного взять на себя власть и ответственность в условиях полностью безвыходного положения⁵⁵.

Разные точки зрения встречаются и в отечественной историографии. Р. Ю. Виппер считал, что, начав как лидер демократов, Цезарь стал абсолютным монархом и представителем «военного империализма»⁵⁶. Чисто

---

⁴⁹ Нич К. В. История римской республики. С. 444; Rüstow F. M. Der Caesarismus, sein Wesen und sein Schaffen. Zürich, 1879; Rosher W. Politik, Geschichte, Naturlehre der Monarchie, Aristokratie und Demokratie. Stuttgart, 1892. S. 588 ff.

⁵⁰ Фепперо Г. Величие и падение Рима. М., 1916–1925. Т. 3–5.

⁵¹ Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 406–407.

⁵² Carcopino J. César / Histoire générale ed. par G. Glotz. Histoire Romaine. II. P. II. Paris, 1936; Gage J. De Cesar a Auguste: Ou est le probleme des origines du principat? // RH. 1936. P. 279–342.

⁵³ Syme R. Roman revolution. Oxford, 1939. P. 11–58, 113, 121–122.

⁵⁴ Balsdon J. P. V. D. Caesar. A Political Biography. New York, 1967. P. 155–178.

⁵⁵ Raditsa L. Julius Caesar and his Writings // ANRW. TI.1. Bd. 3. Berlin; New York, 1975. P. 446–449.

⁵⁶ Bunnep P. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1925.

военной монархией считал диктатуру Цезаря В. С. Сергеев⁵⁷, тогда как С. И. Ковалев скорее склонялся к идее эллинистической монархии⁵⁸. Наконец, С. Л. Утченко решительно критикует «телеологическое» стремление рассматривать политику Цезаря как некое целенаправленное движение в сторону централизованной Империи, считая, что его деятельность диктатора по большей части была направлена на решение конкретных злободневных проблем, а стремление к реформам сочеталось с охранительной тенденцией⁵⁹. В этом отношении Август был учеником и продолжателем Цезаря⁶⁰.

Создание политической системы Империи стало как результатом роста державы, так и результатом реакции на тяжелейший общественный кризис, а альтернативой этому процессу мог быть, вероятно, только полный распад государства, возможно — и всей римской и античной цивилизации. Система, созданная Цезарем и Августом, дала возможность осуществить значительный скачок, который и создал новое общество, превосходящее прежнее в экономическом, политическом, правовом и культурном отношении. Перед римскими реформаторами, несомненно, стояла задача активного поступательного развития общества, но еще в большей степени речь шла о сохранении античной цивилизации, что и обусловило достаточно органичный синтез консерватизма и новизны. Нельзя отрицать, что римские политики испытывали на себе определенное влияние эллинистических идей и практики, однако римская система имела и специфику. В отличие от эллинистических обществ, римская монархия выросла на основе республиканского строя, и ее особенностью было сохранение определенной преемственности с институтами полиса и республики. У нас нет оснований вырывать диктатуру Цезаря из общего контекста событий, равно как и не следует делать этого в отношении других деятелей или событий периода. Вместе с тем, Империя I–II вв. н. э. сохранила приверженность политическому курсу Цезаря, который был продолжен Октавианом Августом, реальным основателем системы принцепата.

---

⁵⁷ Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1935. С. 333–334, 337, 340, 344–345.

⁵⁸ Ковалев С. И. История Рима. С. 449–452.

⁵⁹ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 35, 285–286, 311.

⁶⁰ Там же. С. 344–347.

ТЕМА 2

РИМСКОЕ ГРАЖДАНСТВО ПРИ ИМПЕРИИ

Эволюция системы гражданства является, быть может, одним из самых ярких показателей новых реалий Римской Империи. Республиканское гражданство характеризуется наличием относительно малочисленного коллектива полноправных граждан, противостоящего многочисленному населению Италии и провинций, значительная часть которого находилась в полузависимом, зависимом, полурабском и рабском состоянии.

К началу гражданских войн на примерно 300 000 римских граждан (ценз 136 г. до н. э. дает 317 933 человека)⁶¹, т. е. около 1 млн человек с учетом женщин и детей, приходилось примерно 3–4 млн латинов и союзников и, вероятно, 15–20 млн жителей провинций (Испания, Африка, Сицилия, Южная Галлия, Греция, Македония, Малая Азия). К этому числу следует добавить 1–3 млн рабов в Италии и очень значительное (возможно, около 1/4 от общего числа) рабское население в провинциях. Число рабов и полузависимых людей на завоеванных территориях было достаточно велико, тем более что рабство за долги, ликвидированное для римских граждан, продолжало оставаться в силе для остального населения Империи. Большая часть провинциалов имела статус перегринов, некоторые были перегринами-дедичиями (сдавшимися), а относительно небольшая часть имела привилегированный статус жителей свободных общин (*civitates liberae*).

Число провинций и провинциалов значительно выросло в период гражданских войн I в. до н. э. и во время принципата Августа (31 г. до н. э. – 14 г. н. э.). К ним присоединились завоеванная Цезарем Галлия, Нумидия, восточная часть Малой Азии с многочисленными областями и вассальными царствами, Сирия, Иудея, Кирена и Кипр. При Августе римляне продвинулись в Мезии и Паннонии, дойдя до линии Дуная. Границы Империи растянулись по Рейну и Дунаю на севере, Евфрату и горам Армении — на востоке, и по линии Сахары и современного Судана — на юге.

По сравнению с этими завоеваниями, приобретения Империи были достаточно скромными: Мавретания (40 г. н. э.), Понт и Каппадокия (время Веспасиана), Британия (южная часть захвачена в 40–90 гг. I в.), Дакия (105 г. н. э.), Петрейская Аравия (106 г.). В течение определенных, достаточно длительных периодов в руках римлян находились Германия

---

⁶¹ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 32, 192–193.

(между Рейном и Эльбой), Армения и Месопотамия. По примерным подсчетам, население Империи достигало 50–80 млн человек: в Византии IV–V вв. н. э. было примерно 30–35 млн жителей⁶², а для западных провинций можно, по всей видимости, принять несколько меньшую цифру — 20–25 млн. Впрочем, во II в. н. э. население могло быть больше: максимальные оценки населения Италии (считая рабов) достигают 10–15 млн, а Галлии, Испании и Африки — по 6 млн.

В эпоху гражданских войн и ранней Империи (до конца III в.) сохраняются все те же правовые категории, которые существовали и в период республики: *cives optimo iure* (полноправные римские граждане), *cives minuto iure* (муниципалы, эрарии, латины и вольноотпущенники) и, наконец, неграждане (перегрины, перегрины-дeditиции, жители *civitates liberae* и рабы). Вероятно, особенностью Поздней Империи было появление категории летов или федератов, особых анклавов переселенцев на территорию Империи, пользующихся определенной автономией.

Любая из этих категорий могла получить римское гражданство, причем это предоставление могло быть коллективным (получение гражданства целыми провинциями, регионами, городами, племенами и общинами), групповым (получение гражданства определенной группой людей — например, воинской частью, рабами одного хозяина, профессиональной или религиозной корпорацией) и индивидуальным. При республике коллективное предоставление гражданства производилось решением сената и народного собрания, при Империи к этим источникам права добавлялся эдикт императора, который постепенно и стал основным путем пополнения гражданского коллектива. Индивидуальное и групповое предоставление зависело от статуса лица или лиц в момент получения (латины, муниципалы, перегрины, рабы). Вероятно, подавляющее большинство новых граждан эпохи Империи получали гражданство за счет коллективного предоставления. Во времена республики оно было незначительным, а потому даже к началу II в. до н. э. зоной сплошного гражданства были только области центральной Италии (Лаций, юг Этрурии, Кампания, области сабинов), а также римские колонии. Некоторая часть римлян проживала в провинциях. Число латинов достигало примерно 80 000 военнообязанных мужчин, число союзников — порядка 400 000⁶³.

Первое значительное увеличение происходит за счет гракханской реформы, когда в ценз вошло большое число неимущих граждан.

---

⁶² Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984. С. 24.

⁶³ Данные приводятся на основании переписи Полибия (Polyb., II, 24, 25). В переписи приводятся данные 227 г. до н. э., собранные в условиях возможного нашествия галлов.

В 125 г. до н. э. перепись дала 394 338 человек (Liv. Erit., 56)⁶⁴. После огромных потерь в Кимвурской войне количество граждан, возможно, вернулось к прежнему уровню. Новые потери принесла Союзническая война (90–88 гг.), согласно Веллею Патеркулу, с обеих сторон (вероятно, примерно в равной пропорции) погибло 300 000 человек (Vell II, 15, 3).

Следующим большим увеличением было предоставление гражданства в результате Союзнической войны. Закон Юлия (90 г. до н. э.) и закон Плавтия–Папирия (89 г.) предоставили римское гражданство италикам при условии их записи в 8 и 10 триб. В 88 г. по закону Сульпиция их распределили в традиционные 35 триб. Закон был отменен Суллой, но в 84–83 гг. марианское правительство подтвердило его снова. Даже после второй победы Суллы не решился отменить закон, однако он создал немало практических препятствий на пути его реализации, и только в 70 г. процесс предоставления гражданства италикам можно было считать завершённым в принципе.

Первый ценз 86 г. до н. э., проводившийся по новым правилам, дал небольшое приращение до 463 000. Низкая численность была вызвана как огромными потерями в Союзнической войне, так и тем, что гражданство получила только часть союзников, в основном, вероятно, латины и народы северной Италии⁶⁵. Из закона были официально исключены самниты и луканы, а недоучет граждан был, надо полагать, весьма значительным. Новые потери принесла гражданская война 83–82 гг. до н. э. (Согласно Евтропию — Eutr., V, 3 — около 150 000 человек) и тяжелые войны 70-х гг. I в.

Реальным предоставлением гражданства стал ценз 70 г. до н. э., давший 910 000 граждан, что предполагает около 3 млн всего населения. Еще в 89 г. латинское право получили граждане Цизальпийской Галлии, а в 49 г. Цезарь дал им римское гражданство. Число граждан пополнилось на 1–1,5 млн человек.

Первый ценз эпохи Августа дал 4 063 000 человек, второй (8 г. до н. э.) — 4 233 000 человек, а третий (14 г. н. э.) — 4 937 000 (R. g. 8, 2). Этот разрыв вызвал дискуссию в историографии. По мнению Ю. Белоха и П. Брюнта, Август изменил *formula censendi* и стал учитывать все население Италии, включая женщин и детей. Другие исследователи оспаривают эту точку зрения (Н. А. Машкин, Я. Ю. Заборовский)⁶⁶.

---

⁶⁴ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 33, 193.

⁶⁵ Там же. С. 32–33, 63–64.

⁶⁶ Bruitt P. Italian manpower... P. 8, 14; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 458; Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 63.

По мнению Я. Ю. Заборовского, количество 910 000 дает малую плотность населения (6 человек на км², а с учетом женщин и детей — 22,8 млн чел.)⁶⁷. Следует также учитывать граждан Цизальпийской Галлии (1–1,5 млн) и достаточно большое число граждан в провинциях. В 14 г. н. э., по мнению Н. А. Машкина, 836 100 граждан оказались за пределами Италии⁶⁸.

Вместе с тем, можно в полной мере согласиться с мнением Я. Ю. Заборовского, считавшего, что Италия смогла реально воспользоваться гражданскими правами только во времена Августа⁶⁹. Недоучет граждан был ликвидирован, к Италии была присоединена Цизальпийская Галлия. Наконец, именно Август создал политическое, экономическое и культурное единство Италии, превратив ее в унитарное государство и сделав процесс необратимым⁷⁰. Перед Империей вставал второй вопрос — разрешение проблемы провинциалов.

Цезарь был первым римским политиком, взявшим курс на масштабную колонизацию и массовое предоставление гражданских прав провинциалам. Есть все основания полагать, что большая часть граждан, живущих в провинциях при Августе, появилась там в результате колонизационной политики двух основателей Империи. Еще более важной была начатая Цезарем «правовая революция», открывшая провинциалам путь к римскому гражданству. Диктатор взял очень резкий курс: первым шагом было предоставление прав Цизальпийской Галлии, в 45 г. (после Мунды) началась активная романизация Испании, планировалось предоставление прав жителям Сицилии. Август замедлил этот процесс, но не прекратил его, и к концу правления ряд наиболее романизированных областей (юг Испании, Сицилия, Нарбонская Галлия) начал превращаться в зоны римского гражданства и римского права.

Важно было не только увеличение абсолютного числа новых граждан, но и изменение принципа. Грань между провинциалом и римлянином стала стираться, а жители провинций, перегрины, начинали сознавать наличие перспективы, тем более что предоставлению прав римского

---

⁶⁷ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 63.

⁶⁸ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 63; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 458.

⁶⁹ Заборовский Я. Ю. Очерки... С. 63.

⁷⁰ На наш взгляд, подсчет плотности населения у Я. Ю. Заборовского (22,8 млн чел. на км²) может относиться к женщинам и детям, но не к рабам. Современные подсчеты дают примерно 4,5 млн свободных и 3 млн рабов для эпохи Принципата (см.: Nicolet Cl. *Economy and society*, 133–43 В. С. // САН. 2nd ed. Cambridge, 1994. P. 600–608). Увеличение за счет рабов дает уже порядка 40 чел. на км². Для сравнения: плотность населения современной Италии — 175 чел. на км², Франции — 91 чел., Испании — 66 чел.

гражданства обычно предшествовало дарование латинского права. Превращение ранее бесправного провинциала в римского и даже латинского гражданина в корне меняло отношения с администрацией: гражданина нельзя было обращать в раба, подвергать жестоким и унижительным наказаниям и тем более — безнаказанно убить. Сам он получал право отстаивать свои интересы в римском суде, гарантии защиты прав собственности (*ius commercii*) и возможность апеллировать к любым властным инстанциям, включая самого императора. Римский гражданин, приговоренный к смерти или какому-либо тяжкому наказанию, мог апеллировать лично к принцепсу.

Расширение гражданства в корне меняло отношения с властью, вводя их в правовое поле. Жители провинций могли не только влиять на действия наместников, но и обращаться к центральной власти. Постепенно росло число провинциалов, проживавших в Италии и даже попадавших в сенат и иные властные структуры, что позволяло им лоббировать свои интересы в Риме. Наконец, I–II вв. н. э. стали периодом подлинного расцвета местного самоуправления на уровне городов, регионов и провинций.

Империя медленно, но верно проводила в жизнь политику Цезаря и Августа⁷¹. При Юлиях-Клавдиях число римских граждан выросло за счет жителей западных провинций (Испания, Галлия и Сицилия), гораздо меньше провинциалов было в Африке, восточных провинциях и недавно завоеванных северобалканских регионах. Ценз, проведенный Клавдием в 48 г. н. э., дал 5 984 072 человека (*Tac. Ann.* XI, 25), из которых 1–2 млн жили в провинциях. Император хотел предоставить право занятия должностей (*ius honorum*) и места в сенате жителям покоренной Цезарем «Косматой Галлии» (при Империи — провинции Аквитания, Лугдунская Галлия и Бельгика), из чего следует, что значительная частьгаллов уже имела права римского гражданства. В середине I в. н. э. началось массовое предоставление гражданства в альпийских провинциях.

Процесс создания Средиземноморской Империи продолжался при Флавиях и Антонинах. Флавиусы были первой династией, не связанной с римским нобилитетом, а Антонины — первой династией императоров из провинций. В 79 г. Испания получила латинское право, а за время правления Флавиусов статус муниципия получили 350 испанских городов (образцом муниципальных конституций являются дошедшие до нас кон-

---

⁷¹ Подробный обзор истории развития института гражданства в эпоху Империи см.: *Sherwin-White A. The Roman Citizenship. A Survey into Its development into a World Franchise // ANRW. Berlin; New York, 1975. Tl. 2. Bd. II. P. 29–40.*

ституции Сальпензы и Малакки). При Флавиях муниципии появились в балканских и африканских провинциях, а к концу I в. н. э. во всех западных провинциях доминировало латинское право.

На время Антонинов приходится рост числа граждан в Греции и Малой Азии, а эпоха «греческого возрождения» совпадает с массовым предоставлением римского гражданства греческому населению Империи. Для восточных провинций (Азия, Вифиния, Галатия, Сирия) рубежом стали правления Траяна и Адриана. При последних Антонинах гражданство получили многие города Африки и других африканских провинций (Кирена, Нумидия, Мавретания).

Процесс практически завершился при Северах. Африканские провинции получили гражданство, затем эти права получают жители Сирии и Египта. Наконец, в 212 г. н. э. по эдикту Каракаллы гражданство получили все свободные жители Империи. Долгое время исследователи считали, что гражданство ограничивалось только городским населением, однако более поздние исследования (Г. Гуллиам, Дж. Уилкс, Э. Шервин Уайт) показали, что права имела и большая часть сельских жителей. В папирусном отрывке, содержащем часть текста эдикта Каракаллы, говорится об исключении из него peregrini-дeditициев, т. е. жителей недавно завоеванных территорий или повстанцев, выступавших против Рима. Четкие сведения об исключении из эдикта приходят из северных пограничных районов⁷².

Получение гражданства могло идти и другими путями: через армию, через предоставление латинского гражданства и через отпуск на волю. Очень важным каналом стало получение гражданства через армию.

Римская армия делилась на две категории, легионы и вспомогательные войска (auxilia). При Августе в армии было 25–26 легионов, при Адриане их стало 30, армия также выросла при Северах. Легион эпохи Принципата насчитывал 5–6 тыс. человек, а общее число легионеров достигало 150–180 тыс. человек. Особенностью Империи был рост количества и значения auxilia, численность которых оценивается в 100–150 тыс. человек при Августе и еще больше при Адриане. Легионы состояли из римских граждан, а вспомогательные войска — из негражданского населения провинций.

Еще в 40-е гг. I в. до н. э. количество провинциалов в легионах было невелико, однако во времена войн 49–45 и 43–31 гг. до н. э. оно резко выросло. Цезарь, помпеянцы, триумвиры, республиканцы широко привлекали в легионы провинциалов, отряды вассальных царей и даже рабов,

---

⁷² Ibid. P. 35–40.

а зачисленные в легионы сразу получали римское гражданство. Август сократил армию и вернул ее к италийскому составу, но число провинциалов постоянно росло. Статистические данные о происхождении солдат во времена Августа и Юлиев-Клавдиев показывают, что из 333 человека, чье происхождение известно, 177 человек были италиками, а 156 — провинциалами (в их числе 46 галлов, 10 испанцев, 37 уроженцев балканских провинций и 1 африканец)⁷³. При Августе процент италиков был, несомненно, больше и, следовательно, ко временам последних Юлиев-Клавдиев число провинциалов уже превысило 50 %. Несомненно преобладание уроженцев западных провинций. При Флавиях и Антонинах число провинциалов в армии постоянно росло, намечалась тенденция, когда армии, дислоцированные в той или иной области, состояли из местных уроженцев: на рейнской границе служили галлы, испанцы, италийцы; на дунайской — жители Балканского полуострова (от Греции до Дуная), на Евфрате — уроженцы восточных территорий. Еще более характерным все сказанное выше является для эпохи Северов.

Когорты и алы *auxilia* состояли из жителей провинций и вассальных царств. По окончании 25-летней службы солдаты получали римское гражданство. Дольше всего принцип италийского происхождения оставался в преторианской гвардии, хотя и здесь, начиная с Вителлия и Флавиев, начинается набор войск из элитных подразделений провинциальных армий (Тас. *Ann* II, 93; IV, 96).

Латинское право продолжало существовать и распространяться по Империи. После Августа приходит активное предоставление *ius Latii* провинциалам, часто предшествующее римскому гражданству. Латинское право, как и при республике, играло переходную роль при его получении. Вместе с тем, оно могло способствовать распространению собственно *ius civitatis*. Во-первых, латин мог получить гражданство довольно легко, на основании законов, существующих еще со времен республики. Так, латин получал гражданство при переселении в Рим в случае оставления на родине своего потомка или в случае, если он имел личные заслуги и внес вклад в экономическую жизнь Империи. Во-вторых, занятие магистратуры у себя в городе давало римское гражданство автоматически. Адриан ввел право *maius Latinum*, когда гражданство получали не только магистраты, но и члены городских советов. Наконец, латины могли вступать в армию, причем, вероятно, им попасть в легионы было легче, чем провинциалам. Наконец, латинские колонии чаще получали статус муниципиев и римское гражданство, чем провинциальные города. Даже оставаясь лати-

⁷³ *Legiones* // RE. Bd. 12. Stuttgart, 1925. Sp. 1379.

нами, они имели часть прав гражданина, в частности, *ius connubii* (право вступления в брак) и *ius commercii* (имущественная правоспособность).

I век был временем массовых манумиссий (отпусков рабов на волю), которые Август пытался сократить. Если ранее государство не регламентировало возможность отпуска на волю, то теперь оно стало это делать. Очень важным было то, что если раньше республиканские власти просто фиксировали факт манумиссии, то теперь государство становится все более и более активным игроком. Во 2 г. до н. э. по закону Фуфия–Каниния (2 г. до н. э.) было установлено ограничение отпуска рабов по завещанию. Нормы отпуска колебались в зависимости от размеров *familia*: хозяин, имевший 1–2 рабов, мог отпустить обоих, при количестве от 3 до 10 — не более половины, от 10 до 30 — не более 1/3, от 30 до 100 — не более 1/4, от 100 до 500 — не более 1/5. Устанавливается и абсолютный максимум в 100 рабов, которые могли получить свободу по одному завещанию. В 4 г. н. э. закон Элия–Сентия ограничил прижизненное право отпуска рабов на волю. Хозяину должно было быть не менее 20 лет, а рабу — не менее 30 (достаточно большой возраст). В исключительных случаях раб получал свободу по решению комиссии из 5 сенаторов и 5 всадников. Наряду с формальными манумиссиями существовали неформальные отпуска на волю, которые ранее государством не признавались. Август узаконил их по закону Юния–Норбана, сделав таких вольноотпущенников *Latini Iuniani*, т. е. латинами, не имевшими римского гражданства, но могущими его получить после второго, официального освобождения.

Политика Империи в отношении рабов и либертов была достаточно противоречива. Во-первых, их положение явно улучшилось по сравнению с эпохой поздней республики. Рабы стали дороже, массовые притоки из провинций прекратились. Рабы стали получать возможность иметь семью и собственность, а римские философы и мыслители (Сенека, Эпиктет, Дион Хризостом) все больше и больше высказывали открытое осуждение рабства или, по крайней мере, требовали мягкого отношения к рабам. На смену отношения к рабу как к вещи приходит защита если не его человеческого достоинства, то, по крайней мере, человеческой сущности. Во-вторых, превратившееся в «самостоятельного игрока» государство начинает защищать права раба, видя в нем своего подданного, хотя бы и низшего сорта. Согласно сенатусконсульту времен Тиберия (20 г. н. э.), для обвинения раба в преступлении требовалась процедура, аналогичная процедуре обвинения свободного (*Dig.*, 48, 2). Ряд законов Адриана упростил процедуру манумиссии: император разрешил претору быть инициатором освобождения и совершать манумиссию в отсутствие хозяина (*Ulp.*

Dig., 30. 9–14; 40, 5). Уже при Тиберии и Клавдии раб мог выступать с обвинением против хозяина, если последний был виновен в оскорблении величия (*maiestas*), позже это распространилось на уклонения от налогов (*Narc. Dig.*, 48. 10, 7; 12, 1). Закон Адриана запретил убивать собственных рабов (убийство чужого считалось покушением на чужую собственность), а также продавать рабов в гладиаторские школы, а рабынь — в лупанары (*SHA. Hadr.*, 18, 7) и упразднил рабские тюрьмы (эргастулы) (*SHA. Hadr.*, 18, 7; *Gai. Inst.*, I, 32–3). Государство могло наказывать хозяина за чрезмерно жестокое отношение к рабу, заставить продать его или потребовать отпущка на волю. Изменилось и положение вольноотпущенников, а их роль в экономике возросла настолько, что в историографии даже распространилось мнение об «империи вольноотпущенников»⁷⁴.

Впрочем, это была только одна сторона медали. Выступая в роли защитницы «маленького человека», будь то провинциалы, либерты и даже рабы, власть не в меньшей степени выступала как защитница рабовладельцев. В 9 г. н. э. был принят печально известный сенатусконсульт Силана (*senatusconsultum Silanianum*), согласно которому, в случае убийства хозяина, пытке подлежали все рабы. Если убийца не был найден, рабы подлежали казни, но иногда их казнили, даже если убийца был обнаружен (*Paul. Sent.*, III. 51, 9; XXXIX, 5). В 57 г. н. э. наказание было распространено и на либертов. При Марке Аврелии был принят закон, усиливший права хозяев в отношении розыска беглых рабов, тогда же было запрещено освобождать рабов во время зрелищ. Вместе с тем, как и во времена республики, освобождение не делало раба полностью свободным. Законы сохраняли право вернуть либерта в рабское состояние (*Tac. Ann* XIII 26; 28; *Ulp. Dig.*, I, 12). Либерты сохраняли с бывшими хозяевами отношения патронага-клиентелы, а их действия против патрона сурово наказывались (*Ulp. Dig.*, I, 12); ряд законов обязывал либерта работать на патрона (*Dig.*, 38. 1, 1; 16–20; I. 38, I), другие устанавливали право патрона на часть имущества вольноотпущенника (*Dig.*, 38. 1, 1; 16–20; I. 38, 1), хотя некоторые юристы это право отрицали (*Ulp. Dig.*, 38. 2, 3; I. 5, 1–5). В отношении либертов действовали две концепции: республиканская и сенатская идея полной власти хозяина над рабом и имперская идея контроля государства над всеми своими подданными, от хозяев до рабов.

Сложными были и общие тенденции и последствия расширения гражданства. Бывшие бесправные подданные стали римскими гражданами, но само понятие гражданина теряло свое политическое значение,

⁷⁴ *Petit P. Le II-e siècle apres J. C.: Etat des questions et les problemes // ANRW. Tl. 2. Bd. II. Berlin; New York, 1975. P. 369–370.*

сводясь к экономической и частноправовой составляющей. Происходит сближение между рабами и свободными, свободными и колоннами, колоннами и рабами, италиками и провинциалами, причем движение шло не только в сторону расширения прав бесправного населения, но и в сторону снижения прав и статуса тех, кто их имел. Империя стремилась превратить всех в послушных подданных императора, а сенат — сохранить старую модель отношений, в том числе и рабовладельческих. В ходе развития I–II вв. н. э. имперские тенденции преобладали, но вместе с тем общество пыталось сохранить городское и провинциальное самоуправление и традицию «сенатской монархии» и «либерального принципата». К III в. н. э. все закончилось подавлением практически всех слоев населения мощной военно-бюрократической машиной домината.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Гай*. Институции / Лат. текст и русский перевод Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.
2. *Светоний Транквилл, Гай*. Жизнь двенадцати Цезарей / Под ред. М. Л. Гаспарова и Е. М. Штаерман. М., 1964.
3. *Страбон*. География в семнадцати книгах / Пер. с греч. Г. А. Стратановского. Л., 1964 (имеются поздние переиздания).
4. *Флавий Иосиф*. Иудейские древности / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. 1–2 (репринт — 1996).

Литература

Обязательная

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 16–19, 22–23.
2. *Ковалев С. И.* История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. Изд. 2-е. Л., 1986. Ч. 2. Гл. 8.
3. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 30.
4. *Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима. Учебное пособие. СПб., 2003.
5. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 188–326.
6. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987. С. 187–231.

Дополнительная

1. *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I–III вв. М., 1977.
2. *Голубцова Е. С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (независимая сельская община). М., 1962.
3. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.
4. *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.
5. *Златковская Т. Д.* Мезия в I–II вв. н. э. М., 1951.
6. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I–III вв. М., 1973.
7. *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
8. *Кудрявцев О. В.* Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.
9. *Маринovich Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И.* Рабство в восточных провинциях Римской Империи в I–III вв. М., 1977.
10. *Махлаюк А. В.* Армия Римской Империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000.
11. *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н. э. (до гракханского движения). М., 1971.
12. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995.
13. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской Империи в I–III вв. М.; Л., 1949.
14. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской Империи. СПб., 2000–2001. Т. 1–2.
15. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
16. *Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. Л., 2000.
17. *Штаерман Е. М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978.
18. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 22–105.
19. *Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ТЕМЕ

Тема римского гражданства и категорий населения продолжает аналогичную тему из истории республики. Как и тогда, нам нелегко найти источник, позволяющий дать компактную информацию. Сведения по различным сюжетам темы имеются едва ли не во всех произведениях античных авторов, посвященных истории Империи. Из источников, вероятно, наиболее информативными являются «Деяния божественного Августа», сочинения Тацита, Плутарха и Светония, а также — «Писатели Истории Августов» и сочинения юристов, Гая, Ульпиана, Юлия Павла, Модестина и данные Дигест. Очень большое значение имеют документальные источники, данные эпитафики и папирусов, тексты сенатусконсультов. Известное представление о круге источников по теме римского гражданства и положению основных категорий неполноправного населения может дать Хрестоматия по истории древнего Рима (под ред. С. Л. Утченко. М., 1962).

Для изучения проблем гражданства важны исследования цензов (Ю. Белох, П. Брюнт, Н. А. Машкин, Я. Ю. Заборовский). Очень важными являются исследования по истории рабства и колоната (см. список литературы) и жизни провинций (исследования А. Б. Рановича, О. В. Кудрявцева, С. И. Ковалева, Я. А. Ленцмана, Е. М. Штаерман, А. Г. Бокщанина, Г. М. Лившица, Е. С. Голубцовой, И. С. Свенцицкой, Ю. К. Колосовской, Н. Н. Беловой, П. Ф. Мурыгиной, Ю. Б. Циркина и др.).

Общей тенденцией эпохи Империи является то, что в это время происходит постепенный, но последовательный процесс расширения гражданских прав в Италии и провинциях, завершившийся к началу III в. н. э. фактически полным предоставлением гражданских прав всем жителям Империи. Даже в условиях определенной девальвации прав гражданина это привело к значительному политическому, социальному и правовому прогрессу общества. Известные перемены происходят и в рабовладении: при сохранении рабства как социального института и достаточно жесткой системы рабовладения происходит известное расширение прав рабов и либертов, равно как и усиление их защиты государством, все больше видевшем в рабе не собственность хозяина, а «маленького человека» и подданного императора. Происходит сближение между свободными и рабами, свободными и колонами, италиками и провинциалами.

Движение идет не только в сторону расширения прав бесправных слоев населения, но и в сторону снижения прав и статуса тех, кто эти права имел. Эти тенденции особенно усилились в ходе кризиса III в. н. э., после чего происходит переход от принципата к доминату, снова создавшему бюрократическую элиту и бесправную массу подданных.

ТЕМА 3 РИМСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

Центром новой системы власти стала власть императора, объединившая в себе власть высших магистратов республики и получившая новое монархическое качество. Именно императорская власть была главным механизмом преобразования общества и именно она создала вначале принципат I–III вв. н. э., а затем и систему домината IV–V вв. Если народное собрание и комициальные структуры, в наибольшей степени соответствующие городской, полисной и республиканской системе, сошли со сцены достаточно быстро, то сенат и его управленческий аппарат оставались опорой государственной системы в I в. и ее важной частью во II и даже в III в. н. э. Становление императорской власти было лишь первым этапом превращения римской республики в имперское государство. Вторым, и не менее важным, был затянувшийся на два столетия процесс вытеснения сенатского аппарата имперскими структурами. Основы императорской власти были созданы Августом, а имперский аппарат управления окончательно вытеснил сенатские структуры только в III в. н. э., и именно этот процесс определяет разделение на принципат и доминат.

Эти процессы и их последовательность будут определять последовательность нашего изложения. Рассмотрев вопрос об императорской власти, мы намерены перейти к анализу старых республиканских институтов, продолжавших свою жизнь и в императорскую эпоху, а затем завершим обзор рассмотрением эволюции императорского управленческого аппарата.

Рассмотрение императорской власти целесообразно построить по следующему плану. Характеристика сложной и противоречивой системы принципата представляет собой, быть может, самую сложную проблему римской истории, а потому любой обзор такого рода целесообразно начать с характеристики положения в историографии и обзора различных теорий системы Империи I–III вв. н. э. Далее мы подробно рассмотрим титулатуру императора и внешние характеристики императорского статуса, а затем перейдем к, вероятно, главному вопросу — правовой основе и экстралегальным компонентам императорской власти. В заключение темы остается рассмотреть вопросы о культе императора, особенностях перехода власти и проблему династического и выборного начал в истории Империи. Только после этого станет возможной попытка окончательной оценки.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕОРИИ ПРИНЦИПАТА

Сложная и противоречивая система принципата не могла не вызвать различные оценки в историографии. Самая первая в порядке появления теория, которую можно условно назвать «теория монархии», существовала со времени поздней античности вплоть до появления «Римского государственного права» (Römisches Staatsrecht) Т. Моммзена, а затем (и по сей день) оставалась одной из наиболее распространенных теорий принципата. Типичной для средневековой историографии была теория четырех империй (египетской, ассиро-вавилонской, персидской и греко-римской), типологически сходных между собой и сменяющих одна другую⁷⁵. С другой стороны, Римская империя идентифицировалась с монархиями Западной Европы, а некоторые из них считали себя ее преемниками (Империя Каролингов, «Священная Римская Империя»). Эта трактовка принципата и, в общем, недефинированное понятие принципата как монархии характерно и для времени Возрождения и Просвещения, она же встречается у историков XVIII–XIX вв. (Ш. Монтескье, Ф. Шампаньи, Ж.-Ж. Ампер). Впрочем, у мыслителей эпохи Просвещения появляется противопоставление легитимных, основанных на подчинении закону европейских монархий и восточных деспотий, управляемых по произволу правителей. Место Римской Империи точно не выделялось, однако постепенно утверждается теория, сближающая принципат с моделью просвещенной монархии (П. Корнель, И. В. Гете).

В XVIII в. появляется вторая теория (т. н. «теория фасада»), согласно которой принципат, особенно ранний, был монархией, скрытой республиканским фасадом (Ш. Монтескье, Ф. М. Вольтер, Эд. Гиббон), что создало представление о политической системе, выдающей одно за другое и отличавшейся особым лицемерием и раздвоенностью.

Новый этап изучения истории принципата и его политической системы связан с теорией диархии Т. Моммзена. Исследуя правовую сторону магистратской власти, Т. Моммзен обратил внимание на сущность магистратского империя и наличие континуитета между империем царей, республиканских магистратов и римских императоров. По его мнению, власть принцепса была не монархической властью, а чрезвычайной магистратурой, основой которой были проконсульский империй и трибунская власть. Опираясь на эти выводы, Т. Моммзен пришел к мысли, что созданная Августом и поддерживаемая его преемниками политическая система

---

⁷⁵ Подробнее см.: Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1980. С. 11–12.

представляла собой диархию (двоевластие) императора и сената⁷⁶. Полностью оценить теорию Моммзена можно только после более полного обзора положения сената, однако заметим, что это был первый в мировой истории опыт рассмотрения правовой системы Империи.

Теория Т. Моммзена вскоре стала господствующей, а большинство ученых конца XIX – начала XX в. в той или иной степени приняли ее положения. При всех расхождениях общим было то, что они исходили именно из оценки правовой системы власти. Некоторые ученые (О. Карлова, П. Виллемс, Б. Низе, Е. Герцог) приняли ее практически целиком, тогда как другие внесли в нее некоторые дополнительные суждения. Так, Б. Низе, Е. Герцог и П. Виллемс принимают мнение Т. Моммзена без сколь-нибудь принципиальных разногласий⁷⁷, а О. Карлова оспаривал его тезис об императорской власти как сочетании проконсульского империя и трибунской власти, полагая, что основой ее был некий всеобъемлющий круг функций, выраженный особым законом о власти (*lex de imperio*)⁷⁸. Другие, как Эд. Мейер и Г. Ферреро, пошли дальше, считая принципат «восстановленной республикой», а принцепса — ее чрезвычайным магистратом⁷⁹. Согласно теории Эд. Мейера, Август воплотил в жизнь не монархическую идею Цезаря, а республиканский вариант «принципата Помпея», когда единоличная власть оказалась встроена в республиканскую систему⁸⁰. Наконец, третья группа исследователей, оставаясь в рамках концепции Т. Моммзена, вместе с тем, пытается пересмотреть ее ключевые положения, постепенно выходя за ее пределы (Кл. Мипуле, Г. Буассье, в отечественной историографии — В. И. Герье, Э. Д. Гримм)⁸¹.

Теории Кл. Мипуле и Э. Д. Гримма уже можно назвать попытками перехода к новой точке зрения. Так, Кл. Мипуле, возможно, одним из первых оспорил сущность теории, называя принципат не «диархией», а монархией без серьезных правовых ограничений и ответственности перед

---

⁷⁶ *Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1886–1887. Bd. 2. S. 872–875.*

⁷⁷ *Herzog E. Geschichte und System der römischen Staatsrecht. Leipzig, 1891; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910; Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1890.*

⁷⁸ *Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1885. B. 1. S. 494.*

⁷⁹ *Meyer Ed. 1) Kaiser Augustus // Halle, 1910; 2) Caesars Monarchie... S. 123–125; Ферреро Г. Величие и падение Рима... Т. 4–5.*

⁸⁰ *Meyer Ed. Caesars Monarchie... S. 123–125.*

⁸¹ *Mispulet Cl. Les institutions politiques des Romains sous la republique. Paris, 1881. Vol. 2. P. 70; Буассье Г. 1) Римская религия от Августа до Антонинов. М., 1978; 2) Общественные настроения времен римских Цезарей. Пг., 1915; Герье В. И. Август и установление римской империи // Вестник Европы. 1877. № 6–8; Гримм Э. Д. Исследования по истории развития императорской власти. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.*

коллегиальными органами, при этом считая римскую монархию синтезом различных республиканских полномочий⁸². Еще дальше пошел Э. Д. Гримм, считавший, что римская конституция не имела разработанной конституционной теории, а потому вообще не определяла четкой грани между монархией и республикой. Перемены происходили постепенно: власть Августа еще можно считать чрезвычайной диктатурой, тесно связанной с республикой, однако при Тиберии и Калигуле устанавливается настоящая монархия. Время Флавиев стало периодом усиления статуса и престижа императорской власти, а ко времени Адриана последняя действительно становится монархией, когда принципат отрекается от своего деспотизма, а общество — от республиканских иллюзий⁸³.

Новое возрождение «теории монархии» было начато трудом В. Гардтгаузена. Автор вернулся к тезису о монархическом принципате, отойдя от преимущественного интереса к правовой системе власти и сделав акцент на политических реалиях, социальной системе и идеологии. Исследуя, главным образом, политическую историю Империи, автор приходит к выводу о фиктивности правовой диархии, реальном полновластии принцепса и монархической сущности системы⁸⁴.

Теория (или скорее, теории) монархии нашли большое число сторонников. Последние выступили против приоритета правового оформления власти принцепса и поставили в центр внимания реальную социально-политическую сущность принципата. Условно их можно назвать теориями «чистой монархии», «фасада», а также «теорией конституционной монархии», авторитаризма и авторитарной системы.

Первая из этих теорий, в общем, развивала положения еще домоммиановского периода, также продолжая идеи В. Гардтгаузена и Ж. Гаже о принципате как монархии чисто римского или, наоборот, эллинистического и восточного типа с развитым культом правителя, монархическим законодательством и характерными для него институтами.

Другим вариантом монархической концепции принципата стала «теория фасада», главной идеей которой было противоречие между «формой» и содержанием системы, выдающей себя за нечто отличное от того, чем она была на самом деле. Суть этой теории достаточно полно выражена Р. Хайнце, считавшим принципат «военной монархией с республикан-

---

⁸² *Mispulet Cl.* Les institutions politiques... P. 70, 81.

⁸³ Гримм Э. Д. Исследования... Т. 1. С. 32, 220, 224–245, 247–248, 285, 387, 403.

⁸⁴ *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Berlin, 1881–1904. Bd. 2. — Близкие взгляды: *Dessau H.* Geschichte der Römischer Kaiserzeit. Berlin, 1924–1928. Bd. 1–2; *Rice Holmes T.* The architect of Roman Empire. London, 1928–1931. Vol. 1–2.

ским фасадом»⁸⁵, и Ф. Маршем, считавшим его целостной и тонко отрегулированной системой, реалии которой были тщательно замаскированы юридическими тонкостями⁸⁶.

Эту теорию или ее элементы в той или иной степени разделяют многие ученые, занимавшиеся принципатом (В. Эренберг, Э. Корнеманн, В. Кольбе, Ф. Марш, Л. Р. Тэйлор, Э. Холь, А. Джоунз и др.)⁸⁷. Теория «фасада» получила развитие и в отечественной историографии. Так, Р. Ю. Виппер считал фикцией всю республиканскую сторону принципата⁸⁸. В несколько более сложном варианте эта теория нашла свое отражение в научных исследованиях С. И. Ковалева, Н. А. Машкина и С. Л. Утченко⁸⁹, считавших, что республиканская фикция или даже элементы республиканской конституции не могли повлиять на монархическую сущность системы.

Наконец, со времен В. Гардтгаузена и особенно в XX в. появились теории, согласно которым принципат был формой единоличного правления, опирающегося исключительно на силовые структуры, причем это силовое господство делало вторичным все остальные факторы (правовой, идеологический и др.), а Империю считают «военным», «полицейским» или «тоталитарным» государством.

Впрочем, различные теории не только опровергали друг друга, но и взаимодополнялись, внося новые, уже вошедшие в науку положения. После появления теории Т. Моммзена стал несомненным тезис о сложной правовой природе принципата, значении сената и республиканских элементов системы и глубокой преемственности между республикой III–I вв. до н. э. и Империей I–II вв. н. э. После исследований В. Гардтгаузена утвердилось мнение, что принципат был той или иной формой монархии или авторитарной власти. «Теория фасада» более, чем какая-либо другая, показала противоречия, заложенные в системе и создающие ситуацию внутреннего конфликта.

---

⁸⁵ *Heinze R. Kaizer Augustus // Hermes. 30. Bd. 65. S. 388.*

⁸⁶ *Marsh F. B. The reign of Tiberius. P. 18.*

⁸⁷ *Ehrenberg V. Monumetum Ancyranum // Klio. 1925. Bd. 19. S. 207; Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930; Kolbe W. Augustus. Darmstadt, 1985. S. 72–98; Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley; Los Angeles, 1949 (3rd ed. — 1961). P. 130; Hohl E. Augustus // Das Altertum. 1950. Bd. 2. S. 238; Jones A. H. M. Augustus. London, 1970. P. 187.*

⁸⁸ *Bunner P. Ю. Очерки по истории Римской империи. М., 1923.*

⁸⁹ *Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. С. 373–411; Ковалев С. И. История Рима. С. 490, 495, 583, 643, 683, 691; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 400, 401, 606; Утченко С. Л. Кризис и падение... С. 3–32.*

«Теории монархии» в принципе основывались на негативном отношении к принципату. На рубеже XIX–XX вв. передовая общественная мысль видела в нем аналогии с ненавистными абсолютистскими монархиями, а в XX в. в принципате (в общем, без всяких на то оснований) «обнаружились» аналогии с фашистскими и тоталитарными режимами. Между тем, в Империи с ее развитой экономикой, культурой и политической системой было трудно увидеть только «военную диктатуру» или «тоталитарное общество».

Новое понимание Империи как высокоразвитого цивилизованного общества пришло в 30–50-е гг., когда Рим стал вызывать ассоциации не только с фашистскими режимами, но и с обществами типа Британской Империи и Соединенных Штатов Америки.

Следствием этого развития было признание, что республиканская традиция была не только фасадным прикрытием, но и важным интегральным элементом системы. Это было известным признанием «конституционности» принципата, в результате которого возникли две группы теорий, теории «неформальности» и теории «конституционности» принципата.

Возможно, наиболее полно теория «неформальной власти» была выражена в исследовании А. фон Премерштейна, считавшего, что основой реальной власти императора была его «личная партия», группировавшаяся вокруг политического деятеля эпохи гражданских войн. С победой Августа такого рода «личная партия» пришла к власти и встала во главе государства, а принцепс превратился в патрона всего общества, ставшего его клиентелой. Как полагает А. фон Премерштейн, принципат был господством императора, однако его правовая форма выходит за рамки смысла, понятного современному историку. Принцепс был главой государства, но это положение не имело четкой и определенной правовой фиксации⁹⁰.

Другим направлением этой теории была очень популярная в конце 40-х гг. XX в. теория *auctoritas*, согласно которой власть принцепса имела основание не в каких-то особых полномочиях, а напротив — в особом, личном авторитете носителя власти, выраженном в сложном и неформальном понятии *auctoritas*⁹¹.

Теория «конституционности», вероятно, берет начало с М. Хэммонда. В какой-то степени это было возрождением «теории диархии» Т. Моммзена. Согласно этой точке зрения, принцепс скорее был руководителем

---

⁹⁰ *Premierstein A., von.* Vom Werden und Wesen des Principats. Berlin, 1937. S. 63 ff; 123 ff.

⁹¹ *Grant M.* From imperium to auctoritas. Cambridge, 1946; *Magdelain A.* Auctoritas principis. Paris, 1947.

государства, сохранившего или даже развивавшего идеи представительной власти, нежели монархом или диктатором, а римская монархия была ограничена правовыми нормами и традициями⁹².

Конституционность принципата в той или иной степени признается многими исследователями императорской власти (Л. Виккерт, Х. Кастрициус, К. Левенштейн, Э. Мейер, Э. Уодлис Хэдрил, Ж. Беранже, В. Хартке и др.)⁹³. Эта точка зрения постепенно сменяла «теорию фасада» и в отечественной историографии. Уже в работах В. С. Сергеева встречается определение принципата как «республиканской монархии»⁹⁴. Н. А. Машкин, всестороннее исследовав монархию Августа, отмечает в качестве наиболее характерной черты принципата его юридическую неопределенность и сочетание монархической сущности с официально декларированной, а отчасти и проводимой в жизнь идеей «восстановленной республики»⁹⁵.

По мнению И. П. Портнягиной, система принципата была не «диархией», а соглашением двух неравных сил, одна из которых была значительно сильнее другой, но не настолько, чтобы другая полностью утратила властные позиции⁹⁶. Как полагает Е. М. Штаерман, на императора постепенно переносится власть и величие римского народа, а основным отличием императорской власти от традиционных магистратур была *auctoritas*⁹⁷.

Наиболее полно эта теория была выражена в исследованиях Г. С. Кнабе. Отечественный исследователь, быть может, наиболее отчетливо показал, что система принципата формировалась под определенную задачу — прекращение кризиса эпохи гражданских войн и создание мировой державы. Принципат должен был примирить римскую олигархию, республиканские традиции и глубинные основы римской ментальности с одной стороны, и силы имперской новизны и новую глобальную политику — с другой. Власть императора, по сути дела, опиралась на военную силу и доста-

⁹² *Hammond M.* 1) *The Augustan Principate*. Cambridge, 1933; 2) *The Antonine Monarchy* // ANRW. Tl. 2. Bd. 2. Berlin; New York, 1975. S. 329–384.

⁹³ *Wickert L.* 1) *Princeps (civitatis)* // RE. Bd. 22. Stuttgart, 1954. Sp. 2004–2030, 2096–2098, 2204–2222, 2270–2296; 2) *Neue Forschungen zum Römischen Prinzipat* // ANRW. Tl. II. Bd. I. Berlin; New York, 1975. S. 3–10; *Castritius H. D.* *Der Römische Prinzipat als Republik*. Museum, 1982. S. 9–10; *Loewenstein K.* *Augustus*. Darmstadt, 1985. S. 531; 566; *Wallace-Hadryll Y.* *The golden age and sin in Augustan ideology* // P&P. 1982. Vol. 35. P. 19–36.

⁹⁴ *Сергеев В. С.* Очерки... С. 373–411.

⁹⁵ *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 400–401, 606.

⁹⁶ *Портнягина И. П.* Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982; 2) Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989.

⁹⁷ *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // *Культура древнего Рима*. М., 1985. С. 52–55.

точно четко определенные правовые полномочия, однако при этом принцепсы пытались опереться и на вековые устои римской жизни, которые и были основой авторитета римского сената. Все сказанное выше определяло компромиссную сущность системы: старые традиции растворялись в новой системе, оставляя при этом мощный архаический пласт, существующий в массовом сознании⁹⁸.

Мнение о «восстановленной республике» разделяет и Я. Ю. Межеричкий, считавший, что Август нашел «золотую середину», прокладывая путь между Цициллой своевольного абсолютизма и Харибдой буквального соблюдения конституционных установлений, а «республиканизм» был не только (и не столько) фасадом, сколько единственной точкой отсчета и важным элементом идеологии. Республиканская идея могла претерпеть изменения, но она по-прежнему оставалась основой политики Августа⁹⁹.

Сложность проблемы принципата породила еще одну теорию, авторы которой отказываются от четкого определения принципата, считая его уникальной политической системой, не подходящей под какую-либо определенную правовую дефиницию. Видимо, одним из основоположников этой концепции можно считать М. И. Ростовцева, считавшего ошибочным как мнение о «восстановленной республике», так и возможные теории монархии, и видевшего в принципате особую политическую систему, предназначенную для управления Средиземноморским обществом, перешедшим на качественно новый уровень развития по сравнению с Римской республикой¹⁰⁰. Как полагает В. Кункель, Рим не имел единой конституции монархического государства, а элементы монархии были определены в рамках республиканского права¹⁰¹. Другой исследователь, Эрнст Мейер, полагает, что государственную систему принципата можно описать, но нельзя четко дефинировать¹⁰². Наконец, итог этой теории подводит высказывание, вероятно, самого крупного ее представителя, Л. Веккерта: «Определить характер монархического принципата в государственно-правовом плане нам мешают те методы, которые сознательно или бессознательно используют принцепсы и их помощники, стремясь

⁹⁸ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 30–37; 2) Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983. С. 134, 142, 148, 167–168; 3) Древний Рим, история и повседневность, М., 1986. С. 20, 27–28, 148.

⁹⁹ Межеричкий Я. Ю. «Республиканская монархия» (метаморфозы идеологии и политики императора Августа). Москва; Калуга, 1994. С. 367–376. — Особый интерес представляет глава I, содержащая, возможно, наиболее подробный обзор историографии, посвященной различным аспектам теории принципата и конкретным аспектам принципата Августа.

¹⁰⁰ Rostovtzeff M. A History of ancient world. Oxford, 1927. Vol. II. P. 160–180.

¹⁰¹ Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1948. S. 35.

¹⁰² Meyer Er. Römische Staats — und Stadtgedanke. Berlin, 1948. S. 35.

привести в соответствие видимость и действительность. Можно дать описание этой государственной формы, но нельзя ее четко дефинировать... Сочетание правовых и политических элементов, которые соединились, но не слились в принципате, не определяется ни одной из известных нам правовых категорий»¹⁰³.

Подводя итоги, можно отметить наличие разнообразных теорий принципата, которые условно можно разделить на несколько категорий:

1. Теории монархии, типологически сближающие принципат с существующими историческими типами монархии (эллинистические и восточные монархии, абсолютные монархии Европы XVI–XVII вв.) или объявляющие его неким особым типом римской монархии с соответствующей монархической традицией, конституцией и идеологией.

2. Теории авторитарного, тиранического, военного, полицейского и тоталитарного характера Империи, опирающейся исключительно на силовые структуры. Эти теории сближают принципат не с традиционными легитимными монархиями, а с узурпационными режимами типа греческой тирании или авторитарными и тоталитарными диктатурами XX века.

3. «Теория фасада», согласно которой империя представляет собой автократический, монархический или диктаторский режим, прикрывающийся республиканской или квазиреспубликанской традицией и скрывающий свою авторитарную сущность за ширмой республиканской идеологии.

4. Теория «диархии» или дуализма, согласно которой политическая система Империи, по крайней мере, I–II вв. н. э. представляла собой двоевластие или равновесие императора и сената, имперско-монархического и полисно-республиканского начал.

5. Теория «республики» или «восстановленной республики», согласно которой республиканское начало превалировало над единоличным, а принцепс был не монархом, а выборным или назначенным республиканским магистратом с особыми полномочиями.

6. Теория «неравных сил», согласно которой кумуляция республиканских полномочий все же создавала новое монархическое качество, а элементы монархии были значительно сильнее и доминировали в обществе, хотя и оставляя определенную нишу для полисно-республиканской традиции. По сути дела, к этой теории примыкает теория «конституционной монархии», однако, если первая точка зрения объясняет баланс неким естественно сложившимся порядком вещей, то вторая вносит более упо-

---

¹⁰³ Wickert L. 1) *Princeps...* Sp. 2296; 2) *Neue Forschunden...* S. 76.

рядоченный характер адаптации системы к единой Средиземноморской Империи.

7. Теория «уникальности» принципата, сторонники которой отказываются от четкой дефиниции системы либо по причине ее сложности и противоречивости, либо по причине специфики того объединения, которым она призвана управлять.

Итак, уже само рассмотрение историографии показывает сложность проблемы принципата. Следующим этапом должно стать рассмотрение реальной ситуации.

2. ТИТУЛАТУРА

Полный императорский титул состоял из многочисленных компонентов, каждый из которых выражал определенную концепцию власти. Как правило, этот титул представлен надписями, а более сокращенный вариант дают монеты и частные документы: *Imperator Caes(ar) Augustus, pontifex maximus, tribunicia potestate, pater, patriae, consul, censor*.

1. Титул *imperator* детально исследован в историографии (Е. Розенберг, Л. Лесуисс, Р. Сайм, Л. Виккерт и др.)¹⁰⁴. Впервые он встречается в «Анналах» Квинта Энния и относится к раннему периоду римской истории. К I в. до н. э., а возможно и ранее, термин приобретает два значения: 1) общее обозначение командующего, носителя *imperiū* и 2) титул, который солдаты давали полководцу в случае крупной победы.

Цезарь получил его в 58 г. в ходе Галльских войн (вероятно, после первой победы над гелльветами) и носил на протяжении всей жизни до 44 г. до н. э. Впрочем, в этот период титул носили и многие противники Цезаря и даже его подчиненные. Помпей получал этот титул ранее (после побед в 83, 77–71 и 66–62 гг.), а затем специально удостоился его после Диррахия (Caes. В. С., III, 71), а Сципион — сразу после того как принял командование помпейцами в Африке (В. Afr., 4; 45). Цицерон регулярно именуется этим титулом в письмах 51–49 гг. (он получил его в 51 г. после небольших операций в Киликии), из чего следует, что его можно было носить даже через некоторое время после победы. В 49 г. победившие солдаты Куриона провозгласили его императором (Caes. В. С., II, 32).

Во времена республики носить титул могли несколько человек одновременно и, вероятно, только со времени Галльских войн начинается

---

¹⁰⁴ Rosenberg E. *Imperator* // RE. Bd. 17. Stuttgart, 1914; Lesuisse L. La nomination de l'empereur et le titre d'imperator // AC. 30. 1961. P. 415–428; Syme R. *Imperator Caesar, a study in nomenclature* // Historia. Bd. 7. 1958. S. 172–188; Wikert L. *Princeps...* Sp. 2278–2281.

состояние за право быть «императором». Солдаты Цезаря не признавали право Сципиона на ношение этого титула, а сторонники Сципиона отвечали им тем же (В. Afr 4; 45). В речи к воинам Курион заявил, что провозглашение императором не снимает с него обязанности быть воином Цезаря (Caes. В. С., II, 32).

После победы Цезарь остался единственным носителем этого титула. Существует мнение, что он стал использовать его в качестве преномена (личного имени), однако все указания на это исходят от поздних источников II–III в. н. э. (Suet. Iul., 76, 2; App. В. С., II, 110). В современных Цезарю документах преномена нет, и титул употребляется только в традиционном республиканском значении.

Противоречие решается разными путями: одни исследователи (Ю. Дайнингер) полностью отрицают использование Цезарем титула в ином смысле кроме традиционного¹⁰⁵, другие считают, что преномен действительно появился (Н. А. Машкин, С. Л. Утченко)¹⁰⁶, есть мнение, что диктатор его отклонил (А. фон Премерштейн). Многие исследователи считают, что даже независимо от конкретного применения титул сохранил свое республиканское значение (Р. Сайм, Н. А. Машкин, С. Л. Утченко)¹⁰⁷, другие — что это качество уже возникает (Х. Лэст, М. Грант)¹⁰⁸.

Вопрос о точном времени принятия преномена Августом также неясен. Впервые его провозгласили императором в апреле 43 г. после двух сражений при Мутине, во второй раз это произошло в 38 г. до н. э., когда Октавин, по всей видимости, принял и преномен¹⁰⁹. В 38–29 гг. до н. э. Август использовал преномен крайне редко, а его регулярное применение относится ко времени после Акция. Из 32 надписей с титулатурой Августа императорский преномен встречается в 31. Кроме преномена Август продолжает брать традиционный титул, фиксируя крупные победы, одержанные им и его легатами, и ставя это в конец общего титула. Так, в 29 г. до н. э. он имел 6 или 7 аккламаций (Dess., 80), в конце правления — 21 (Dio, 52, 41).

Впрочем, при Августе императорский преномен не становится единственным, исключительным и даже главным титулом монарха. Сам Август

---

¹⁰⁵ *Dieninger J.* Von der Republik zur Monarchie. Die Ursprünge der Herrschertitulatur des Principats // ANRW. Tl. 2. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. S. 993.

¹⁰⁶ *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. С. 280–281; *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 65.

¹⁰⁷ *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. С. 280–281; *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 65; *Syme R.* Roman Revolution. P. 52.

¹⁰⁸ *Last H.* Imperium maius, a note // JRS. 37. 1947. P. 166; *Granf M.* From imperium to auctoritas. Cambridge, 1946. P. 409.

¹⁰⁹ *Wickert L.* Princeps... Sp. 2279–2281.

предпочитал именоваться принцепсом, Цезарем или Августом. Юлии-Клавдии использовали преномен очень редко: Тиберий вообще отказался от этой чести (Suet. Iul., 26), а Калигула, Клавдий и Нерон использовали его крайне мало. Нерегулярность преномена сохраняется и у Флавиев, и только с Нервы и Траяна преномен становится постоянным атрибутом надписей. Традиция сохраняется у Антонинов, Северов и императоров III в. н. э. У последних она сочетается с титулом *dominus noster*, а затем полностью исчезает в надписях Диоклетиана.

Если преномен используется нерегулярно, то число аккламаций, т. е. воинских побед, фиксировали все императоры. Умолчание об этом могло свидетельствовать о мирном характере политики (Август, Нерва, Антонин Пий). Быть может, не менее интересно, что в первые десятилетия принципата титул имели люди, не бывшие правителями и даже не претендовавшие на это качество.

Если преномен был исключительно императорской привилегией, то во времена Августа и Тиберия аккламации получают не только правители. Светоний сообщает, что при Августе триумфа удостоились более 30 человек (Suet. Aug., 30), а назначение триумфа обязательно предполагает императорскую аккламацию. Надписи указывают на аккламации ведущих полководцев Августа: Г. Кальвизия Сабина, С. Аппулея, М. Нония Галла (Dess., 289; 890; 894; 895). Будущий император Тиберий имел два триумфа (Suet. Tib., 9; 20) и именовался в надписи *imp. Iterum* («император дважды») (Dess., 883; 893a). При Тиберии практика исчезает: в 17 г. н. э. триумф получил Германик (Tac., Ann., II, 42), а в 22 г. войска дали титул императора Юнию Блезу (Tac., Ann., III, 74), что стало последней аккламацией человека, не бывшего принцепсом. После Блеза провозглашение императором означало только претензию на власть.

Титулы *imperator*, *Caesar*, *Augustus*, *princeps* часто используются в качестве синонимов, однако там, где употребление титула «император» подчеркивает какой-либо специфический оттенок, речь идет о монархическом и военном характере власти. Редким, но очень характерным примером может служить заявление императора Тиберия: «Я — господин для рабов, император для воинов, а для остальных — принцепс» (Dio, 57. 8, 2). Аналогичным образом высказывается Плиний Младший, цитируя любимого им Траяна: «граждане повинуются ему как принцепсу, а воины как императору» (Plin. Paneg., 22, 9).

Аналогичные тенденции заметны и у греческих авторов. У Диона Кассия и Плутарха правитель обычно именуется «император» (*αὐτοκράτωρ*) и «Цезарь» (*Καίσαρ*), Геродиан предпочитает царский титул (*βασιλεύς*).

Эквивалентом *imperator* является греческое *αὐτοκράτωρ*, впрочем, имеющее несколько иной смысл: *αὐτός* «сам» и *κράτειν* «править», т. е. «самодержец».

2. *Цезарь и Август*. Имя Юлия Цезаря было принято Октавианом после принятия им завещания диктатора и официального признания усыновления. За редким исключением, имя Цезаря принимают все императоры, однако иногда оно закрепляется за младшими соправителями, наследниками и даже близкими родственниками правящей семьи. После Адриана титул «Цезарь» носят только император, его соправители и ближайшие наследники, а ко II в. он все больше и больше относится к младшим членам династии. Во времена Диоклетиана и после него «Цезарь», как правило, относится к младшему соправителю более низкого ранга.

Имя «Август» первый принцепс получил 16 января 27 г. до н. э. по решению сената (R. g., 34; Vell., II, 91, 1; Dio, 53, 16), и тех пор оно стало основным именем-титолом императоров. Этимологически оно связано с *augere* (увеличивать), *augur* и *augurium* и часто переводится как «умноженный, возвышенный, возвеличенный». Имя продолжало традицию почетных имен императорского времени (Сулла Феликс, Помпей Магн) и, будучи связанным с сакральной символикой, подчеркивало божественную природу его носителя, создавая вокруг императора ореол святости. В день принятия титула было решено совершать торжественные молебствия (Dess., 108). В отличие от имени-титула «Цезарь», «Август» всегда относилось только к правящему императору.

Вопрос о трибунской власти и титуле отца отечества, которые регулярно встречаются в императорской титулатуре, будут рассмотрены при рассмотрении правовых аспектов власти римских правителей. Теперь необходимо рассмотреть титул *princeps*, который редко используется в документах, но является одним из главных обозначений в быту и у античных авторов. Термин детально исследован немецким ученым Л. Виккертом, и нам остается только повторить его основные выводы.

3. *Principes*. Хотя это понятие нельзя считать правовым обозначением монарха, оно попадает в документы и надписи, тем самым приобретая правовой оттенок. *Principes* обозначает не только императора, но и используется по отношению к иностранным политикам и правителям, равно как и по отношению к различным римским политическим деятелям республики и даже императорского времени. Л. Виккерт отметил, что термин используется по отношению к разным государствам и городам (в т. ч. городам Италии, Греции и Македонии), *principes* есть в Галлии, Испа-

нии, Нумидии и Карфагене¹¹⁰. Как правило, речь идет о немонархических государствах и полисах, племенах, находящихся на ранней стадии государственности, либо, наконец, о государствах с полумонархической, диктаторской или скрытой монархической формой правления. Аналогичное обозначение настоящих восточных и эллинистических монархов встречается крайне редко, а если речь идет о государствах типа Селевкидской или Атталидской монархии, оно чаще все применяется по отношению не к правителям, а к другим представителям правящей элиты.

Principes достаточно часто используется по отношению к политическим деятелям эпохи республики. Л. Виккерт приводит список из 72 политических деятелей, в разных контекстах именуемых *principes*¹¹¹. Список начинается с Госта Гостилия и П. Валерия Публикола и заканчивается Марком Антонием, Секстом Помпеем и Октавианом Августом. В числе имен фигурируют Марк Фурий Камилл, Фабий Максим, оба Сципиона, Катон Старший, Марий, Сулла, Метелл Пий, Катул, Лукуллы, Помпей, Красс, Цицерон, Цезарь и др.

Наконец, *principes* именуются и деятели эпохи Империи, не являвшиеся императорами. Небольшой список этих людей начинается с деятелей времени Августа, Азиния Поллиона, Планка и Агриппы, и заканчивается Плинием Младшим и Валерианом¹¹². Общий анализ термина позволяет заметить, что *principes* выражает идею главенства в ее наиболее общей форме и (в отличие от *imperator*) гражданскую и республиканскую составляющие императорской власти.

Наряду с общим понятием *principes* существует и более конкретное понятие *principes senatus* (принцепс сената), еще в республиканское время обозначавшее сенатора, стоящего первым в цензорском списке и имеющего огромный престиж и право высказываться первым. Уже при поздней республике принцепс сената начинает превращаться в его фактического лидера. С 70 по 61 г. до н. э. таковым несомненным лидером был Квинт Лутаций Катул, один из ближайших соратников Суллы. Похоже, что с 59 г. положение принцепса занимал Помпей, а во времена диктатуры Цезаря сенатский список, вероятнее всего, начинался с имени самого диктатора.

В 29 г. до н. э. после своего первого ценза *principes senatus* стал Август (R. g., 7, 2) оставаясь им до конца жизни. Это положение как бы делало императора лидером сената. Буквальный греческий перевод (*ρσκησιφπτ*) существовал, но используется крайне редко. После Августа принцепсами

---

¹¹⁰ Ibid. Sp. 2004–2006.

¹¹¹ Ibid. Sp. 2006–2008.

¹¹² Ibid. Sp. 2001–2016.

сената были все императоры I–III вв. н. э., и только в конце III в. военные императоры перестали пользоваться этим титулом, что показывает упадок сената и его лидерства. Одним из первых случаев, когда император сделал принципсом другое лицо, было назначение Марка Клавдия Тацита при Аврелиане.

4. *Dominus noster* («наш господин»). Термин был взят из области частного права, где он обозначал господина (*dominus*) в его отношении к рабам (*servus*). Это сочетание может быть противопоставлено *princeps* и *imperator*, однако чаще служило в качестве синонима. Первые императоры, Август и Тиберий, решительно отвергали титул (Tac. *Ann.*, 11, 87), и только императоры-тираны — Калигула, Нерон и Домициан — постепенно вводили его в обиход. Впрочем, постепенно он становится употребительным: Плиний именует так Траяна, а при Адриане *dominus* появляется в латинских папирусах. Начиная с Септимия Севера, титул становится одним из основных, а после Диоклетиана — главным титулом императора. Греческие варианты — *δεσπότης* и *κύριος* — появляются в документах восточных провинций достаточно рано и регулярно.

5. *Порядок титулов*. Итак, в титулатуре Августа фигурируют императорский преномен, обозначение трибунской власти, титул *pater patriae* и обозначение императора как консула. Титулатура выражает различные концепции власти: военная власть и победы (*imperator*), гражданское и республиканское начало (*consul, censor*) и республиканскую преемственность (*tribunicia potestas*). С определенными вариациями она сохраняется у Юлиев-Клавдиев, Флавиев и Антонинов. Для времени Юлиев-Клавдиев характерна определенная неустойчивость титулатуры, тогда как в надписях и монетах императоров от Веспасиана до Пертинакса порядок становится более четким и систематическим.

Принципиальное изменение происходит при Северах. Наряду с надписями старого типа стали появляться новые варианты. Это, во-первых, сокращенный вариант *Caesar Augustus* или *Imperator Caesar Augustus*, из которого постепенно исчезают все республиканские компоненты, а во-вторых — появление титула *dominus noster* в качестве официального обозначения правителя.

Титулатура III в. н. э. дает большое разнообразие вариантов, демонстрируя как преемственность, так и новизну и противоречия между программами различных идеологических моделей. В надписях этого времени можно встретить 4 варианта: 1) старый титул флавианско-антониновского типа (Dess., 489); 2) сокращенный вариант *Imperator Caesar Augustus*

(например, Dess., 532); 3) титул *dominus noster* (Dess., 531) и, наконец, 4) сочетание первого и третьего типа (Dess., 642). Начиная с Константина, титул *dominus noster* практически вытесняет все остальные, а с V в. становится единственным.

6. *Rex, βασιλεύς, tyrannus*. В римском политическом словаре представление о рексе имеет достаточно сложный круг значений¹¹³. Самым ранним из них было, вероятно, понимание рекса как выборного правителя, традиционного вождя общины, обязанного править по закону и в согласии с народом. На этот образ наслои́лся другой, образ жестокого тирана, ассоциировавшегося с Тарквинием Гордым, последним царем Рима. Несколько позже это римское понятие, достаточно близкое к образу тирана, соединилось с греческим понятием *βασιλεύς*, также достаточно неоднозначным по своей семантике. В философском представлении *βασιλεύς* означало законного, «доброго» царя, монарха, правящего на благо подданных и имеющего законные основания для своей власти в отличие от «незаконного» тирана. Что касается конкретной практики, то это был образ, основанный на политической реальности эллинистического мира и, в гораздо меньшей степени, мира, находящегося за его пределами (например, Африка, Галлия, Испания, Подунавье)¹¹⁴.

βασιλεύς и *rex* широко использовались в международных отношениях, обозначая иностранного правителя монархического государства (восточные царства, племенные правители западной части Средиземноморья, цари Нумидии, Мавретании, кельтов, балканские правители и др.). Как правило, это были вассальные или зависимые правители, и уже начиная с Августа возникает представление, что римский император стоит выше всех других правителей, *principes* и царей (например, Suet, Calig., 22). В этом смысле использование *rex* вместо *tyrannus* не только вызывало намеки на незаконный, тиранический характер власти, но и «снижало» уровень римского правителя в международном праве. С греческой терминологией этого процесса не происходило, т. к. понятие «царь» было высшим в иерархии глав государства.

При республике обвинение в стремлении к царской власти (*regnum*) было страшным политическим обвинением, а слухи о готовности Цезаря принять титул имели для него роковые последствия (App. B. C., II, 107–111; Plut. Caes., 60; Suet. Iul., 79; Dio, 44, 10, 15). Негативный смысл сохранился и во времена Августа и Юлиев-Клавдиев. Напротив, в греческих

¹¹³ Ibid. Sp. 2108–2127.

¹¹⁴ Ibid. Sp. 2108–2109.

документах никакой дискриминации слова βασιλεύς не происходит. Некоторое изменение концепции гех намечается у Сенеки, использующего слово в греческом философском смысле, вероятно с целью польстить монархическим склонностям молодого императора Нерона (Sen. De clem., I, 3, 3; 4, 3; II, 1, 8). После Сенеки в литературе гех часто используется как синоним к imperator, а Дион Кассий пишет, что у императоров есть все, что и у царей, кроме имени (Dio, 53, 17, 29). Впрочем, Тацит продолжает достаточно определенно настаивать на негативном смысле и четко дистанцировать гех и principes (Tac. Ann., 1, 16). Даже в IV–V вв. н. э. слово гех почти не появляется в официальных документах, хотя и встречается у историков.

Если гех отражает абсолютистские стороны власти и постоянно сохраняет двойственный смысл (понятие не было запрещенным, но римляне избегали называть правителя этим словом), то tyrannus всегда сохраняло свой чисто негативный смысл, отражало фактор узурпации и противозаконности и использовалось исключительно политическими противниками. В эпоху Империи слово использовалось в двух смыслах: Цезаря и Августа называли так за якобы незаконный характер власти и методы ее захвата, Тиберия, Нерона и Калигулу — за репрессии и жестокий и авторитарный характер правления. Глубокой пропасти здесь нет: легитимно избранный правитель, требующий особых почестей и проводящий репрессии, превышает свои полномочия точно также, как и тот, кто незаконно захватил власть. С другой стороны, значения могут вступать в противоречие: «Писатели истории Августов» именуют тиранами многочисленных узурпаторов, появившихся в период правления императора Галлиена, однако, с их же точки зрения, некоторые «тираны» (Постум, Зенобия, Оденат) заслуживают гораздо большей симпатии, чем законный, но «недостойный» император Галлиен.

Титулатура императора отражает сложную концепцию власти, сложившуюся в результате взаимодействия полисных и имперско-монархических традиций и отражавшую как вытеснение старого новым, так и появление некоей равнодействующей имперско-республиканской идеи.

3. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

В отличие от абсолютных монархий и деспотий, правовые полномочия императора были оговорены достаточно четко. Это, прежде всего, проконсульский империй и трибунская власть, равно как и другие правовые полномочия.

1. *Проконсульский империй (imperium proconsulare)*. Этот империй был основой императорского военного командования и провинциального управления. 13 января 27 г. до н. э. Август получил империй над рядом провинций (Тарраконская Испания, Лузитания, Лугдунская Галлия, Бельгика, Нарбонская Галлия, Сирия, Египет, возможно, Кипр и Далмация). Власть предоставлялась на 10 лет (5 раз — в 18, 13, 8 гг. до н. э., 3 и 13 гг. н. э. она пролонгировалась). Преемник Августа, Тиберий, сразу получил власть пожизненно, что и стало правилом. Непосредственное управление провинциями осуществляли назначаемые императором легаты проконсульского и пропреторского ранга или другие представители администрации (префекты, прокураторы). Легаты назначались из числа сенаторов, префекты и прокураторы — из всадников. Назначение было произвольным и на произвольный срок, чаще всего — 1–2 года. Остальные провинции считались сенатскими и управлялись назначаемыми сенатом проконсулами и пропреторами.

Первое время число сенатских провинций превышало число императорских (Азия, Вифиния-Понт, Македония, Иллирик, Ахайя, Кипр, Крит, Кирена, Бетика, Африка, Нумидия, Сицилия, Сардиния). В 23 г. до н. э. проконсульский империй Августа стал высшим (*maius*) по отношению к другим и перестал сниматься в пределах померия. Уже в 20-е гг. I в. до н. э. основные военные группировки (армии в Галлии, Сирии, Испании и Египте) стояли в императорских провинциях и находились под началом императора. Сенатским наместникам подчинялись войска в Македонии и Ахайе, а также в Африке (6–7 легионов из 18). К концу правления Августа ситуация изменилась: все новые завоевания (Аквитания, Норик, Реция, Паннония, Мезия, альпийские провинции, Галатия, Иудея) стали императорскими провинциями. В 22 г. до н. э. Август отдал сенату Нарбонскую Галлию, а в 11 г. до н. э. забрал себе Иллирик (Dio, 54, 34). К концу правления из 25–26 легионов только один (в провинции Африка) был сенатским, остальные стояли в императорских провинциях (8 — на Рейне, 7 — на Дунае, 4 — в Сирии, 3 — в Испании и 2 — в Египте). Ряд императорских провинций (Реция, Норик, альпийские провинции, Иудея,

Египет) управлялись внесенатской администрацией (префекты и прокураторы).

Разделение провинций было не просто результатом соглашения двух властей, оно имело и более глубинные основы. Сенатскими провинциями стали старые районы античной цивилизации, более цивилизованные, урбанизированные, населенные и экономически развитые; напротив, к числу императорских относились менее цивилизованные, урбанизированные и романизированные области Средиземноморья. Сенатские провинции были более защищены в военном отношении и, как правило, относились к старым завоеваниям Рима, а императорские — к более угрожаемым новым территориям. Испания была окончательно завоевана при Августе, теперь ее гарнизон постепенно сокращался, тогда как еще в 50-е гг. I в. там стояли огромные силы. Галлия была завоевана Цезарем, Сирия и Египет (хотя и области старых цивилизаций) были недавними приобретениями, к тому же сирийская граница была границей с Парфией. Все остальные территории были завоеваны уже самим Августом.

При последующих императорах система принципиально не изменилась. Ко времени Нерона африканский легион окончательно перешел в Нумидию, ставшую императорской провинцией. Все новые завоевания (Мавретания, Верхняя и Нижняя Германия, Верхняя и Нижняя Британия, Дакия и Аравия) стали императорскими провинциями. Контроль императоров над сенатскими провинциями продолжал усиливаться. Система разделения просуществовала до Диоклетиана, унифицировавшего провинциальное управление и ликвидировавшего сенатские провинции. Подводя итоги, можно сказать, что проконсульский империй делал императора хозяином большей части провинций, главой провинциального управления и системы промагистратов, и что, возможно, было самым главным — командующим римской армией. Наконец, как носитель империи, император имел право на преторианские когорты, так что и эта часть армии, обособленная от остальных, подчинялась ему на том же правовом основании. Положение верховного главнокомандующего, которое уже отчасти имели Сулла, Помпей и Цезарь, теперь было прочно занято Августом и его преемниками.

2. *Трибунская власть (tribunicia potestas)*. Проконсульская власть давала командование вооруженными силами и провинциальным управлением, но не давала никаких полномочий в сфере гражданского управления. Компенсировать этот вакуум должна была трибунская власть.

Август достаточно долго искал этот вариант. Согласно Диону Кассию, в 36 г. до н. э. он получил трибунскую неприкосновенность (*sacrosanctitas*)

и постоянное место на скамье трибунов, в 30 г. — *ius auxilii* (право помощи) внутри померия и в радиусе 4 миль (Dio, 51, 19), а в 23 г. — всю полноту власти (Dio, 53. 32, 5). Власть была пожизненной (с фикцией ежегодного переизбрания), а счет лет правления шел по годам трибунской власти. Таким образом, император становился главой коллегии трибунов и получал право абсолютного вето на все действия должностных лиц, равно как и на решения сената. Трибунская власть по-разному оценивается в научной литературе: ее считают основой неформальной власти принцепса (*auctoritas*) (М. Грант), заменителем консульства (Е. Сэлмон), дополнением к империи и показателем особой связи с народом (М. Хэммонд, А. Джоунз)¹¹⁵. Существует мнение о *tribunicia potestas* как о второй основе власти, а безусловным фактом является то огромное значение, которое придавал ей принцепс.

Трибунская власть действительно давала важные полномочия, не входящие в проконсульский империй. Ее носитель имел право вето против решений сената и любого магистрата или магистратской коллегии, включая трибунов, право собирать народ (*ius agendi cum populo*) и, наконец, право созыва сената и законодательной инициативы. Едва ли носителя *tribunicia potestas* можно считать главой магистратской коллегии или старшим магистратом, это скорее давал магистратский империй. Наконец, эти полномочия имели огромное идеологическое значение: принцепс становился «народным монархом» и получал большие идеологические возможности.

3. *Ius consulare* 19 или 18 г. до н. э. и консульства императоров. Среди исследователей существует мнение о наличии у Августа пожизненного консульства. Впрочем, уже Т. Моммзен считал, что речь идет не о самой власти, а о пожизненных консульских инсигниях¹¹⁶. Другие исследователи (Ж. Беранже, Д. Тимпе) считают, что Август получил некое подобие почетного консульства, право иметь 12 ликторов и сидеть между консулами во время торжественных заседаний¹¹⁷. Будучи «высшим проконсулом» и имея трибунскую власть, император (скорее косвенно, чем прямо) оказался главой консульской коллегии. *Ius consulare* делало императора

---

¹¹⁵ Salmon E. T. The Evolution of Augustus' Principate. Wiesbaden, 1956. P. 456; Hammond M. The Tribunician Day during the Early Empire // MAAR. 15. 1938. P. 80–82.

¹¹⁶ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 2. S. 876; Jones A. H. M. The imperium of Augustus... P. 11.

¹¹⁷ Beranger J. Recherches sur l'aspect ideologique du principat. Basel, 1953. P. 108; Wickert L. Princeps... Sp. 2283; Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Einzelschriften, 5. Wiesbaden, 1962. S. 75.

как бы пожизненным почетным консулом и устанавливало четкое соотношение между императорской и консульской властью.

Консульство эпохи Империи также приобретало все более и более декоративный характер. Консулы уже полностью утратили военные функции, и их полномочия ограничивались управлением Италией и ролью председателя сената (консулы могли уступать эту функцию принцепсу). Кроме того, консулы редко пребывали в должности целый год: срок должности сократился до 6, 4 и 2 месяцев. Как и при республике, консулы делились на ординарных и суффектов. Хотя консульство уже не имело реальной власти, занятие этой должности было доступно только людям с очень высоким положением. Императоры были только ординарными консулами.

Императоры бывали консулами достаточно часто. Август непрерывно занимал должность с 31 по 23 г. до н. э. (до получения высшего империя и всей полноты трибунской власти), будучи полновластным консулом еще в республиканском смысле. В 23 г. до н. э. он отказался от консульства и на протяжении своего долгого принципата (с 23 г. до н. э. до 14 г. н. э.) был консулом всего 2 раза: в 5 г. до н. э. он представлял внука, Гая Цезаря, а во 2 г. до н. э. — другого внука, Луция.

Той же практике следовал Тиберий (14–37 гг. н. э.), занимавший все три консульства своего правления вместе с потенциальным преемником: Германиком (18 г. до н. э.), Друзом (21 г.) и Сеяном (31 г.). Гай Калигула был консулом все последние годы своего правления (39, 40 и 41 гг.). Консульства Клавдия (41–54 гг.) и Нерона (54–68 гг.) были относительно редкими: Клавдий был консулом в 43, 47 и 51 гг., а Нерон — в 55, 57, 58 и 60 гг. н. э. Похоже, что какого-либо особого смысла в занятии этих консульств у них не было.

Напротив, Флавиусы фактически установили монополию на консульство. Веспасиан (70–79 гг.) был консулом почти все годы своего правления (70, 71, 72, 74, 75, 76, 77 гг.), Тит (79–81 гг.) был шестикратным консулом при Веспасиане (70, 72, 74, 75, 76, 77 гг.) и дважды — в свое собственное правление (79 и 80 гг.). Домициан (81–96 гг.) впервые стал ординарным консулом при Веспасиане (73 г.), а затем — при Тите (80 г.), после чего он был консулом 10 из 15 лет своего правления (82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 92, 95 гг.) и поставил абсолютный рекорд по числу консульств (17), опередив даже Августа (13). Нерва был консулом оба года своего правления (97 и 98 гг.).

Антонины вернулись к практике Юлиев-Клавдиев. Траян (98–117 гг.) был ординарным консулом 6 раз (два раза при Нерве и Домициане (91 и 98 гг.) и

три — во время своего правления (100, 101 и 103 гг. н. э.). Адриан (117–138 гг.) — всего трижды, причем ординарным — всего 2 раза (118 и 119 гг.). Антонин Пий (138–161 гг.) также имел только два консульства (139 и 140 гг.), а Марк Аврелий (161–180 гг.) ни разу не был консулом во время правления.

Положение начинает меняться при Коммодe (180–198 гг.). Этот император был консулом семь раз (в т. ч. пять — во время правления (181, 183, 186, 190, 192 гг.)). Интересно, что Септимий Север (193–211 гг.) был консулом лишь 2 раза (194 и 202 гг.). Впрочем, Каракалла (211–217 гг.) был консулом 4 раза (202, 205, 208, 213 гг.), а Гелиогабал (218–222 гг.) занимал должность все годы своего правления. Александр Север (222–235 гг.), как и Антонины, был консулом в 222, 226 и 229 гг. н. э. В III в. н. э. при постоянной смене императоров большую часть консульств занимали именно они. Галлиен (253–267 гг.) был консулом 7 раз (254, 255, 257, 261, 262, 264, 267 гг.), а Проб — 5 раз (все года своего правления от 277 до 282 гг.). После Диоклетиана ординарными консулами были исключительно императоры, их младшие соправители, наследники и ближайшие родственники. Прочие высшие сановники Империи были только суффлектами.

4. *Цензура и cura legum et morum*. Первая попытка отменить цензорскую власть была предпринята Суллой в 80 г. до н. э., в 70 г. до н. э. цензура была восстановлена и существовала как ординарная магистратура до 42 г. до н. э. Первая попытка создать независимую и особую цензорскую власть относится ко времени Цезаря, который взял на себя «надзор за нравами» (*cura* или *praefectura morum*). С другой стороны, будучи диктатором, Цезарь мог производить ряд цензорских действий: перепись граждан и *lectio senatus*. В 28 г. до н. э. (после 14-летнего перерыва) была произведена перепись населения, и именно в это время цензура прекращает свое существование. Новые и последние цензоры появились в 22 г. до н. э. Вероятно, именно в этой связи Август взял на себя полномочия, которые Дион Кассий именует *πρόστασία τῶν κοινῶν*, а Светоний — *cura (regimen) legum et morum*. В 8 г. до н. э. император лично руководил проведением ценза, последний ценз проводился в 14 г. н. э.

После Августа цензура перестала быть постоянной должностью. Она берется эпизодически, одним из цензоров обязательно был император, а вторым — его соправитель, наследник или доверенное лицо. Можно сказать, что при Империи цензура стала экстраординарной должностью, предназначенной для реформ «сверху».

В 47–48 гг. н. э. после долгого перерыва цензуру принял Клавдий. Его коллегой был близкий друг императора и, вероятно, самый высокопоставленный сановник Империи, консул 34, 43 и 47 гг. Луций Вителлий. Цензоры провели последний в истории Империи ценз римских граждан и *lectio senatus*, а также многие другие законы. Вероятно, важнейшим последствием цензуры было фактическое уравнивание в правах Галлии и Италии и предоставление галлам доступа к высшим должностям и в сенат. Это был первый акт интеграции провинций в систему римского гражданства.

Цензура возрождается при Флавиях. В 73–77 гг. н. э. цензорами были Веспасиан и Тит. На это время приходится важные преобразования: отмена свободы Греции (73 г.), предоставление латинского права Испании (74 г.), реорганизация ряда провинций и восстановление государства после гражданской войны. В 84 г. власть взял Домициан, сохранивший ее до 96 г. (в 86 г. Домициан стал *sensor perpetuus*). Цензура Домициана, видимо, имела целью полное подчинение сената императору. Наконец, после очень долгого перерыва, цензором стал император Деций (250–251 гг.), сделав коллегой своего близкого друга и соратника, будущего императора Валериана. Деций и Валериан мыслили цензуру как грандиозную реставрацию «старых нравов» после первой фазы кризиса III в. н. э., в том числе включавшую и гонение против христиан.

5. *Император и низшие магистратуры.* Естественно, во время правления императоры занимали только высшие должности (консульство и цензуры). Вместе с тем, особенности римского права и истории, частая смена императоров и концепция власти предполагали, что до получения императорских полномочий императоры проходили через полный или частичный *cursus honorum*.

Вариантов получения власти было несколько. Власть мог получить член семьи императора, предназначавшийся для занятия престола, однако часто императорами становились люди, вовсе не предназначавшиеся для власти. Это могли быть представители знати (Цезарь, Гальба, Отон, Вителлий, Нерва, Траян, Антонин Пий, Дидий Юлиан, а также многие императоры III в. н. э. — Бальбин, Деций, Валериан, Тацит) или выходцы из более низких слоев населения — рядовые сенаторы, всадники и даже (очень редко) — представители низших слоев жителей Империи (Веспасиан, Пертинакс, Септимий Север, Пупиен, Максимин, Требониан Галл, Волузиан, Эмилиан, Клавдий II, Аврелиан, Проб, Кар, Диоклетиан). В обоих случаях императоры проходили полный сенат-

ский *cursus honorum* от военного трибуна до консула, а во втором случае — даже от еще более низшего ранга. У некоторых из них (Цезарь, Гальба, Нерва, Гордиан I, Филипп Араб, Валериан, Тацит) карьера была очень долгой и значительной. Это было еще более характерно для второй группы: Веспасиан, Пертинакс и Север имели внушительный послужной список, Максимин вышел из простых солдат, а императоры III в. н. э. прошли через тяжелые военные кампании.

В других случаях власть получал член императорской семьи (Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Тит, Домициан, Адриан, Марк Аврелий, Луций Вер, Каракалла, Гета, Диадумен, Гелиогабал, Александр Север, Гордиан II, Гордиан III, Галлиен, Карин, Нумериан). Некоторые из них (Тиберий, Адриан) прошли достаточно длительную и успешную карьеру, другие прошли ускоренный и сокращенный вариант. В очень редких случаях им не удавалось ее завершить: 25-летний Калигула был только квестором, возможно, сокращенный вариант карьеры прошли Александр Север и Гордиан III. Только в конце II – начале III в. н. э. стали появляться молодые и даже совсем малолетние императоры: Коммод считался соправителем отца с 5-летнего (166 г. н. э.) возраста, Диадумен стал императором в 9 лет, Гелиогабал — в 14.

Итак, практически все императоры, за редкими исключениями, прошли республиканский *cursus honorum* и, несмотря на династизм политики, «принцип заслуг» всегда имел огромное значение. Положение принцепса становилось высшей магистратурой, венчающей старую карьеру сенатора и политика.

6. *Ius agendi*. Проконсул не имел права обращения к сенату, особенно — права его созывать, для трибуна это право имело известные ограничения. Субординационные отношения между носителем трибунской власти и консулом также оставались недостаточно ясными. Именно поэтому Август специально получил так называемое преимущественное право созыва (*ius agendi cum patribus*) сената, согласно которому он не только мог созывать сенат и руководить его работой, но и само это право официально признавалось высшим по отношению к любому другому магистрату.

7. *Ius commendationis*. Любой политический деятель имел право поддерживать другого на выборах. Это право имел и принцепс. Постепенно его политическая поддержка, которая сама по себе была, как правило, достаточным условием успеха, приобретает форму специальной рекомендации, когда *candidatus Caesaris* получал преимущественное право для избрания. После перенесения выборов в сенат в 14 г. н. э. *ius*

commendationis все больше и больше превращается в прямое назначение (nominatio). В особых случаях (подкуп, конфликты на выборах, нехватка кандидатов) Август лично назначал всех кандидатов на должности (например, 12 г. до н. э. — Dio, 54. 30, 2). В 7 г. н. э. Август создал прецедент прямого назначения кандидатов в условиях беспорядков и голода, хотя на следующий год старая практика была восстановлена. В течение I в. н. э. выборы магистратов все больше и больше контролировались принцепсом, а ко времени Северов почти все магистраты были прямыми назначениями императора. При Диоклетиане это правило утвердилось окончательно. Выборов как таковых уже не было.

8. *Ius edicendi*. Как магистрат, император мог использовать различного рода косвенные или прямые способы законодательства. Он мог провести закон через комиции (lex или lex rogata) или (что было значительно чаще — через сенат). Со времен Августа сенатусконсулт был приравнен к закону. Наконец, будучи магистратом, император мог издавать собственные постановления: эдикты (законодательные нормы общего порядка) и декреты (решения по конкретному вопросу). Постепенно силу закона приобретают рескрипты (ответы императора на вопросы административного и правового характера) и mandata (инструкции императора к различного рода административным инстанциям). Возникает так называемый рескриптный процесс, когда обе стороны обращались к императору для получения юридического заключения. На базе императорского законодательства возникают leges datae («данные законы»), непосредственно издаваемые принцепсом.

Можно отметить постепенную эволюцию от комициально-сенатского к прямому императорскому законодательству. При Августе большая часть законов проходила через комиции и сенат, а решения принцепса носили конкретный и вспомогательный характер. С Тиберия начинается упадок комициального законодательства, на протяжении I в. н. э. оно постепенно исчезает, а при Нерве был принят, вероятно, последний комициальный закон (закон 96 г. н. э. о разделе земель).

Напротив, сенатское законодательство переживает свой расцвет. При Тиберии практически все основные решения принимались в сенате путем сенатусконсульта. Калигула был первым императором, официально противопоставившим себя сенату, но его недолгое правление было лишь коротким эксцессом. Клавдий много работал с сенатом, но уже он попытался превратить императорский совет в альтернативный орган власти. Новый расцвет сенатского законодательства относится уже к первому

периоду правления Нерона (54–59 гг. н. э.), после чего император вернулся к деспотизму Калигулы.

Спад сенатского законодательства заметен при Флавиях (особенно при Домициане) и Траяне, когда император уже совершенно определенно становится центром законодательной, распорядительной и судебной власти. Некоторый возврат к сенатскому законодательству происходит при Адриане, Антонине Пии и Марке Аврелии. Впрочем, работа с сенатом приобретает все более формальный и политкорректный характер, а сенатусконсулт скрывает за собой реальное решение, принятое императором и его советом, существенно усилившимся при Адриане. Примечательно, что некоторые речи императора (*oratio principis*) принимаются в варианте полного текста. Резкий спад сенатского законодательства происходит при Северах, а в III в. н. э. сенатусконсулты исчезают, окончательно уступив место императорским конституциям.

Список, приведенный Р. Тальбертом, показывает динамику этого процесса. Из 142 датированных сенатусконсултов 24 приходится на правление Августа, 15 были приняты при Тиберии, 18 — при Клавдии, 12 — при Нероне, 4 — при Веспасиане, 1 — при Нерве, 4 — при Траяне, 25 — при Адриане, 3 — при Антонине Пии, 23 — при Марке Аврелии, 2 — при Пертинаксе, 1 — при Александре Севере, 1 — при Валериане¹¹⁸. В Поздней Империи после Диоклетиана и Константина четко устанавливается принцип «*quid principi placuit, legis habet vigorem*» — «что угодно принцепсу, пусть имеет силу закона». Вероятно, впервые этот принцип был сформулирован Ульпианом (*Dig.*, I. 4, 1.) и позже подтвержден «Институциями» Юстиниана (*Iust. Inst.*, I. 8, 6).

9. *Lex de imperio* (Закон о власти). Завершая тему правовых полномочий, необходимо рассмотреть так называемый *lex de imperio* или, как называет его Ульпиан, *lex regia* (царский закон). «Закон о власти Веспасиана» (*Lex de imperio Vespasiani*) или, точнее, сенатусконсулт о его полномочиях, дошел до нас в виде надписи, перечисляющей права и полномочия императора со ссылкой на его предшественников, начиная с Августа. Надпись уникальна: ее начальная часть, содержащая преамбулу и, возможно, какие-то наиболее важные права, утрачена. Перечисленные же в надписи пункты сводятся к следующему:

1. Право заключения договоров по своей воле (ссылка на Августа, Тиберия и Клавдия) (*Dess.*, 244, 1–3).

---

¹¹⁸ Talbert R. The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 436–450.

2. Право созывать сенат, делать доклад, прекращать заседание, руководить выработкой и принятием решения (ссылка на тех же императоров) (Dess., 244, 4–10).

3. Право рекомендовать кандидатов на выборные должности (устно и письменно) (ссылка на тех же императоров) (Dess., 244, 11–15).

4. Право расширять границы померия (ссылка на Клавдия) (Dess., 244 15–20).

5. Право и полномочия делать все, что он сочтет «нужным для величия и пользы государства» (ссылка на Августа, Тиберия и Клавдия) (Dess., 244, 17–20).

6. Признание права быть свободным от действия законов, от которых были свободны Август, Тиберий и Клавдий (Dess., 244, 21–29).

7. Все, сделанное Веспасианом, до принятия закона, приравнивается к воле народа (*lex*) и плебса (*plebiscitum*).

8. Наконец, утверждается приоритет действия данного закона перед другими и безопасность лиц, поступающих согласно данному закону в нарушение других (Dess., 244, 34–39).

Вокруг закона существует серьезная полемика: неясно, как он соотносился с основными полномочиями принцепса, проконсульским империем и трибунской властью, и носил ли этот закон традиционный или чрезвычайный характер?

Т. Моммзен считал закон актом предоставления трибунской власти¹¹⁹, другие исследователи (Е. Карлова, П. Виллемс, В. Гардтгаузен, А. фон Премерштейн)¹²⁰ видели в законе расширенный проконсульский империй. Имеются и другие точки зрения: по мнению Е. Герцога, указанные в надписи полномочия относятся как раз к той категории прав, которые не вошли в две основных власти принцепса¹²¹. Наконец, имеется точка зрения, согласно которой закон объединил все полномочия принцепса, кроме некоторых специальных функций типа сана великого понтифика (Г. Шиллер).

Точка зрения о проконсульском империи и трибунской власти явно неприемлема, поскольку сенатусконсульт не содержит многих важнейших элементов этих последних. В нем ничего не сказано ни о командовании армией, ни об управлении провинциями, равно как отсутствуют и чисто трибунские полномочия — право помощи и право интерцессии. Строго

¹¹⁹ *Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. I. S. 46.*

¹²⁰ *Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 494; Willems P. Le droit public romain. Louvain, 1910. P. 175; Gardthausen V. Augustus... S. 288; Premerstein A., von. Vom Werden und Wesen... S. 123.*

¹²¹ *Herzog E. Geschichte und System... Bd. 2. S. 618.*

говоря (да и то с известными оговорками) к проконсульскому императору можно отнести только пункт 1 (право заключения договора без согласования с сенатом и народом). Впрочем, и здесь есть одна тонкость: будучи полностью свободным в своих действиях во время войны, проконсул поздней республики (Сулла, Помпей, Лукулл, Цезарь) мог заключить лишь временное перемирие, которое должны были ратифицировать сенат и народ в Риме. Императоры, разумеется, уже не были связаны подобными обязательствами, и это обстоятельство подчеркивается законом, равно как и право начинать войну, которого по законам Суллы об оскорблении величия и по закону Цезаря о вымогательствах были лишены провинциальные наместники и другие носители империи. Получив это право, императоры снимали весьма важное ограничение своей деятельности в провинциальной и внешней политике.

К трибунской власти (хотя и с известными оговорками) можно отнести пункт 2 (право созыва сената), хотя гораздо более логично видеть здесь *ius relationis*, тем более что ни проконсульство, ни трибунал не давали права руководить деятельностью сената, для чего Августу и потребовались дополнительные полномочия. Два следующих пункта достаточно прозрачны: пункт 3 — это право рекомендации (*ius commendationis*), а пункт 4 косвенно связан с империем, поскольку расширять померий (городскую черту) мог только тот, кто расширил пределы Римской империи. Если ранее это обязательно решалось с участием сената и народа, то теперь вопрос передавался в ведение императора, хотя, возможно, такое право было уже у Клавдия, на которого ссылается Веспасиан. Достаточно просто обстоит дело и с пунктами 7 и 8, первый из которых связан с особыми обстоятельствами прихода к власти Веспасиана и снятием с него ответственности за все, что происходило в ходе гражданской войны (можно вспомнить аналогичное постановление по поводу Суллы — *Cic. de leg. III, 5*), а второй устанавливает приоритет этого закона над другими, еще раз подчеркивая приоритет императорской власти.

Вероятно, наиболее интересными и сложными для понимания являются пункты 5 и 6. Первый из них, можно, вероятно, связать с властью, полученной Августом в 19 или 18 гг. до н. э. и именуемой Дионом Кассием *πρόστασια τῶν κοινῶν* (Dio, 54, 10), призванной не столько заменить какие-либо полномочия, сколько заполнить все возможные вакуумы во властных функциях Августа, предусмотреть все возможные нестандартные ситуации и поставить императора над другими органами управления.

Другой пункт (пункт 6) отражает принцип освобождения принцепса от действия того или иного закона. В III в. само право дало императору

возможность быть свободным от всех законодательных ограничений (*princeps legibus solutus*), и, рассказывая об Августе, Дион Кассий переносит ситуацию собственного времени на более раннюю эпоху. Впрочем, помещенные у него данные о первых попытках Августа освободиться от ограничений, налагаемых конкретными законами, подтверждается материалом «Дигест». Итак, принцип свободы от действия законов начал развиваться уже в I в., и Веспасиан подчеркивает, что свободен от него в той же степени, что и его предшественники — Август, Тиберий и Клавдий. Система конкретных освобождений, характерная для I века н. э., перешла во всеобщее освобождение правителя от правовой ответственности, хотя это подчеркивает и другое важное обстоятельство — по крайней мере, в период принципата (I–II вв. н. э.) император в теории считался лицом, несущим ответственность за нарушение законодательства. Ни один монарх-самодержец не находился в подобном положении.

Итак, конкретный анализ документа показывает, что, во-первых, он в принципе не совпадает с проконсульским империем и трибунской властью, и во-вторых — что большая часть пунктов (2, 3, 6, отчасти 5 и 1) относится к категории дополнительных полномочий императоров, а п. 7–8 — к особенностям ситуации, с которой Веспасиан получил императорскую власть. Все это позволяет объединить мнения Е. Герцога о включении в *lex* именно дополнительных полномочий с мнением Л. Омо о ситуационной обусловленности сенатусконсульта.

Остается пожалеть об утрате начальной части надписи и предположить, что в ней могло содержаться упоминание о главных полномочиях принцепса, проконсульском империи и трибунской власти. Это косвенно подтверждается упоминаниями о *lex de imperio* других правителей. Известно, что Август получал свои полномочия постепенно, однако уже Тиберий получил их во время сенатского заседания 17 сентября 14 г. н. э., причем это «получение» во многом было подтверждением тех полномочий, которые новый принцепс получил еще при Августе. Литературные источники упоминает об аналогичном законе в отношении власти Калигулы (Dio, 60, 1), Клавдия (Tac. Ann., XII, 69), Нерона (Ibid., XII, 69), Отона (Tac. Hist., II, 47) и Вителлия (Ibid., II, 55). Есть упоминания и о данном постановлении сената (Tac. Hist. IV, 3).

10. *Великий понтифик*. В эпоху республики великий понтифик (*pontifex maximus*) был скорее наиболее высокопоставленным, нежели главным жрецом Рима и главой религиозной организации. Основы императорского понтификата были заложены в 63 г. до н. э. Юлием Цеза-

рем, когда он, тогда еще молодой лидер оппозиции, одержал победу на выборах над двумя авторитетнейшими политическими лидерами, главой сулланской партии в сенате Кв. Лутацием Катулумом и другим видным политическим и военным деятелем, Публием Сервилием. С тех пор Цезарь оставался в этой должности до своей смерти в 44 г. до н. э., и, таким образом, два высших поста, диктатура и понтификат, были соединены в одних руках. Преемником Цезаря на этом посту стал М. Эмилий Лепид, ставший чуть позже одним из членов триумvirата. Удалив Лепида от дел в 36 г. до н. э. и реально взяв руководство религиозными делами в свои руки, Август не решил сместить Лепида и стал верховным понтификом только после его смерти в 12 г. до н. э. (R. g., 7; Suet. Aug., 31), занимая должность до конца жизни (14 г. н. э.). Все последующие императоры принимали сан после прихода к власти, одновременно (или почти одновременно) с *lex de imperio*. Соединение императорской власти и понтификата создавало ситуацию, качественно отличную от ситуации эпохи республики.

Кроме обладания понтификатом, императоры входили в другие жреческие коллегии (а часто и возглавляли их): авгуров, арвальских братьев, фециалов, *sodales Titii*, равно как и особые коллегии, созданные для поддержания культов умерших и обожествленных императоров. Это делало власть гораздо более всеобъемлющей, тем более что она сочеталась с религиозным и политическим культом императора, а право, политика, идеология и искусство Рима было наполнено религиозной символикой.

Императоры сохраняли понтификат до IV в. н. э. Серьезной угрозой этому институту стало принятие Империей христианства, когда власть «языческого» жречества оказалась несовместимой с новой религией. На первых порах христианские императоры сохраняли прежний статус. Константин и Констанций II были понтификами, считая, что должность дает им основание для руководства Церковью в качестве «епископов внешних сил» и глав всех религий Империи. Юлиан, напротив, направил понтификат против христиан. Сан великого понтифика сохраняли Иовиан, Валентиниан и Валент, и только в последние десятилетия IV в. христианская концепция победила полностью. В 387 г. н. э. Грациан снял с себя эту власть, после чего императоры перестали быть великими понтификами.

Христианская теория несколько изменила идею власти, создав определенный дуализм духовного и светского руководства. Император уже не был богом и верховным жрецом, но оставался «наместником Бога на земле». Рядом с ним стояла духовная власть, которую на Западе олицетворял римский папа, все больше проявляющий тенденцию к независимости, а затем и главенству Церкви, а на востоке — патриарх Константинополь-

ский, оставшийся (не только *de iure*, но и *de facto*) вторым лицом в Византийской Империи.

11. *Pater patriae* («отец отечества»). Этот республиканский титул давался во времена республики крайне редко и, возможно, неофициально или полуофициально. По традиции, в древности его носили Марк Фурий Камилл, спасший Рим от галлов и смягчивший последствия галльского нашествия, и Кв. Фабий Максим, которого общественное мнение Рима считало спасителем государства от Ганнибала. Позже титул получил от сената Цицерон (первый четко зафиксированный правовой акт) в 63 г. после подавления заговора Катилины. Парадоксальным было то, что в 58 г. до н. э. он был отправлен в изгнание за незаконную казнь тех же самых катилинариев, а в 57 г. торжественно восстановлен в своих правах. В 45–44 гг. титул (уже совершенно официально) принял Цезарь, включивший его и в официальные документы.

Во 2 г. до н. э. титул «отца отечества» принимает Август. Неофициально и полуофициально титул использовался и ранее, но настоящее предоставление произошло только теперь. Ритуал был обставлен необычайно торжественно: речь от имени сената произнес его самый высокопоставленный представитель, бывший республиканец, а ныне близкий друг Августа М. Валерий Мессала, а само решение было принято сенатом и народом. Август регулярно упоминал титул в своих документах и специально отметил этот акт в своих «Деяниях» (R. g., 3, 5).

Вероятно, предоставление титула следует понимать в качестве апофеоза политической деятельности первого принцепса. Правивший уже более 30 лет пожилой император, понимавший, что его основные заслуги находятся в прошлом, подводил итоги своей деятельности и готовился к передаче власти. Тиберий принял титул в 31 г. н. э. после подавления заговора Сеяна, естественно, обставленного как спасение государства от величайшей опасности. Как и Август, он начал готовиться к уходу с политической арены. Калигула и Клавдий приняли титул сразу, положив начало иной традиции. Нерон принял его через несколько лет после начала принципата в момент пика своей популярности. Веспасиан взял его не ранее 71 г. н. э., после окончательного завершения гражданской войны и подавления восстаний на Рейне и в Иудее (Dess., 245), согласно Светонию, это происходит еще позже (Suet. Vesp., 12). Тит принял его сразу после смерти Веспасиана, но практически не использовал в надписях. Домициан взял титул сразу, так же поступили Нерва и Траян. Заметим, однако, что первый из них в момент прихода к власти был уже пожилым высо-

копоставленным сенатором с длинным послужным списком, а второй — известным полководцем, причем пропаганда все время подчеркивала, что выбор Траяна был продиктован не только его деловыми качествами, но и необходимостью вывести страну из кризиса. Не Нерва делал одолжение Траяну, предложив его усыновить, а напротив — Траян делал одолжение Нерве, согласившись взять на себя обязанности преемника.

Более чем характерным является заявление Адриана, сделанное в начале правления (117 г. н. э.), что он еще не заслужил это право (SHA. Hadr., 6; Xiph., 243). Титул был принят только в 127–128 гг. Антонин Пий, один из самых популярных императоров в сенатской среде, получил титул очень быстро, а Марк Аврелий взял его только после первых побед на востоке. При Северах титул стал исчезать, в III в. он еще изредка встречается у военных императоров, но после Диоклетиана исчезает полностью.

Титул «отца отечества» мог носить только император, но на его примере можно с необычайной ясностью увидеть глубокое республиканское понимание своей власти, по крайней мере, некоторыми из принцев, считавшими, что они должны заслужить это право. Зачастую принятие титула, как и у Августа, было неким апофеозом правления; некоторые императоры считали, что для его принятия нужны (хотя бы чисто формально) определенные заслуги. Титул был связан с сенатом и был как бы «сенатской оценкой» деятельности принцепса. Молодые правители или монархически настроенные императоры стремились взять его сразу, подчеркивая, что право на подобное отличие дает уже сам факт прихода к власти, однако в I–II вв. н. э. явно преобладало то отношение, которое ранее проявил Август. Естественно, что титул исчез в III в. н. э., в период роста монархических настроений и тенденций.

12. *Почетные права, титулы и привилегии.* Инсигнии императора фактически дублировали республиканские и были унаследованы от тех времен. Это были тога-претекста, особый плащ (*paludamentum*), курульное кресло и трибунская скамья, за императором следовали 12 ликторов с фасциями (после Домициана их стало 24), а на голове у него был лавровый венок (атрибут республиканского триумфатора). Хотя некоторые монархически настроенные императоры допускали немало излишеств в быту, одежде и ритуале двора (Калигула, Нерон, Домициан, Коммод, Гелиогабал), принципиальные изменения происходят только во времена Диоклетиана. Обычная «магистратская» одежда принцев заменяется роскошными одеждами и восточным церемониалом двора, а обычное римское приветствие (*salutatio*) заменяется на *adoratio* (преклонение)

и проскинесисом (целованием пола у ног или целование края одежды). Нормой жизни императора I–III вв. был образ жизни богатого римлянина, республиканский стиль личных отношений (*amicitia*) и отсутствие особой роскоши двора. Внешне император должен был походить не на монарха, а на рядового сенатора или магистрата.

Строительство императорских дворцов было в основном связано с «императорами-тиранами», хотя императоры, заслужившие добрую славу в сенате, жили в тех же дворцах, пользуясь материальными благами, созданными их менее уважаемыми коллегами. Тиберий построил в Риме огромный дворец, ставший началом Палатинского дворцового комплекса. При Калигуле его расширили до Форума, увеличилось число этажей, появились сводчатые перекрытия, колоннады и портики, использовалось дорогое застекление окон. После пожара 64 г. н. э. на его месте началось строительство временного «Проходного дворца», а затем и знаменитого «Золотого дома» Нерона, по роскоши превосходившего все прежние императорские постройки (Tac. Ann., XV; Suet. Nero, 31). В 92 г. было закончено строительство нового дворцового комплекса, дворца Домициана, выполненного по проекту архитектора Рабирия. Дворец Домициана оставался императорской резиденцией и во времена Антонинов.

Император имел личную охрану и преторианскую гвардию. Он имел право чеканить свой портрет на надписях и монетах. В 31 г. до н. э. во время Актийской войны Август потребовал присяги от Италии и провинций (R. g., 25). Присягу давали сенат, высшие должностные лица, народ, армия и провинции. 1 января 29 г. до н. э. сенат впервые принял так называемую *sacramentum in acta* (присягу на верность действиям принцепса) (Dio, 51, 20). С 1 января 24 г. до н. э. он должен был давать ее ежегодно (Dio, 53, 28). Возможно, в 29 г. присяга была подтверждением того, что Август сделал во время гражданских войн, а с 24 г. до н. э. приносилась присяга на верность его текущим деяниям. Появилась и вторая форма присяги (*sacramentum in nomen*), личная присяга на верность персоне принцепса. Впервые ее торжественно произнесли в 14 г. н. э., и с тех пор она также стала традиционной (Tac. Ann., 1, 9). Наконец, существовала еще одна присяга, «на верность словам» (*in verba*).

Помимо этих почестей, император мог принимать почетные прозвища либо в зависимости от реальных или «имиджевых» качеств, либо по случаю побед. Император мог именоваться *Pius* («благочестивый»), *Felix* («счастливый»), *optimus* («наилучший») и т. п., а со времен Клавдия начинается и принятие «географических» прозвищ — Германский, Британский, Дакийский, Сарматский, Парфянский, Персидский и т. п. Поя-

вившись в большом количестве у Домициана, Траяна и Марка Аврелия, они позже встречаются у военных императоров III в. н. э., что связано с резким ухудшением военно-политической обстановки.

4. ЭКСТРАЛЕГАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВЛАСТИ

1. *Auctoritas*. Особое значение имели не только правовые, но и экстралегальные факторы власти, которые многие исследователи склонны считать основой системы принципата.

Быть может, наиболее сложной из них является проблема *auctoritas*. Р. Гейнце отмечает, что Август получил ее по доброй воле народа, и считает *auctoritas* основой его власти. Напротив, А. фон Премерштейн, Е. Шенбауэр, В. Сестон и другие считают, что она превратилась в настоящее государственно-правовое понятие¹²². В наиболее полном варианте эту позицию можно обнаружить у М. Гранта, который считает, что если в 44–28 гг. до н. э. Октавиан правил в силу своего *imperium maius*, то начиная с 27 г. до н. э. основой власти становится *auctoritas*, которая, прежде всего, опиралась на трибунскую власть¹²³. Напротив, А. Маделен считает *auctoritas* показателем морально-политического влияния принцепса, т. е. полностью экстралегальным фактором, тесно связанным с сакральными аспектами¹²⁴.

Полный разрыв между формально-правовой и морально-политической сторонами власти вызвал протесты. Ж. Эллегуар считает *auctoritas* неким суммарным выражением политического влияния и полагает невозможным мыслить ее в отрыве от *potestas*¹²⁵. По мнению Л. Виккерта и Ж. Беранже, императорская власть была синтезом формально-правовой и морально-политической власти, *potestas* и *auctoritas*¹²⁶.

Вероятно, последнее является наиболее приемлемым вариантом. В условиях Рима отсутствие *potestas*, как правило, означало и отсутствие *auctoritas*. *Auctoritas* Августа, несомненно, складывалась из нескольких компонентов: 1) его правовое положение, т. е. превосходство в *auctoritas* в силу превосходства в *potestas*; 2) политическое могущество, основывав-

¹²² *Premierstein A., von.* Vom Werden und Wesen... S. 240; *Seston W.* Diocletian et la tetrarchie. Paris, 1946. T. 1. P. 193; *Schönbauer E.* Untersuchung... S. 65.

¹²³ *Grant M.* From imperium to Auctoritas. Cambridge, 1946. P. 102, 408, 424, 445–448.

¹²⁴ *Magdelain A.* Auctoritas principis. Paris, 1947.

¹²⁵ *Hellegouarc'h J.* La vocabulaire latin... P. 295.

¹²⁶ *Beranger J.* Recherches... P. 127; *Wickert L.* Princeps... Sp. 2289–2290; *Timpe D.* Untersuchungen... S. 13–15.

шеся на реальной силе (контроль над армией, отношения патрона-клиенты, превращение общества в «личную партию» принцепса; 3) контроль над всеми ключевыми постами в государстве; и 4) морально-политический и идеологический аспект *auctoritas*.

О трех первых факторах говорилось ранее. Морально-политический аспект *auctoritas* представлял собой целый комплекс особых заслуг и обстоятельств, показавших роль Августа как создателя *paux Romana*; это заслуги Августа в прекращении гражданских войн и внутренних смут, установление прочных внешних границ и создание гарантированной системы обороны, превращение Римской сверхдержавы в неуживимое извне и изнутри общество. Август постоянно подчеркивал, что взял себе наиболее трудные участки государственной деятельности. Первый принцепс восстановил религию, взял под контроль армию и гражданское управление, возродил Рим и Италию и всегда выводил римское общество из трудных ситуаций. Это и было моральным оправданием принципата в глазах общества, и нет оснований считать, что большая часть населения Рима, Италии, а возможно и провинций, считали по-иному.

Огромный моральный авторитет Августа имел основу в его правовом положении, однако он же создавал представление об ином типе власти. Принцепс (именно этот титул выражал эту власть наиболее определенно) был «первым гражданином» и главой государства, а единство императора и народа подчеркивалось формулой «всеобщего согласия» (*consensus universorum*).

В понятии *consensus universorum* воплощалось отличие римской монархии, образовавшейся на республиканской основе, от абсолютной монархии восточного, эллинистического и даже средневекового европейского типа. Власть правителя основывалась не на вековой легитимности и праве рождения, не на «праве завоевания», как это было в эллинизме, и даже не на «божеском праве» восточной или европейской монархии, а на свободном волеизъявлении свободного в своих решениях народа.

Auctoritas играла огромную роль в политической системе Августа, но ее едва ли можно считать основой последующей императорской власти. Это понятие отражает переходный характер августовского принципата и имеет гораздо меньшее значение для последующего времени, когда императорская власть становилась все более и более институционализированной. Некоторые правители (Веспасиан, Траян, Антонин Пий, Марк Аврелий) пытались возродить харизматический тип власти, однако теперь положение изменилось. Используя *auctoritas*, Август должен был доказать необходимость и правомочность системы принципата для всего

общества, что он и сумел сделать. Перед его преемниками этой задачи уже не стояло.

2. *Культ императора.* Императорский культ имел особое значение в организации власти. Причины этого значения были весьма разнообразны: доминирование религии как формы сознания, большая ясность религиозных представлений для масс населения и ее значение как традиционной формы организации общества, гораздо более древней и укоренившейся в сознании, нежели государственно-правовые и политические реалии. Вероятно, большая часть населения Империи (особенно провинциального) воспринимала Рим и императора исключительно или преимущественно в этой религиозной плоскости.

Культ императора, как и, наверно, любой культ правителя, имел два аспекта: обожествление личности правителя и его выдающихся деяний и обожествление статуса и власти вне зависимости от их конкретного носителя. Первое можно условно считать «культом героя», более характерным для греческого общества, второе — «культом правителя», более характерным для общества восточного. Для греческого, или, вообще, античного мира характерна большая степень обожествления человека, не связанного с властью, по крайней мере, в формальном аспекте (философы, поэты, ученые). Примером этого являются культы, культовые представления и образы, складывавшиеся вокруг Гомера, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля и многих других деятелей культуры.

Римский культ героя стал сочетанием как традиционных греко-римских, так и эллинистических и восточных традиций. Уже культ Ромула сочетал в себе культ героя-основателя и культ царя, аналогичный культ возник вокруг Сервия Туллия. Культовые элементы имелись и у республиканских властей (идущий от рексов культ, связанный с магистратами и *sacrosanctitas* трибунов). Впрочем, развитие республиканской системы V–III вв. до н. э. привело к упадку как культа героя, так и культа правителя. Со II в. до н. э. началось греческое, восточное и местное влияние. Другим фактором стал рост значения личности полководца в больших войнах III–II вв. до н. э.

Одним из первых объектов культа стал Сципион Африканский. Согласно Эннию, Ливию, Диону Кассию и Авлу Геллию (Warmington, fr. v. 1. P. 400; Liv., XXVI, 19; Gell., VI, 1), вокруг него ходили легенды, аналогичные легенде об Александре. Сципиона считали сыном Юпитера, а сам он уединялся в храме, внушая людям мысль о своем божественном происхождении.

Известные новшества в римский культ внес Сулла. Диктатор называл себя любимцем Венеры, древней римской *Venus Genetrix* (Венеры Прародительницы), богини любви и, вместе с тем, богини счастья и удачи. Сам Сулла получил прозвище Феликс (*Felix*), Счастливый, а детей звали Фавст и Фавста (уникальное явление в римской ономастике). Идея «счастья» Суллы создавала представление особого покровительства богов, а позже *felicitas* стала довольно часто появляться в императорских надписях. Элементы культа героя (в т. ч. — ассоциация с Александром) были и у Помпея.

Проблема обожествления Цезаря детально рассмотрена С. Л. Утченко. Вслед за Х. Геше он выделяет две стадии (или формы) культового почитания: обожествление (присуждение божеских почестей без включения объекта в число государственных богов) и обоготворение (официальное включение в число богов с культовым именем, местом и функционирующим культом). Обожествление было при жизни, а обоготворение произошло после смерти¹²⁷.

Создание культа Цезаря происходит как создание культа героя и культа правителя. В области героического начала можно отметить особые связи Цезаря с армией и харизматический тип поклонения, быть может, не столько религиозного, сколько морально-человеческого плана. Спонтанный культ Цезаря возник и в народе, а его неизменную популярность показывают успехи на выборах. Аппиан сообщает о движении Лже-Мария и воздвижении жертвенника (*App. V. C., III, 2*), После похорон появилась комета, которая считалась душой Цезаря, вознесшейся на небо, и теперь на статуях Цезаря стали изображать звезду (*Verg. Aen., VII, 681*). По замечанию Светония, он был причислен к богам «не только словами указа, но и убеждением толпы» (*Suet. Caes., 76*). Аппиан упоминает о жертвоприношениях во всех святилищах. Согласно Светонию, Цезарю посвящались храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, места угощения для богов и установление жреца и луперков (*Suet. Iul., 76, 2*). Плутарх пишет о посвящении храма Милосердия (*Clementia*) (*Plut. Caes., 57*). Дион Кассий сообщает о надписях на храмах и посвящении храма Юлия (*Dio, 44, 5–6*). В провинциях началось открытое поклонение правителю.

Культом Цезаря стал исходным пунктом императорского культа. В его почитании, несомненно, был мессианский аспект и, как сообщает Светоний, люди искренне верили в его сверхъестественную природу. Это было культовое почитание великого полководца и политика, сумевшего вывести Рим из кризиса.

---

¹²⁷ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 321–322.

Август выступил как глава римской религиозной организации и ее реставратор. В 36 г. до н. э. он приступил к грандиозной программе реставрации храмов, в 28 г. до н. э. ему поручается строительство новых храмов и реставрация старых (R. g. 19–21). Принцепс был великим понтификом и входил в ряд других коллегий.

Собственно культ Августа был составлен из ряда компонентов: 1) традиционные элементы местных культов; 2) особый культ, насаждаемый римскими властями; 3) различные божеские почести, оказываемые лично Августу и 4) спонтанные народные верования.

В восточных провинциях культ Августа распространялся очень быстро и зачастую принимал местные формы. Египет почитал его как сына Ра в формах, установившихся при фараонах и распространявшихся на всех последующих правителей (персидские и эфиопские цари, Птолеми). В эллинистическом мире Сирии и Малой Азии Август почитался в традициях эллинистического и доэллинистического царского культа. Здесь же началось развитие официального культа императора.

В 29 г. до н. э. жители Пергама учредили храм Августа, который был построен позже, в 27 г. до н. э., аналогичные храмы появились в Никомедии, Галатии и Анкире. Обычно Август разрешал посвящать ему храмы только совместно с богиней Ромой, олицетворявшей господство Рима (Suet. Aug., 52). Светоний сообщает, что провинциальные города объявляли день визита Августа началом Нового года, строили храмы и алтари и устраивали игры (Suet. Aug., 59).

В западных провинциях, где подобных традиций не было, римляне насаждали культ сверху. В 12 г. до н. э. Друз освятил в Лугдуне алтарь Роме и Августу, построенный 60 племенами Галлии, что означало учреждение общегалльского императорского культа. Аналогичный алтарь был сооружен в Германии в Colonia Agrippina (совр. Кельн) между 9 г. до н. э. и 4 г. н. э. Похоже, нечто сходное происходило и в Африке.

Культ в Риме и Италии носил несколько иной характер. Прямого обожествления Август не допускал, однако после закона Руфрена (январь 42 г. до н. э.) Цезарь стал государственным богом, а Август — первым в истории Рима «сыном божественного». Став членом рода Цезарей, он оказывался потомком Венеры, Энея, Марса и Ромула. Идея тесной связи принцепса с миром богов отчетливо видна в «Энеиде» Вергилия.

Создается и государственный официальный культ. Надпись, сохранившая часть праздничного календаря (Dess., 108) перечисляет государственные праздники, связанные с принципатом и дает 16 памятных дат. Личные боги Августа становятся государственными богами. С 13–12 гг.

до н. э. в ряде городов Италии (Нола, Тибур, Тускул, Патавий, Помпеи и др.) появились специальные жрецы (*seviri Augustales, magistri Augustales*), возникли и новые боги, непосредственно связанные с Августом (*Fortuna Redux, Pax Augusta, Victoria Augusta, Concordia Augusta*).

Как и в случае с Цезарем, возникает спонтанный народный культ Августа. В обществе ходило множество рассказов и предсказаний о знамениях власти Августа и предсказаний ему великого будущего, в том числе — легенда, аналогичная легенде о рождении Александра (*Suet. Aug., 94, 2*), появляется культ Козерога (знака зачатия Августа), а изображения Козерога в большом количестве чеканятся на монетах.

В научной литературе культ Августа порождает немало проблем. Возникает вопрос, являлся ли он настоящим религиозным культом или же это была определенная политическая идеология? Каково было место культа и императора в религиозной жизни Империи? Наконец, возник даже вопрос о том, в какой степени население Империи действительно видело в императоре воплощение божественного начала?

Начнем с последнего, тем более что ответ на этот вопрос дан в исследовании Е. М. Штаерман¹²⁸. Император, естественно, воспринимался большинством населения как человеческое существо, подчиненное тем же законам природы, что и остальные люди, а его власть не распространялась на биологическое бытие, связанное с природой и богами. Вместе с тем, он не был ординарным человеком: культ императора стал отражением в сознании людей новой социально-политической силы, которая теперь встала над обществом. Правитель олицетворял не только себя лично, но и всю систему, определяющую социально-политическое бытие. Не будучи богом, правитель в какой-то степени стоял дальше, чем боги, и внушал больший страх, тем более что общение с богами регламентировалось многовековой традицией и привитой с детства привычкой¹²⁹. В известной степени, Империя может напоминать тоталитарные режимы XX в., где культ идеологии, партии и особенно — вождя полностью (или практически полностью) вытеснил религию как таковую, превратившись в единственную или главную «религию» этого общества. Культ императора — единственный культ, обязательный для всего населения Империи — чем-то напоминает партийные идеологии современного периода, хотя и с одним, достаточно существенным различием. В Римской Империи были другие религии, существовал религиозный плюрализм и, наконец, в ней была открытая и активная религиозная жизнь.

¹²⁸ Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 177–178.

¹²⁹ Там же.

Культ императора не заменял собой другие религии и даже не пытался встать над ними. В огромном государстве существовало огромное множество самых разнообразных верований, от примитивных первобытных религиозных представлений до развитых религиозных систем типа олимпийской религии греков, иудаизма или египетского культа Исиды, а Империя сохранила обстановку веротерпимости, преследуя только культы, угрожавшие безопасности государства или отличавшиеся необычными, а подчас и ненормальными формами.

Императорская власть поддерживала приоритет греко-римского олимпийского Пантеона, однако она в принципе поддерживала и любое религиозное начало, равно как и любую религию вообще. Наиболее популярные восточные культы (египетские культы, культы Сирии и Малой Азии, иудаизм) входили в число «дозволенных» (*licita*), не преследовались и мелкие провинциальные культы. Империя стремилась поддержать любую религию и негативно относилась к религиозному нигилизму и атеизму. В этой ситуации культ императора был показателем политической лояльности человека к власти. Ни от кого не требовалась искренняя вера в божественную природу императора и политической власти, культ скорее заключался в соблюдении определенных обязательств организационного, политического и финансового характера. Почитание императора не было собственно формой религиозного почитания, а становилось в один ряд с соблюдением римских законов, поддержанием военной мощи Империи, уплатой налогов и выполнением приказов властей.

Культ Августа, генетически связанный с героическим и мессианским культом Цезаря, превратился в разветвленную и организованную структуру, опиравшуюся на традиционную римскую религию, а отчасти и на другие религии Империи. Впрочем, в культе Августа на первый план выходит государственное начало, а личный культ правителя превращается в культ императора как носителя власти и культ государства, символом которого является принципс.

Особенностью религиозной политики Тиберия было поддержание традиций Августа и утверждение своей власти как власти его преемника. 17 сентября 14 г. Август был обожествлен, ему предназначался храм и другие божеские почести (Tac. Ann. 1, 10; Suet, Aug., 100). От сенаторов требовалась клятва на верность распоряжениям Августа, а сам Тиберий заявил, что слова и дела Августа является для него законом, и подчеркивал свое качество нового «сына бога» (*divi filius*). При этом император не проявлял особой активности в формировании собственного культа.

В 23 г. н. э. в Малой Азии был построен храм Тиберию, Ливии и сенату, и аналогичный храм — в Дальней Испании в 25 г. н. э. (Тас. Ann. III, 34–38).

Значительные перемены в религиозной политике связаны с Калигулой, при котором происходит экзальтация императорского культа. Уже с самого начала формы поклонения Августу стали казаться весьма скромными по сравнению с новым культом. Сложившаяся монархо-теократическая концепция власти включала в себя восточные идеи о подданных как рабах императора и императоре как одушевленном законе. Согласно Светонию, Калигула считал себя выше всех принцевов и царей, приказывал заменять головы изображений богов своими собственными изображениями (Suet. Calig., 22) и появлялся в одеянии богов и с их атрибутами.

В 40 г. н. э. император переходит к собственному обоготворению. В Риме открывается храм Юпитера с изображением императора, вскоре появился храм самого Калигулы, построенный с невероятной роскошью (Paus., IX, 7, 3; Plin. NH., XXX, 18; Jos. Ant., XIX, 7–10; Suet. Calig., 22). Принцепс лично возгласил собственный культ, а в число жрецов вошли ближайшие родственники и представители окружения: жена, Милония Цезония, дядя Клавдий и высшие сановники (Sen. Aprocol., 15, 2; Suet. Claud., 9). У императора было культовое имя, вероятно, звучащее как *Caesar deus noster* (Sen. Dial., IX, 19, 4), и *Iuppiter Latiaris* (Suet., Calig., 32).

Впрочем, хотя императоры III–IV вв. н. э., создавшие новую концепцию культа, заимствовали определенные действия Калигулы, последнего едва ли можно считать создателем какого-либо принципа. В отличие от Августа, этот император не строил новую систему, а разрушал старую. В основе его культа лежала деструктивная идея сверхчеловека и личная вседозволенность. Этот конфликт с обществом закончился убийством императора.

Клавдий восстановил августовский стиль культа, а действия Нерона, сходные с политикой и стилем поведения Калигулы, похоже, не сопровождались какими-либо значительными преобразованиями в области культа.

Аналогичное, достаточно формальное отношение характерно для Веспасиана. Некоторая экзальтация культа происходит при его сыновьях: Веспасиан (впервые после Клавдия) был обожествлен, и ему построили храм, а Тит и Домициан именовались *divi filii*. Новая попытка выйти за пределы традиционного культа была предпринята Домицианом. В отличие от политики Калигулы, религиозная политика Домициана была традиционной и консервативной и ориентировалась на римскую религию. Особенностью домициановской политики стало усиление репрессивного характера (процессы против весталок, процессы об оскорблении величия, преследование религиозного и политического инакомыслия) и экзальта-

ция личного культа Домициана, впрочем, вписывавшегося в достаточно традиционные формы. Наконец, можно отметить полуофициальное обозначение Домициана как «господина и бога» (Suet. Dom., 13; Xiph., 223; Aug. Vict. Caes., 14, 2) и беспрецедентное количество статуй императора, в т. ч. золотых и серебряных. В Риме появился храм рода Флавиев (*templum gentis Flaviae*) и жрецы, *sodales Flaviales* (Suet. Dom., 4, 4).

Императоры из династии Антонинов вернулись к традиционному культу. Впрочем, Траян часто фигурирует как *dis simillimus* («подобный богам»), а когда он пришел к власти, Плиний Младший и другие идеологи Империи объявили это волей Юпитера (Plin. Pan., 6–8). Уже при жизни он именуется *optimus maximus princeps* (Dess., 304), причем не только в речи Плиния, но и в надписях (Dess., 292–294; 296–304). Ассоциация с Юпитером уже налицо, кроме того, в культе Траяна, выдающегося полководца и политического деятеля, были элементы харизматического культа, характерного для Цезаря. Аналогичные ассоциации появились в культе Адриана, который уже в более эллинизированном стиле ассоциировался с Зевсом. Оба императора были обожествлены, а в культах Антонина Пия и Марка Аврелия происходит известное возвращение к традиции,

В конце II–III вв. н. э. императорский культ все больше выступает в виде догматической, сплывающей всех идеологии, отступление от которой означало не только преступление, но и святотатство (Upr., 48. 4, 1). Е. М. Штаерман отмечает ряд изменений в культе в III в. н. э.: попытку усилить абсолютный и неограниченный характер власти и разработку теологии императорского культа, ранее бывшего скорее политической идеологией. Культ императора оказывается теперь связан с высшими олимпийскими богами и культом Солнца, восточными культурами и идеями вечности (*aeternitas*) и века¹³⁰.

Култ Коммода был тесно связан с культом Геркулеса. Последний сочетал в себе культ военного бога и покровителя простых жителей Империи, борца с угнетателями и тиранами, помощника трудового человека, хранителя дома, имени и фамилии, заслужившего бессмертие своими трудами и подвигами¹³¹.

В культе Северов наряду с сохранением связей с Юпитером усиливается роль солярных и восточных культов, африканской *Dea Caelestis*, малоазийской Кибелы и эмесского Баала, тесно связанного с сирийской ветвью династии. Вероятно, при Гелиогабале делается первая в истории Рима попытка создать монотеистическую религию, когда император

¹³⁰ Там же. С. 285–292.

¹³¹ Там же. С. 287.

решил соединить главные культы Империи под эгидой Эмесского Баала, жрецом которого был сам правитель. Сам Баал идентифицировался с Юпитером, его супругой стала Dea Caelestis, а в храме Баала находились символы ряда популярных в Империи культов — Весты, Марса, Кибелы и др.¹³². Александр Север вернулся к более традиционной антониновской политике и культукам, вместе с тем пытаясь создать синкретический пантеон, в котором в качестве Ларов императора были Александр Македонский, Аполлоний Тианский, Цицерон, а также Христос и Моисей.

Время Гордиана III, Деция и Валериана отмечено усилением кризиса и возвращением традиционных культов, что сказалось и в преследовании христиан¹³³. Новую попытку создания единого Пантеона предпринял Галлиен, стремившийся укрепить Империю и культ императора, связав его со всеми популярными в Империи культуками. Особую роль в символике Галлиена играет главный бог, Юпитер Всеблагий Величайший, особенно популярный в армии. Другим важным культовым символом правления был культ Солнца, а покровителями императора выступали Аполлон, Диана, Марс, Геракл, Нептун, Серапис, Либер, Юнона, Минерва, Веста, Церера и даже почти забытые Вулкан, Сегеция и Янус¹³⁴. Галлиен прекратил гонения на христиан, окончательно сделав христианство дозволенной религией. Отражением этого духовного плюрализма стала философия Плотина, игравшая при Галлиене роль, примерно сходную с ролью стоицизма при Антонинах.

Галлиен пытался выйти из кризиса путем сохранения религиозного мира Империи и объединения всех наиболее значительных культов вокруг императорской власти. Дальнейшие события отмечены несколько иным путем развития, признанием одной из религий в качестве господствующей. Аврелиан попытался сделать это на основе культа Солнца. Создается коллегия понтификов Солнца, считавшихся лицами более высокого ранга даже по сравнению с обычными понтификами, во главе с императором. Sol Invictus («Непобедимое Солнце») стал богом-покровителем Аврелиана, а храм Солнца появился на Марсовом поле. Солярный культ был тесно связан с императорским, а император, часто именуемый богом (deus), был как бы равен Солнцу и стал его представителем среди людей. Определенную роль в выборе солярного культа сыграли как общие соображения, так и личные пристрастия Аврелиана. Культ был очень популярен в армии, с

---

¹³² Там же.

¹³³ Там же. С. 287.

¹³⁴ Там же. С. 288–289.

которой была связана вся жизнь императора, а мать императора была жрицей солярного культа.

Иной вариант теократии был представлен Диоклетианом (283–305 гг. н. э.), объединившим все культы Империи под эгидой самого императора, а Диоклетиан и его соправитель Максимиан воплощали собой двух главных (по крайней мере, для римлян) богов традиционного Пантеона — Юпитера и Геркулеса. Победу одержала другая религия, христианство, а император, в соответствии с христианской доктриной, становился пантократором, главой небесного миропорядка и предводителем христианского народа¹³⁵.

Именно к этому варианту пришел новый создатель системы домината, император Константин, ранее бывший поклонником солнечного культа. Христианская идеология не позволяла считать императора Богом, однако он являлся заместителем Бога на земле, ответственным только перед ним. «Глава своих подданных, священный правитель, наделенный неограниченной земной властью как человек, он же раб божий, как и остальные смертные; он должен осознавать ничтожество своей земной власти, как и свою личную ответственность перед богом за власть, вверенную ему людьми»¹³⁶.

Императорский культ, также как и императорская власть, проредил сложную эволюцию от культа героя и правителя во времена Цезаря и Августа через кризис при Юлиях-Клавдиях, к культу власти, скорее являющемуся выражением политической системы и связанному с традиционной религией при Флавиях и Антонинах, а затем — к единой монотеистической религии, объединяющей, а затем и подчиняющей себе все.

---

¹³⁵ Там же. С. 290–291.

¹³⁶ Курбатов Г. Л. История Византии. С. 47.

ТЕМА 4 ОСОБЕННОСТИ РИМСКОЙ МОНАРХИИ

1. ДИНАСТИЗМ И ВЫБОРНОСТЬ ВЛАСТИ

Власть императора была выборной и первоначально передавалась постепенно, причем во многом сложность была определена ее выборным характером. Юлий Цезарь получил власть от народа в полном смысле этого слова. Именно через народные выборы, вопреки воле сулланского и помпеянского сената, он прошел путь от квестора до консула. Народ выбрал его консулом 59 г. до н. э. и дал ему галльское наместничество (*lex Vatinia* 59 г.; *lex Licinia Pompeia* 55 г.), а затем и консульство 48 г. Диктатуру 46–44 гг. он получил по решению сената, возможно, подтвержденному комициями. В 43 г. до н. э. народ впервые избрал Октавиана консулом, а 27 ноября 43 г. комиции приняли закон Тиция об установлении триумвирата. Далее полномочия Августа принимались через сенат и комиции. Народ выбрал Августа консулом и, возможно, в верховные понтифики. От сената он получал свои дополнительные полномочия (*ius relationis, ius commendationis*), а титул *pater patriae* дали Августу сенат и народ.

В 14 г. н. э. реформа комиций исключила народное собрание из выборов. Начиная с Тиберия, народ приносил присягу на верность императору. Источники упоминают это в отношении Юлиев-Клавдиев. В ситуации Калигулы Светоний упоминает о давлении ворвавшегося в курию народа (*Suet. Calig.*, 14), сильный энтузиазм был связан и с приходом к власти Нерона. В 41 г. н. э. вместе с преторианцами народные массы оказали давление на сенат, колебавшийся в решении вопроса о принцепате и обсуждавший восстановление республики (*Suet. Claud.*, 10; *Xiph.*, 173). Впрочем, народ выступал здесь скорее в качестве «группы давления», чем в качестве правомочной юридической инстанции.

Гражданская война 69 г. н. э., когда три императора находились у власти, не находясь в Риме, также исключала роль римского народа. Только в случае с Оттоном толпы народа снова выступили как «группа давления». Тем не менее, это был следующий шаг в отстранении народного собрания от власти. Формально они еще сохранялись: в актах Арвальских братьев упоминается о трибутных комициях Домициана. При Нерве зафиксирован, видимо, последний случай участия комиций в законодательстве (96 г. н. э.), после чего уже ни комиции, ни плебс не участвовали в процессе выбора императора. Известным рецидивом участия народа были события 238 г. н. э., когда под давлением народа и преторианцев императором стал Гордиан III.

Значение сената было гораздо большим. Все императоры от Тиберия до Кара утверждались сенатом, а непрошедшие эту процедуру считались узурпаторами. Через решение сената проходили и бывшие родными сыновьями императора Тит, Коммод и Галлиен, и вышедшие из простых солдат и низов общества Максимин, Филипп Араб и Аврелиан. Будучи обязательной инстанцией, утверждавшей императора, сенат, как правило, делал это, когда вопрос был уже фактически решен. В довольно редких случаях сенат выдвигал своих кандидатов, которые действительно проводили про-сенатскую политику.

«Сенатскими императорами» можно считать Гальбу, Нерву, Пертинакса, Пупиена, Бальбина и Тацита. Все эти императоры были популярными людьми, имевшими за спиной длительную, как правило, сенатскую карьеру. Почти все они имели сходную судьбу: будучи избраны в условиях гражданской войны или назревающего кризиса, они правили недолго и становились жертвами преторианских путчей и военных мятежей (этой участи избежал только Нерва). Особенно интересен пример двух императоров, Пупиена и Бальбина, ставший неким синтезом императорской и консульской власти. Вероятно, именно в правлении этих принцев республиканское начало принципата проявилось в наиболее отчетливой форме.

К категории «сенатских императоров», хотя и пришедших к власти иным способом, можно отнести Антонина Пия и Марка Аврелия, составивших против Максимиана Гордианов, а также Александра Севера и Деция. Таким образом, сенат играл достаточно значительную роль в выдвижении императоров: он был обязательной утверждающей инстанцией для любого правителя и, вместе с тем, сильной «группой влияния», реально добивавшейся утверждения своих ставленников.

Двумя другими силами были правящие императоры и вооруженные силы, армия и преторианская гвардия. Для прихода к власти не требовалось согласия предшественника. Как показывает пример Веспасиана или Септимия Севера, даже император, свергнувший своего предшественника силой, мог ощущать себя вполне легитимным правителем в случае, если его признавали армия и сенат. Вместе с тем, предшествующий император мог фактически обеспечить преемнику власть еще при жизни. Более того, даже совершенно неформальное указание предшественника или факт отдаленного родства, не говоря уже о близком родстве или формальном усыновлении, могли сыграть решающую роль в притязаниях или борьбе за власть.

Многие императоры пришли к власти как наследники своих предшественников, по их инициативе или даже прямой рекомендации. Так обстояло дело с большинством императоров I–II вв. н. э. и многими императорами III в. н. э. (Август, Тиберий, Калигула, Нерон, Тит, Домициан, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Луций Вер, Коммод, Каракала, Гета, Гордиан II, Галлиен, Нумериан, Карин). Сила династического принципа в I–II вв. н. э. была очень велика, и у нас нет ни одного случая, когда сын императора не занял бы престол. Принцип приоритета сына императора как законного наследника очень жестко выразил Веспасиан, заявив, что ему будут наследовать либо сыновья, либо никто (*aut filios... aut neminem* — Suet. *Vesp.*, 26). Династический принцип действовал и в III в.: в 217 г. н. э. Максимин сделал соправителем еще очень молодого сына Диадумениана; в 247 г. Филипп Араб — 10-летнего сына; Деций сделал Цезарями двоих сыновей, Мессия и Гостилиана; в 252 г. Требониан Галл сделал сына соправителем. Во всех этих случаях бурные события III века не позволили им пережить своих отцов. Для III в. н. э. существует несколько случаев, когда дети (обычно — сенатских императоров) не рассматривались в качестве претендентов.

Таким образом, принцип любой монархии, что сын является первым и естественным наследником своего отца, был вполне характерен для Римской Империи. Этот принцип подкреплялся нормами частного права, согласно которым дети (прежде всего — сыновья, т. к. дочери с выходом замуж переходили в другой род) были первыми и главными наследниками отца, имея приоритет и по отношению к супругам, и по отношению к другим родственникам. Сила династизма заметна и в двух других факторах — институте усыновления, речь о котором пойдет позже, и фиктивных родословных. Так, Септимий Север объявил себя внебрачным сыном Марка Аврелия, а Созмида, племянница жены Севера Юлии Домны, сочтя недостаточным свое весьма близкое родство с Северами, объявила своего сына, Гелиогабала, внебрачным сыном Каракаллы. Сходные слухи исходили от Юлии Маммеи, матери Александра Севера.

В некоторых случаях императоры специально оговаривали, что причиной назначения других преемников является отсутствие сыновей и внуков (Август, Тиберий, Гальба, Адриан). Династизм был достаточно силен во всех слоях общества, а войска, народ и сенат зачастую присягали не только на преданность императору, но и на преданность правящему дому. Многие императоры были обязаны своим приходом к власти чисто династическому фактору (Калигула, Нерон, Тит, Домициан, Коммод, Гелиогабал, Александр Север, Гордиан III).

Вместе с тем, римский династизм несколько отличается от традиционного династизма европейских монархий Средневековья, где существовала жесткая иерархия родственников правящего дома. Римская система с ее отсутствием принципа майората давала различным родственникам примерно равные шансы. Это увеличивало число претендентов, но, вместе с тем, монархия становилась более стабильной и более устойчивой.

Август был внучатым племянником Цезаря, а сам по очереди сделал наследниками племянника и зятя Марцелла, близкого друга Агриппу, также ставшего его зятем, внуков Гая и Луция и, наконец, пасынка Тиберия. Наследниками Тиберия были усыновленный им племянник Германик и родной сын Друз, после чего планировалось усыновление Сеяна — человека, не связанного с Тиберием родственными отношениями. Наконец, преемником стал внучатым племянник Тиберия, сын Германика Гай Калигула. Клавдий был родным дядей Калигулы, Нерон — пасынком Клавдия.

Еще более сложным было родство между императорами из династии Антонинов. Адриан был *consobrinus* (вероятно, двоюродным племянником) Траяна, а Марк Аврелий — сыном брата жены Антонина Пия (дальнее родство было усилено благодаря браку Марка Аврелия с дочерью Антонина Фаустиной). Что касается поздних Северов, то Гелиогабал был внуком Юлии Месы, сестры Юлии Домны, жены Септимия Севера, а Александр Север, двоюродный брат Гелиогабала, имел то же родство.

Примечательно, что императоры, не принадлежащие к династии, пытались найти родство или хотя бы дружеские связи с ранее правящими императорами: Гальба был дальним родственником жены Августа Ливии, Отон вырос в ее доме, отец Вителлия был близким другом Тиберия и Клавдия. Тит воспитывался при дворе вместе с сыном Клавдия Британником, Нерва был дальним родственником Юлиев-Клавдиев по матери, а его дед дружил с Тиберием. Такого рода факты, конечно, не были достаточным основанием для занятия престола, но известное значение для престижа, как «причастности» к власти, они имели.

Аналогичное изобретение родословных характерно для III–IV вв. н. э. Северы, придумав родство с Марком Аврелием, считали себя продолжением династии Антонинов, Гордианы считали себя родственниками и потомками Траяна, узурпатор Домициан (вероятно, по созвучию имен) считал себя потомком императора I в. н. э. Клавдий Готский намекал на родство с императором Клавдием, а Тацит подчеркивал свое происхождение от историка Тацита (вероятно, вымышленное).

Римские правители использовали и такой способ поддержания власти, как династические браки, причем достаточно стандартным для любого монархического режима способом. Август выдавал свою дочь Юлию за всех возможных преемников, Марцелла, Агриппу и Тиберия, а брак с Фаустиной связал Марка Аврелия с его предшественником Антонином Пием. Императоры входили в правящую семью благодаря бракам своих родственников. Тиберий был сыном Ливии от предыдущего брака, Нерон стал преемником благодаря браку матери с Клавдием, Гелиогабал и Александр Север были потомками династии по женской линии.

Механизмом урегулирования сложных династических отношений было усыновление. Римское право разделяло два типа усыновления: *adoptio* (усыновление несовершеннолетнего или подвластного лица) и *adrogatio* (усыновление лица *sui iuris*). Усыновленное лицо входило в семью на правах сына или дочери (если речь шла о женщине или девочке) и лишь тонкие знатоки права проводили разграничение между родными и усыновленными детьми. В эпоху республики усыновление было способом поддержания существования аристократических семей.

Многие императоры I–II вв. н. э. были усыновлены своими предшественниками (Август, Тиберий, Калигула, Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Луций Вер, Александр Север), в III в. н. э. этот принцип отошел на второй план перед чистым династизмом или «правом сильного», однако он играет огромную роль при Диоклетиане и тетрархии. После победы Константина, в Империи снова победил династизм.

Родство между усыновленным и усыновителем могло быть близким или дальним, однако его могло не быть вообще. Последнее впервые было сделано Гальбой, усыновившим аристократа Пизона Лициниана. В своей речи Гальба обосновал идею выбора наиболее достойного человека, т. е. «принцип компетентности» (Тас. *Ann.*, 1, 18). Несколькими нарушив обычный порядок, Гальба заявил об усыновлении преемника на солдатской сходке «по примеру божественного Августа и солдатскому обычаю». Сославшись на Августа, Гальба заявил, что ищет преемника не в рамках собственной семьи, но в пределах «всего государства», намекая тем самым на банкротство династического принципа при Калигуле и Нероне. Гальба и Пизон вскоре погибли, однако провозглашенная им доктрина имела большое будущее. В 97 г. н. э. этот же принцип провозгласил Нерва, усыновляя Траяна.

Идея «выбора лучшего» утвердилась в антониновской династии. Траян и Адриан были родственниками, а «выбор лучшего» оказался на деле скрытым династизмом. Между Адрианом и Антонином Пием род-

ства не прослеживается, хотя Адриан пробовал и династические варианты (Педаний Фуск; возможно, Луций Вер). В приходе к власти Марка Аврелия и Луция Вера столкнулись династизм и принцип «выбора лучшего». Выбрав Антонина Пия, Адриан обусловил это тем, что последний усыновит своего родственника М. Аннея Вера и сына Л. Элия Вера, Элия Вера-младшего. В 161 г. н. э. Антонин Пий пересмотрел схему, усыновив только Марка Аврелия, теперь уже женатого на его дочери Фаустине. Марк Аврелий несколько исправил нарушение, усыновив Вера и сделав его соправителем. Принцип «выбора лучшего», во многом основанный на том, что у многих принцепсов не было родных сыновей, существовал в период между Домицианом и Марком Аврелием. Впрочем, он сразу же отступил перед династизмом, когда к власти пришел имевший сына Марк Аврелий. Показательно, что принцип нарушил император, глубоко приверженный идее «республиканского принцепата».

Во время кризиса III в. н. э., в условиях непрерывной гражданской войны и узурпации, принцип «выбора лучшего» по усыновлению уступил место «естественному отбору», проводимому армией. Валериан во многом обосновывал свое право на власть дружбой с Децием, даже несмотря на то, что тот назначил преемниками сыновей, погибших вместе с ним в сражении. Клавдий Готский, Аврелиан, Проб и Кар были генералами, отличившимися в войнах Галлиена и кампаниях 60–70-х гг. III в. Ни один из них не был усыновлен предшественником — их выбрала армия и ее командование. Ситуация выдвижения Аврелиана у ора императора Клавдия возможна, но мало достоверна, т. к. Клавдий хотел сделать преемником брата, Квинтилла.

Последним примером «выбора лучшего» была тетрархия Диоклетиана. Все трое его соправителей — Максимиан, Галерий и Констанций — изначально не состояли с ним в родстве. Старшие Августы считались братьями, младшие были ими усыновлены и стали зятьями, Галерий — Диоклетиана, а Констанций — Максимиана. По замыслу Диоклетиана, система обеспечивала не только «выбор лучшего», но и отставку старших императоров. После ухода Диоклетиана и Максимиана, их место заняли Галерий и Констанций, а место последних — усыновленные ими Максимин Даза (племянник Галерия) и Север. Показательно, что первыми против системы тетрархии выступили родные сыновья Констанция и Максимиана, Константин и Максенций. В ходе войн 305–323 гг. победила династическая система Константина.

Система «выбора лучшего», представлявшая компромисс между республиканскими и монархическими принципами и часто выводившая

общество из кризиса, имела существенные минусы. Во-первых, династический принцип, как правило, брал верх, причем не только из-за «голоса крови» императоров, но и по причине приверженности к нему армии, широких слоев населения и даже сената; во-вторых, система зачастую становилась скрытой формой династизма; и, наконец, «доктрина Гальбы» создавала дополнительные опасности не только со стороны родственников, но и со стороны высших сановников и военачальников Империи. Принципы чередовались. В I в. н. э. система Августа уступила место династизму, который, впрочем, дал таких принцев как Калигула, Нерон и Домициан, и полностью дискредитировал себя в глазах общества. «Доктрина Гальбы» оказалась вполне приемлемой для общества, и после гибели Домициана она утверждается как принцип антониновской династии. В III в. н. э. принцип «выбора лучшего» отступил перед династизмом Северов, а затем — перед военной анархией III в. н. э., когда он трансформировался в выбор армии. После кризиса система возродилась при Диоклетиане, однако после Константина Империя вернулась к династической системе.

Учитывая особенности римского династизма, императоры старались обеспечить власть своим преемникам. Например, в случае с Калигулой — достаточным оказалось завещание Тиберия, а в случае с Гелиогабалом — принадлежность к правящему дому. Впрочем, чаще император старался обеспечить наследнику статус младшего соправителя или хотя бы высокопоставленного лица. Тиберий был усыновлен Августом (4 г. н. э.), получил трибунскую власть, в 4–11 гг. был главнокомандующим армией в Германии и Паннонии, а в 13 г. н. э. получил проконсульский империй.

К моменту начала принципата Нерон был усыновлен Клавдием (51 г. н. э.) и получил право занятия консульства в 20 лет, проконсульский империй и титул *princeps iuventutis* (51 г. н. э.), а в 53 г. женился на Октавии. Особенно заботился о преемнике Веспасиан. В 71 г. Тит получил трибунскую власть, а затем был коллегой отца почти по всем консульствам (72, 74, 75, 76, 77 и 79 гг. н. э.) и цензуре (73–77 гг. н. э.), кроме того, он был префектом претория и главой дворцовых канцелярий. В 79 г., после смерти Веспасиана, его принципат плавно перешел в правление сына. В 80 г. Домициан стал консулом вместе с братом и был объявлен Титом официальным наследником (Suet. Tit., 9).

Траян получил проконсульский империй и трибунскую власть сразу после усыновления (27 октября 97 г. н. э.), еще при жизни Нервы. Антонин Пий получил эти полномочия одновременно с усыновлением (SHA. Pius,

4, 7). Со 176 г. н. э. Коммод считался младшим соправителем отца и имел империй и трибунскую власть.

Система соправительства продолжает развиваться при Северах. Каракала был формальным соправителем отца со 198 г. н. э., в 209 г. Августом, т. е. полноправным соправителем, стал второй сын, Септимий Гета. Именно в это время начинается четкое разграничение титулов Цезарь и Август, когда первый стал обозначать наследника и младшего соправителя, а второй — правящего императора.

Макрин сделал Цезарем своего 9-летнего сына, Диадумена. Восставший против Максимиана Гордиан сразу объявил соправителем сына, Гордиана (II). Филипп Араб сделал Цезарем шести- или семилетнего сына. Деций назначил Цезарями двух сыновей — Мессия и Гостилиана. Требониан Галл сразу объявил Августом сына. Валериан, придя к власти, объявил соправителем своего сына Галлиена. В 253 г. Галлиен стал Цезарем, в 256 г. — Августом. Императоры разделили власть, Галлиен управлял западной частью Империи, а Валериан — восточной. С 260 г. н. э. Галлиен стал единственным правителем Империи и сделал Цезарями двух сыновей, Валериана-младшего и Салонина, позже погибших вместе с ним. Кар сделал Цезарями сыновей Карина и Нумериана.

После Диоклетиана система Августов и Цезарей стала фактически постоянной. При Диоклетиане устанавливается система двух Августов и двух Цезарей. Константин создал эту систему из собственных сыновей и племянников, сам он сохранял титул Августа, а остальные имели титул Цезаря. После смерти Константина (337 г. н. э.) все три сына — Константин II, Констанций II и Констант — стали Августами. После Валентиниана I устанавливается система двух постоянных Августов, на Западе и на Востоке. Власть передается только по династическому принципу, и преемник в ранге Цезаря назначается при жизни предшественника. Только два императора, Иовиан и Валентиниан I, были избраны советом высших сановников Империи. К этому принципу вернулись в Западной Империи после смерти Валентиниана III (455 г. н. э.), последнего представителя династии Феодосия на Западе.

2. ВОЕННАЯ МОНАРХИЯ

В приходе императоров к власти играла роль еще одна сила — армия. Трудно определить, когда она превратилась в юридическую инстанцию. В период гражданских войн армия стала решающей силой в борьбе за власть. В 88 г. до н. э. армия Суллы совершила военный переворот, а

в 49 г. до н. э. армия Цезаря поддержала своего командующего в гражданской войне. Инициатива и действия армии имели особое значение во время гражданских войн 44–31 гг. до н. э. После сражений при Мутине войска, собранные Октавианом, отказались от совместных действий с Децимом Брутом и поддержали своего командующего, а солдаты Лепида и Планка заставили командующих присоединиться к Антонию. В 40 г. до н. э. войска Октавиана добились от него помилования сдавшихся в Перузии солдат Луция Антония (App. В. С., V, 33–34; 36–48), а в октябре 40 г. солдаты обеих армий заставили триумвиров заключить Брундизийский мир. В 35 г. армии Лепида и Октавиана снова отказались сражаться между собой, после чего войска Лепида перешли на сторону Октавиана. В 31 г. до н. э. Октавиану сдались легионы Антония при Акции, в 30 г. до н. э. — легионы Антония в Египте.

Армия, созданная Цезарем, поддержала его наследников. Легионы Антония и Октавиана сражались при Мутине, Филиппах и Перузии, и хотя армии Брута, Кассия и Децима Брута комплектовались за счет бывших солдат Цезаря, для них было характерно массовое дезертирство. Римская армия стала главной силой, которая привела к установлению Империи.

Август отошел от модели «военного руководства» и сделал много для исключения армии из политики. «Римский мир» требовал гражданского стиля правления, а гражданские войны создали в обществе страх перед армией и военной диктатурой, сделав главным требованием к принцепсу не только оборону границ, но и ограждение населения от собственных войск.

Эти цели во многом были достигнуты. Массовые сокращения армии, изменение системы обороны, отвод войск на границы и ужесточение дисциплины, равно как и отделение армии от гражданского общества, превратили ее из властной структуры в механизм внешней политики. Известной реакцией на политику Августа, усиленную военным кризисом 5–11 гг. н. э., стало восстание легионов в Германии и Паннонии, подавленное Тиберием, Друзом и Германиком. Несмотря на появление политических требований, в основе выступления войск были требования профессионального и бытового характера.

В эпоху Юлиев-Клавдиев на передний план выдвигается та часть армии, которая находилась в Риме, несла непосредственные функции по охране города и императорского двора, а потому стала играть особую роль в политике. Это была преторианская гвардия, ставшая мощной «группой влияния». Переходной эпохой стало время Тиберия, когда гвардия была переведена в Рим, а префекты претория, Сеян и Макрон, стали влиятель-

нейшими сановниками Империи. Сеян стал консулом 31 г. н. э. и имел шансы стать императором, а Макрон оказался «делателем королей» — и в 37 г. н. э. провел через сенат закон о наделении властью Калигулы (Dio, 59, 1). В январе 41 г. н. э., когда сенат всерьез обсуждал вопрос о восстановлении республики и отстранении династии, преторианцы провозгласили императором Клавдия, заставив сделать это и сенат (Suet. Claud., 10; Xiph., 173). В 54 г. н. э. в сложной ситуации гвардия присягнула Нерону. В 68 г. сенат принял решение о смещении Нерона только после выступления преторианцев.

Пик значения гвардии приходится на гражданскую войну 68–69 гг. н. э. В январе 69 г. н. э. преторианцы устроили переворот, в результате которого был убит Гальба, и поставили императором Отона, ставшего в полной мере «преторианским императором». В битве при Бедриаке преторианцы составили ядро его армии. Вителлий изменил состав преторианцев и увеличил их численность до 16 когорт за счет элитных частей своей германской армии. Именно они были наиболее надежной частью его сторонников и даже помешали Вителлию снять власть, устроив нападение на Флавия Сабина (Tac. Hist., III, 64–89; Xiph., 199–203; Suet. Vit., 15).

Веспасиан впервые попытался поставить гвардию под контроль: он распустил преторианцев Вителлия и набрал новую гвардию из прежнего состава и собственных элитных войск (Tac. Ann., IV, 46), а префектом претория был сын и фактический соправитель Веспасиана Тит. Усиление гвардии приходится на время Домициана, тогда же она впервые приняла участие в военных кампаниях (83 г. — война с хаттами, 85–87 гг. — дакийская кампания).

В 96 г. н. э. префекты претория Норбан и Петроний Секунд участвовали в заговоре против Домициана и способствовали приходу к власти Нервы. Впрочем, в 97 г. основные силы преторианцев выступили против Нервы. Правительство было на грани свержения, и только усыновление Траяна и жесткие меры против мятежников (Xiph., 229) предотвратили возможную гражданскую войну. После Траяна гвардия оказывается под контролем и не участвует в политике вплоть до времени Коммода.

Значение префекта претория и преторианцев возрастает при Коммодe. Первые годы его правления (180–185 гг. н. э.) характерны тем, что реальная власть сосредоточилась в руках префекта претория Перенниса, после падения которого его место занял другой всемогущий «министр» — Клеандр (185–189 гг. н. э.). Главой заговора стал еще один префект претория, Эмилий Лет. Впрочем, в конце II в. н. э.

префект претория перестает быть только командующим гвардией, постепенно становясь главой административного управления.

На рубеже II–III вв. н. э. преторианцы снова предпринимают попытку стать инициативной группой. В марте 193 г. н. э. они свергли Пертинакса, а затем устроили своеобразный аукцион, сделав императором Дидия Юлиана. После его поражения преторианцы были распущены Септимием Севером, а новая гвардия была набрана из иллирийских легионов. Вероятно, чтобы уравновесить преторианцев, Север ввел в Италию военную часть (2 легион). Преторианцы начинают терять свой особый статус.

В III в. н. э. действия преторианцев уже достаточно трудно отделить от действий остальной армии. Впрочем, в 217 г. префект претория Макрин впервые стал императором, в 222 г. преторианцы свергли Гелиогабала и посадили на престол Александра Севера, а в период правления последнего произошло несколько преторианских путчей. Преторианцы приняли активное участие в событиях 238 г., при их активной поддержке Цезарем стал Гордиан III, а в июне 238 г. они свергли Пупиена и Бальбина, сделав единственным императором Гордиана. Префект претория Тимезитей стал фактическим правителем при Гордиане, а новый префект Филипп был инициатором его свержения.

В 282 г. префект претория Кар поднял восстание против Проба и стал императором. При Диоклетиане происходит упадок преторианцев, которые были фактически заменены другими корпусами императорских телохранителей. Последним выступлением преторианской гвардии было ее выступление в поддержку Максенция против Константина. В 311 г. преторианцы мужественно сражались в битве при Мульвиевом мосту, а затем были распущены Константином.

Многие императоры (Гальба, Вителлий, Веспасиан, Септимий Север, Клодий Альбин, Песценний Нигер, Макрин, Гелиогабал, Максимиан, Гордиан I, Филипп Араб, Требониан Галл, Эмилиан, Валериан, Клавдий II, Аврелиан, Проб, Кар, Диоклетиан) были непосредственно выдвинуты войсками. В ходе кризиса III в. армия выдвинула множество узурпаторов, не признанных сенатом и правящими императорами.

В обычной ситуации армия присягала императорам, выдвигаемым сенатом, императорами и преторианцами, но в период кризисов военные группировки брали управление на себя. Впрочем, иногда кризис создавался самими противоборствующими армиями. «Кандидаты армии» часто были основателями династий (Веспасиан, Траян, Септимий Север, Диоклетиан, Константин), и их власть оказывалась особенно прочной.

Вмешательство армии в политику и гражданские войны часто происходило по сходному сценарию. После свержения дискредитировавшего себя представителя династии (Нерон, Домициан, Коммод, Гелиогабал) к власти приходил «сенатский» император (Гальба, Нерва, Пертинакс, Александр Север), которого свергал ставленник преторианцев или военных (Отон, Дидий Юлиан, Максимин), после чего начиналась борьба военных группировок и их лидеров (Вителлий и Веспасиан, Септимий Север, Клодий Альбин и Песценний Нигер).

Как правило, гражданские войны сопровождались внешними и провинциальными кризисами: восстания в Британии, Иудее и Галлии при Нероне, ухудшение положения на Дунае и на востоке при Домициане, тяжелейшие войны при Марке Аврелии, ухудшение положения на Рейне и Дунае в 30–40-е гг. III в. Именно военные императоры выводили Рим из кризиса: Веспасиан и Тит, Траян, Септимий Север, Клавдий II, Аврелиан, Проб, Диоклетиан.

Первым случаем, когда войска выдвинули политические требования, было предложение, сделанное восставшими легионами Германику в 14 г. н. э. В 42 г. н. э. два легиона в Далмации провозгласили императором своего легата Камилла Скрибониана (мятеж длился 5 дней) (Suet. Claud., 13; Xiph., 169).

Собственно выдвижение военных кандидатов началось в 68–69 гг. Победившая при Вензотионе армия Вергиния Руфа провозгласила императором своего командующего. Вергиний отказался и объявил себя легатом сената и народа. В январе 69 г. германские легионы провозгласили императором Вителлия, а в июле 69 г. легионы в Египте, Сирии и Иудее объявили императором Веспасиана, который и стал победителем в гражданской войне. В 88 г. верхнегерманские легионы развязали «малую» гражданскую войну, провозгласив императором своего легата, Л. Антония Сатурнина (мятеж был подавлен Домицианом). Выбор Траяна в 98 г. н. э. хотя и произошел в соответствии с решением Нервы и постановлением сената, реально был вызван опасностью преторианского мятежа и был продиктован армией. Это фактически предотвратило гражданскую войну.

Новое крупное вмешательство армии в политическую жизнь Империи приходится на период, последовавший за тяжелыми войнами 60–80-х гг. II в. на восточной и северной границах. Первые симптомы кризиса были заметны уже во время правления Марка Аврелия. В 175 г. н. э. сирийская армия провозгласила императором своего командующего, выдающегося полководца Авкдия Кассия, однако еще до начала военных действий претендент был убит солдатами. Активизация армии начинается после

гибели Коммода. В начале 193 г. н. э. войска провозгласили императорами одновременно трех командующих: паннонская армия выдвинула Септимия Севера, восточная — Песценния Нигера, а британская — своего легата Клодия Альбина. Война закончилась только в 196 г. победой Септимия Севера. Она отличалась от войны 68–69 гг. тем, что если в последней сражались римские армии, то теперь это были войска, тесно связанные с провинциями, опирающиеся на их помощь и в значительной степени состоящие из уроженцев тех провинций, в которых они дислоцировались.

Самое большое количество «военных кандидатов» приходится на III в. н. э. В апреле 217 г., после убийства Каракаллы, армия сделала императором Опеллия Макрина, в мае 218 г. другая военная группировка поддержала боковую ветвь Северов и поставила на престол Гелиогабала.

В 235 г. н. э., свергнув и убив Александра Севера, последнего представителя династии, армия впервые выдвинула собственно «солдатского императора», человека, вышедшего из армейских низов, Гая Юлия Вера Максимиана.

Новая гражданская война началась в 238 г. н. э. Она происходила по несколько иному сценарию, нежели прежняя: вначале победил «военный» император, затем против него выступило несколько «сенатских» правителей (Гордианы I и II, Пупиен и Бальбин), после чего на арену вышли преторианцы, поддержавшие Гордиана III.

В 244 г. армия провозгласила императором Филиппа Араба, а в 248 г. дунайские войска, посланные против мятежников, объявили императором Деция. Выдвиженцами войск были императоры 50-х гг. III в. н. э. (Эмилиан, Требониан Галл и Валериан). После гибели Галлиена, также сделавшего немало для армии, войска последовательно выдвигали своих ставленников — Клавдия II, Аврелиана, Проба и Кара. Армия выдвинула и Диоклетиана (284 г. н. э.). Кар и Диоклетиан даже не стали обращаться за утверждением в сенат. Армия, как правило, выдвигала и узурпаторов: многие из «30 тиранов» эпохи Галлиена (Ингенуй, Постум, Макриан и Баллиста, Эмилиан, Лелиан, Викторин, Марий и др.) были военными, равно как и несколько претендентов времени Проба (Сатурнин, Прокул и Боноз).

Созданная Диоклетианом система тетрархии была задумана как средство против мятежей и узурпаций, однако отдельные явления такого рода происходят и в Поздней Империи (британские императоры Караузий и Аллект, Л. Домиций Александр в Египте). В 306 г. армия провозгласила императором Константина. Позже, в 361 г., войска выдвинули императора Юлиана, в 383 г. британская армия провозгласила Магна Магнен-

ция. В 392 г. выдвижение Евгения было результатом действий армии и ее командующего Арбогаста. В V в. н. э. в Западной Империи (особенно после смерти Гонория) все императоры, включая даже самого Валентиниана III, были выдвиженцами всемогущих военачальников, как правило (но не исключительно), германского происхождения — Стилихона, Бонифация, Аэция, а затем — Рицимера и Гундобада. После смерти Валентиниана III, императорский престол окончательно стал игрушкой в руках всемогущих германских военных магистров. Выбор правителя полностью зависел от армии.

Возможно, именно в IV в. происходит важное правовое изменение. Если в I–II вв. н. э. войска приносили присягу императору, а отказ от сделать означал мятеж, то в III–IV вв. н. э. ставшее гораздо менее безусловным и формальным согласие армии заменило в глазах общества волю народа и позволяло в определенных ситуациях обходиться без решения сената. В последние десятилетия Западной Империи армия заменила собой все прочие правовые механизмы власти. Аналогичный процесс в Византии удалось остановить.

3. ОГРАНИЧЕНИЯ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Как формально выборное лицо, император мог быть лишен власти решением тех, кто его выбрал. Возможность, впрочем, носила скорее теоретический характер. Чисто теоретически сенат мог решить даже вопрос о существовании императорской власти и, как полагает Д. Тимпе, вопрос о принцепате решался всякий раз, когда происходила персональная смена правителя¹³⁷. Как отмечает А. Джоунз, империя была «автократией, ограниченной легальным правом революции», однако в IV в. было утрачено и это право¹³⁸. Иными словами, в Империи не было определенного правового механизма смещения не оправдавшего ожидания общества правителя, равно как не было определено, какие действия влекут за собой подобные последствия, однако само это право, несомненно, предполагалось. Вероятно, именно в этом было отличие римского права от государственного права средневековой Европы, вообще не допускавшего возможности судить монарха.

Итогом было то, что императоров предпочитали устранять путем экстралегальных и просто незаконных действий, переворотов, заговоров,

¹³⁷ *Timpe D. Untersuchungen...* S. 122–123, 125–126.

¹³⁸ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 326.*

мятежей или восстаний. Из примерно 70 императоров в период от Августа до Валентиниана III менее трети правителей умерло своей смертью, но лишь немногие из них были детронизированы с соблюдением той или иной легальной процедуры.

Только один раз сенат всерьез обсуждал не только вопрос о принципе, но и вопрос о принципе. После убийства Калигулы консулы Гней Сентий Сатурнин и Кв. Помпей Секунд создали сенат, предложили воздать почести заговорщикам и вообще не избирать принцепса, тем самым ликвидировав политическую систему. Впрочем, большинство сенаторов оказались сторонниками новой формы правления и настаивали на необходимости избрать императора, при этом отстранив от власти династию. Начались дебаты по выдвижению нового принцепса: предлагались кандидаты из сенаторов (Анний Винициан, Валерий Азиатик, Сервий Гальба) и, вероятно, кто-либо из них был бы избран путем голосования. Конец обсуждению положили преторианцы, которые присягнули дяде Калигулы, Клавдию, и под их давлением сенат был вынужден подтвердить его императорские полномочия (Suet. Claud., 10; Xiph., 173; Jos. Ant., XIX, 160).

Наиболее ярким примером детронизации императора, вероятно, можно считать свержение Нерона в 68 г. н. э. После начала восстания в провинциях и (что, наверное, было главным) перехода преторианцев на сторону противников Нерона, сенат объявил о его низложении. Была совершена официальная процедура лишения власти и объявления «врагом отечества» (*hostis publicus*), что означало вынесение смертного приговора (Suet. Nero, 47–49; Xiph., 185; Eutr., VII, 15). В 238 г. сенат объявил о низложении Максимиана, причем, сделав это после ложного слуха о его смерти, и объявил императором Гордиана I. Когда выяснилось, что Максимиан жив, сенат, однако, не отменил решения и организовал оборону Италии, созвав комитет для осуществления этого решения во главе с Пупиеном и Бальбином, позже тоже провозглашенными императорами. В 193 г. н. э., в условиях наступления Септимия Севера, сенат низложил Дидия Юлиана. Согласно «Писателям истории Августов», он был просто лишен власти (SHA. Iul., 86), согласно Геродиану — казнен по решению сената (Herod., II, 12).

Другим способом действий против императора было *damnatio memoriae* (осуждение памяти). Вероятно, в наиболее полной мере этой процедуре подвергся Домициан. Его изображения уничтожались, а имя выскабливалось из надписей (Suet. Dom., 23; Lact., *De mort. pers.*, 3; Macr. Sat., 1, 2; Eus. HE., III, 20). Евтропий сообщает, что его похоронили как лицо низкого звания (Eutr., VII, 23). Сенат требовал осуждения памяти

Коммода: согласно Геродиану, это не было достигнуто (Herod., II, 2, 4–8), и сенаторы ограничились издевательским заключением, что император умер от апоплексического удара вследствие чрезмерного переедания и пьянства; согласно Вулкацию Галликану, осуждение имело место, статуи Коммода были уничтожены, а имя — убрано из документов (SHA. Comm., 19–20). Евтропий и Аврелий Виктор используют более обтекаемую форму, *hostis generis humani* (враг рода человеческого), что скорее отражает эмоциональные заявления сенаторов, нежели официальную формулировку (Aug. Vict. Caes., 76; Eutr. VIII, 26). Достаточно компромиссный вариант был принят Клавдием в отношении Калигулы. Сенат требовал осуществить полноценную *damnatio* и объявить день убийства Гая национальным праздником (Suet. Claud., 11; Dio, 69, 4–5). Клавдий отказался, однако большинство распоряжений Гая были отменены, многие статуи ликвидированы, а имя изымалось из документов (Suet. Ibid.; Dio, 60, 4, 5). В специальном эдикте Клавдий открыто объявил о сумасшествии Калигулы (Jos. Ant., XIX. 284–285). Вместе с тем, заговорщики получили амнистию, а обществу было обещано «вечное прощение и забвение» (*veniam et oblivium in perpetuum* — Suet. Claud. 11), т. е. гражданский мир. Обратный случай виден с Септимием Гетой, когда *damnatio* произошло по требованию императора. Сенат выражал открытое недовольство, и осуждение было фактически отменено. Гету похоронили в усыпальнице Северов, а Каракалла публично заявил, что сожалеет о содеянном (SHA. Geta, 7). Заметим, что *damnatio* подвергалось множество людей, находящихся вне императорской семьи, причем их осуждение, как правило, длилось столько, сколько правил осудивший их император. Напротив, Калигулу, Нерона, Домициана или Коммода осудил сенат, а потому *damnatio* приобрело «вечный» характер.

Не будучи властным над императором в период правления, общественное мнение (и особенно — мнение сената) было властно над его памятью. Некоторые из императоров были обожествлены: Август, Клавдий, Веспасиан, Тит, Нерва, Траян, Адриан, Антоний Пий, Марк Аврелий, Септимий Север, Александр Север, Гордианы (I и II), Клавдий II, Аврелиан. Хотя зачастую обожествление зависело от непосредственных приемников и конкретных обстоятельств, традиция создает определенный образ императора и не позволяет обожествлять правителя, проводившего откровенно монархический и деспотический курс. Идеалом императора был образ «первого среди равных», наследника республики и лучших правителей Империи, последователя республиканских магистратур и «господина над свободными» (*dominus liberorum*). Этот идеал всегда был

достаточно далек от реальности, и часто его можно было принять за идеологию оппозиции, однако он, несомненно, оказывал известное влияние на реальную политику. Как показали события 41 г. н. э., хотя даже самые радикально настроенные сенаторы утратили республиканские иллюзии, общественное мнение решительно отвергло деструктивный деспотизм Калигулы, Нерона, Домициана или Коммода и с известной сдержанностью относилось к конструктивному авторитаризму таких императоров как Септимий Север, Аврелиан, Диоклетиан и Константин, распространяя эту сдержанность даже на Клавдия, Веспасиана и Адриана. Ближе к идеалу были императоры, сочетавшие сильную власть, либеральные принципы и «республиканские идеи» (Август, Траян, Антонин Пий, Марк Аврелий), а более слабые, но отражавшие традиционные ценности «сенатские императоры» (Гальба, Пертинакс, Александр Север, Гордианы, Тацит), вызывали явное сочувствие.

Другим отражением сложной природы императорской власти была традиция принятия принципата с долей сомнения. Как полагает Л. Виккерт, первый гражданин не должен навязывать себя обществу, а инициатива его избрания должна была исходить от подданных или, по крайней мере, от вышестоящей власти¹³⁹.

Recusationes, или отказы от власти, были обычным стилем Августа, до такой степени принятым Тиберием, что император прочно заслужил репутацию лицемера. Светоний считает, что Вителлий искренне не хотел стать императором (Plut. Galba, 28; Suet. Vit., 15, 1), то же самое Иосиф Флавий пишет о Веспасиане (Jos. VJ., I, 24), сходный образ создавался вокруг Нервы. Плиний хвалит Траяна за *recusatio*, а Адриан, усыновляя Антонина Пия, заявил, что преемник принял высокую честь из чувства долга и помимо своей воли (Dio, 59. 20, 5). То же самое подчеркивает биограф Марка Аврелия (SHA. M. Aug., 5, 3). Дион Кассий и Геродиан пишут о намерениях Пертинакса передать власть другому лицу (Dio, 77. I, 4; Herod., II. 3, 3). Информация такого рода имеется в отношении Септимия Севера, Максимиана, Гордиана I, Филиппа Араба, Деция, Тацита, Диоклетиана, Константина, Юлиана, Валентиниана I, Феодосия¹⁴⁰. Даже в V в. Валентиниан III заявлял, что власть императора основана на законе, а папа Григорий Великий писал, что варварские короли правят рабами, а римские императоры — свободными людьми (CJ. I. XIV, 4; Greg. Epist., XI, 4).

---

¹³⁹ Wickert L. *Princeps...* Sp. 2258–2264.

¹⁴⁰ Ibid. Sp. 2261–2264.

4. ЖЕНЩИНЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА

Положение императора отчасти распространялось и на его семью. Ближайшие родственники-мужчины носили титул «Цезарь», а родственники более дальние часто занимали высокие должности. Формирование «команды» из близких людей, в том числе и родственников, близких и дальних, было свойственно римлянам в той же степени, что и любому другому обществу. Напротив, в положении женщин императорской семьи можно отметить определенное отличие формально-правового и реального статуса. Нормы римского права отстраняли женщин от политики: у них не было права голоса в народном собрании, они не могли занимать магистратуры, равно как и любые выборные или назначаемые должности, и были лишены статуса в сенате или какой-либо самостоятельной власти. Понимание императрицы как самодержавной властительницы в Римской Империи так и не возникает, а попытки самостоятельно фигурировать в политической жизни встречали резкое осуждение и сопротивление.

Теоретически положение женщины из правящего дома ограничивалось ее положением матери, жены, дочери, сестры или родственницы императора, однако в частном праве, семейном праве и даже таких областях как наследование, положение мужчин и женщин в I–II вв. н. э. постепенно начинает сближаться, а реальная роль императрицы становится, несомненно, значительно выше ее правового статуса. Многие близкие родственницы императоров оказали огромное влияние на политическую жизнь Империи, а кроме того — женщины императорского дома были важнейшим механизмом династической стабильности и династических связей.

Известно огромное влияние, которое оказывала на Августа Ливия, равно как и ее роль в урегулировании очень непростых отношений между отчимом и пасынком, Августом и Тиберием. Оппозиционная традиция изображала возвышение Тиберия как результат козней императрицы (Тас. Ann., I, 4), а согласно завещанию Августа, Ливия (для придания более самостоятельного статуса) была посмертно удочерена Августом и получила 1/3 имущества (Тас. Ann., I, 7; Vell., II, 75, 3). Ранее Ливия, имевшая двух детей от первого брака, получала *ius trium liberorum*, что фактически уравнивало ее с мужем в частноправовой сфере. В первые годы правления Тиберия она оказывала большое влияние и на сына. Дочь Августа, Юлия Старшая, была замужем за всеми тремя наследниками своего отца, Марцеллом, Агриппой и Тиберием, готовили к власти и ее детей, Гая и Луция Цезарей. Определенное влияние на Тиберия оказала и Антония Млад-

шая — вдова его брата, Друза Старшего, и мать Германика. Антония была одной из тех, чье влияние способствовало падению всемогущего Сеяна.

Одним из центров династической оппозиции Тиберия также была женщина. Агриппина Старшая, дочь Агриппы и Юлии Старшей и родная внучка Августа, была замужем за Германиком. Их счастливая совместная жизнь и большое число детей были одной из причин того, что Август сделал Германика наследником Тиберия. Калигула пришел к власти как внук и наследник Тиберия, однако не меньшую роль (по крайней мере, для народных масс и преторианцев) сыграло то, что он был сыном Германика и Агриппины, внушавших к себе дополнительное сочувствие как жертвы репрессий Тиберия. После смерти Ливии и Агриппины обеим воздавали культовые почести.

Особым было положение сестер Калигулы. Во время болезни император назначил одну из них, Друзиллу, своей наследницей, а ее муж, Марк Эмилий Лепид считался кандидатом в императоры. После смерти Друзиллы считалась первой римской императрицей, которая была официально возведена в ранг государственных богов (*diva Drusilla* — Dess., 196; 197).

Огромное влияние на Клавдия оказывали его жены, Мессалина и Агриппина Младшая, дочь Германика и Агриппины Старшей. Обе присутствовали на заседаниях императорского совета (*Tac. Ann.*, XIII, 4). Мессалину считали ответственной за многие репрессии времен Клавдия, а странный брак Мессалины и Силия при живом Клавдии для большинства современников означал попытку государственного переворота (*Tac. Ann.*, XI, 26; 28; 30; 2; 31). Новый брак Клавдия (с Агриппиной) был санкционирован сенатом и народом (*Tac. Ann.*, XII, 3; *Suet. Claud.*, 26; *Xiph.*, 174), а внутреннюю политику Клавдия последних лет его правления было бы вполне правомерно назвать «внутренней политикой Агриппины». Тацит пишет, что императрица считала себя соучастницей (*particeps*) империя Клавдия (*Tac. Ann.*, XII, 37, 8–9) и (с еще большим основанием) — той силой, которая обеспечила приход к власти Нерона.

Влияние Агриппины в первый период правления Нерона (54–59 гг. н. э.) было огромно. Можно считать, что императрица-мать стремилась к положению реально правящей монархини и соправительницы сына (*Tac. Ann.*, XIII, 2, 5; *Suet. Nero*, 9; *Xiph.*, 143). Тацит сообщает, что сенат специально собирался во дворце, чтобы Агриппина, не имевшая туда формального доступа, могла тайно следить за ходом заседаний (*Tac. Ann.*, XIII, 5). Большое значение для Нерона имел и брак с Октавией, дочерью Клавдия (*Tac. Ann.*, XIII, 3), а убийство Агриппины и расправа над Октавией стали одним из факторов, обусловивших падение режима Нерона.

При Флавиях и Антонинах значение императриц падает. Можно вспомнить о роли императрицы Домиции в заговоре против Домициана. Женщины императорского дома сыграли немалую роль в переходах власти: жена Траяна, Плотина, возможно, была инициатором усыновления Адриана (SHA. Nadr., 4–10; Xiph., 142), а сам Адриан был женат на внучатой племяннице Траяна, Сабине (SHA. Nadr., 2, 10). Марк Аврелий был женат на Фаустине, дочери Антонина Пия, а когда ему советовали развестись с Фаустиной из-за предосудительного поведения последней, император заявил, что тогда ему придется отдать и приданое, т. е. власть. В 183 г. н. э. дочь Марка Аврелия и сестра Коммода, Луцилла, участвовала в заговоре против брата с целью сделать императором своего мужа, Клавдия Помпеяна.

Ренессанс «женского правления» приходится на правление Северов. Жена Септимия Севера, Юлия Домна, играла большую роль при Каракалле (своем сыне или пасынке) как в политической, так и в культурной жизни Империи. Если Каракалла практически отсутствовал в Риме по причине военных кампаний, то окружение императрицы, несомненно, было культурным центром жизни столицы, и, возможно, знаменитый эдикт Каракаллы был создан в этом кружке, в который входили многие выдающиеся юристы. Сестра Юлии Домны, Юлия Мэса, и ее дочь Созмида были инициаторами свержения Макрина и выдвижения Гелиогабала, сына Созмиды. В 222 г. н. э. Мэса и ее вторая дочь, Маммея, организовали переворот против Гелиогабала и Созмиды и посадили на престол Александра Севера, сына Маммеи. При Александре Севере Маммея стала его реальной соправительницей, сопровождая императора даже в военных походах, и погибла вместе с ним во время путча Максимиана (235 г. н. э.).

В период военной анархии III в. н. э. роль женщин падает. При Гордиане III большую роль в управлении сыграла его супруга, Фурия Сабина Транквиллина, и ставший фактическим регентом императора ее отец, префект претория, Фурий Тимезитей. Жена Галлиена Салонина была покровительницей интеллектуальной и культурной жизни Рима, а среди членов ее литературно-художественного кружка был философ Плотин. Наконец, среди «30 тиранов», как называли тогда узурпаторов эпохи Галлиена, Клавдия Готского и Аврелиана, были две знаменитые женщины — жена пальмирского правителя Зенобия, претендовавшая на господство над римским востоком, и мать галльского узурпатора Викторина, Виктория, немало способствовавшая приходу к власти своего сына.

Династические браки играли большую роль в диоклетиановой системе тетрархии (например, браки Галерия и Констанция и брак Константина

и Фаусты, дочери Максимиана). Наконец, роль женщин явно выросла в последние десятилетия Западной Империи. Дочь Феодосия I и сестра императора Гонория, Галла Пластидия, сыграла немалую роль в событиях начального периода варварского нашествия, была женой короля готов Атаульфа и талантливого военачальника, императора Констанция III, всю жизнь добивавшегося руки любимой им женщины. После смерти Констанция Галла Пластидия была регентшей при малолетнем сыне, Валентиниане III, носила титул Августы и пробыла в статусе реальной соправительницы до своей смерти в 450 г. Примерно в это же время в Византии фактически правила Пульхерия Августа, старшая сестра Феодосия II (408–450 гг. н. э.), первое время бывшая регентшей при своем малолетнем брате. Дочь Констанция и Галлы Пластидии, Юста Грата Гонория, недовольная тем, что брат выдал ее за вельможу Геркулана и практически отстранил от власти, обратилась к всемогущему царю гуннов Атилле, предложив ему свою руку и призвав прийти на помощь. Обращение Гонории стало для Атиллы поводом для вторжения в пределы Империи, завершившегося знаменитой Каталаунской битвой.

Не имея самостоятельной власти, римские императрицы не имели и правовых титулов, обычно нося титул Августы. Вместе с тем, политическая деятельность женщин императорского дома отразилась в их почетных прозвищах, *Pia*, *Vona*, *Optima*, а также в прозвищах типа *mater castorum*, *mater senatus*, *mater patriae*.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1906–1908. Вып. 1–3.
2. *Аппиан Александрийский*. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935 (есть переиздания).
3. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.
4. *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892 (есть переиздания).
5. *Геродиан*. История. СПб., 1995.
6. Деяния божественного Августа // Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. М., 1953. Т. 3. С. 194–197.
7. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / Пер. с лат. И. С. Перетерского. М., 1984.

8. *Евтропий*. Бrevиарий от основания Города. СПб., 2001.
9. *Павел Юлий*. Пять книг сентенций к сыну // ВДИ. 1971 / Пер. Е. М. Штаерман. № 1–2.
10. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко и А. И. Доватура. М., 1983.
11. Писатели истории Августов — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева. М., 1992.
12. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964. Т. 3.
13. *Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати Цезарей. О знаменитых людях. Фрагменты / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.
14. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С. А. Ошерова. М., 1977.
15. *Тацит Корнелий*. Сочинения: В 2 т. / Изд. подг. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский и др. Л., 1969.
16. *Флавий Иосиф*. Иудейские древности / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. 1–2 (репринт — 1996).
17. *Флор Луций Анней* / Пер. с лат. А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1977.
18. *Цезарь Гай Юлий*. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948 (переиздание — 1991).
19. *Цицерон Марк Туллий*. Диалоги «О государстве» и «О законах» / Под ред. И. Н. Веселовского, В. Д. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1962.

Литература
Обязательная

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 16–19, 22–23.
2. *Ковалев С. И.* История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. Изд. 2-е. Л., 1986. Ч. II. Гл. 1–16.
3. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 24–29, 32–36, 39.
4. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 506–563.
5. *Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима. СПб., 2003. Ч. 2. Гл. 5–6.

Дополнительная

1. *Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с франц. М., 1888–1890. Вып. 1–2.
2. *Гольденберг В. А.* Очерк истории Римской Империи в I в. н. э. Гражданская война в 69 г. Харьков, 1958.
3. *Грант М.* Двенадцать Цезарей / Пер. Д. Мишина. М., 1998.
4. *Грант М.* Крушение Римской империи / Пер. Б. Брикмана. М., 1998.
5. *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900–1902, Т. 1–2.
6. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Л., 1985.
7. *Егоров А. Б.* Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 2. 1989. С. 161–172.
8. *Историография античной истории* / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.
9. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. М., 1981.
10. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи (диссертация). М., 1983.
11. *Кнабе Г. С.* Древний Рим, история и повседневность. М., 1986.
12. *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. под ред. Н. И. Диденко. Ростов-на-Дону, 1997.
13. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.
14. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995. Т. 3, 5.
15. *Моммзен Т.* История Рима. Т. IV (по конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882–1886, издано Барбарой и Александром Демантами) / Пер. с нем. СПб., 2002.
16. *Михайловский Ф. А.* Трибунская власть в политической системе принципата: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
17. *Парфенов В. Н.* Рим: От Цезаря до Августа. Саратов, 1987.
18. *Ростовцев М. И.* Рождение Римской Империи. Пг., 1918.
19. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской Империи. Т. I–II / Пер. с нем. изд. СПб., 2000–2001.
20. *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
21. *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976.
22. *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
23. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 22–106.
24. *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 106–210.

25. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990.

26. Ферреро Г. Величие и падение Рима / Пер. с франц. А. А. Захарова. М., 1915–1925. Т. 1–5.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ТЕМЕ

Приведенный обзор показывает крайнюю сложность и неоднозначность оценки системы принципата. Вероятно, первым выводом можно считать то, что сложность положения в историографии полностью отражает реальную картину. Приведенный материал дает возможность подтверждения всех приведенных теорий, начиная с теорий монархии, авторитарной власти и «теории фасада» и заканчивая теориями конституционной монархии, дуализма и республики. Вместе с тем, вся совокупность данных показывает уникальность принципата, отчасти подтверждая мнение Л. Веккерта об исключительной сложности системы. Можно также отметить, что эта действительно крайне необычная политическая власть была предназначена для управления тем беспрецедентным политическим организмом, каковым была Римская Империя.

Уже сама титулатура принцепса содержит как чисто республиканские (*consul, censor*), так и абсолютистско-монархические (*imperator, dominus*) и теократические (*deus*) понятия, показавшие как генетическую связь принципата с республикой, так и переосмысление этой традиции или отказ от нее в сторону монархии и теократии. Очень важным является временное и семантическое различие: понимание императора как республиканского магистрата (*consul, censor*), магистрата нового типа (*tribunicia potestas*), конституционного монарха (*princeps*), абсолютного монарха (*rex, dominus*) и тирана (*tyrannus*). Титулатура показывает и постепенную эволюцию от «республиканской» и «аристократической» монархии Августа и Юлиев-Клавдиев к достаточно определившейся монархии Флавиев, Траяна и Адриана, через «либеральную монархию» Антонинов и бюрократическую монархию Северов к военной монархии III в. н. э. и доминату IV–V вв.

Основой правовой власти императора были проконсульский империй и трибунская власть. Обе должности имели основу в республиканских магистратурах, претерпевших значительные изменения и сделавшихся пожизненными. Рядом с этими видоизмененными должностями мы обнаруживаем как старые республиканские магистратуры (власть консула, цензора и принцепса сената), так и новые виды власти и почетных полномочий (*cura legum et morum, ius consulare, ius commendationis*).

С чисто правовой точки зрения, принцепс был не монархом, а высшим магистратом республики и главой и членом всех высших магистратских коллегий. Вместе с тем, объединив эти полномочия в единый *lex de imperio*, он получал качественно новую, уже по сути монархическую власть, что, в принципе, согласуется с теориями монархии, скорее в ее «конституционном» и «республиканском» варианте.

Справедливость «теории фасада» заключается в том, что во власти императора заключалась немалая доля экстралегальной власти. Это понятие *auctoritas* — неизмеримого и неформального фактора политического влияния правителя, явно выходящего за пределы чисто правовых полномочий, а также, вероятно, еще более важное понятие императорского культа. Исходным моментом последнего были личные культы Цезаря и Августа, постепенно превращавшиеся в персонифицированный культ государства, все больше и больше приобретающего характер политического института. Причина столь значительного внимания именно к этому фактору власти заключается в том, что для, быть может, большей части населения Империи религия была более значимой и понятной формой сознания, чем право, идеология или политика.

Наряду с этой религиозно-политической формой почитания принцепса, появляются попытки создания настоящей теократической концепции. Эта концепция могла подкрепляться восточными традициями (Калигула, Нерон), однако достаточно часто эти традиции не прослеживаются (Домициан). Со времен последних Антонинов намечается тенденция к соединению культа правителя с одной или несколькими настоящими религиями, особенно усилившаяся в III–IV вв. н. э. Императоры использовали разные варианты: соединение культа императора с традиционным пантеоном (Коммод, Северы, Проб, Диоклетиан), более демократичный вариант соединения всех или большей части основных богов Империи с императорским культом (Александр Север, Галлиен), соединение культа правителя с солярным культом (Аврелиан, отчасти — Константин). Итогом этого развития стало принятие христианства, впрочем, также инкорпорировавшее в себя идею монархии, а император стал помазанником Божьим и наместником Бога на земле.

Император был выборным лицом *de iure* и, в значительной степени, *de facto*. Выбор Цезаря, а в немалой степени и Августа, был реальным выбором всего общества, которое предпочло сильную власть и экономическое процветание нищете и развалу «свободной республики». Считать феномен принципата Августа массовым обманом общественного сознания никаких оснований нет.

В период от Августа до Северов главной официальной инстанцией в выборе императора был сенат. Как правило, сенатский выбор был конституционной фикцией, однако, как показывает опыт Калигулы и Нерона, императору, восстановившему против себя сенат, было достаточно трудно удержаться. Впрочем, и «сенатскому императору» типа Гальбы и Пертинакса было очень нелегко наладить отношения с силовыми структурами.

Другой силой, «назначавшей» императора, была армия. Хотя, в отличие от сената, это была реальная сила, она довольно длительное время играла полностью неформальную роль. При Юлиях-Клавдиях армия только приносила присягу на верность императору и впервые проявила инициативу во время войны 68–69 гг. н. э. Первым императором, провозглашенным войсками, был Гальба (ранее они пытались сделать это в отношении Вергиния Руфа), затем последовали Вителлий и Веспасиан. Исключением была преторианская гвардия, наиболее активная, элитная и близкая к престолу часть армии, часто игравшая роль в смене императоров.

Военные играли огромную роль в жизни Империи — любой политик, каково бы ни было происхождение его карьеры, был связан с армией, а сама армия была предметом особой заботы правителя, вероятно, прежде всего видевшего в себе верховного главнокомандующего. Присяга армии была необходимым условием правления, а отказ от присяги означал гражданскую войну или, по меньшей мере, политический кризис. Вместе с тем, принципат не был военной монархией, армия выходила на первый план в периоды войн и кризисов, а затем возвращалась в лагеря и казармы. Было бы неправильным считать военной монархией и доминат Диоклетиана и Константина, и только в V в. в Западной Империи военные взяли власть в свои руки. В Византии аналогичная попытка завершилась провалом.

Известным парадоксом было то, что «военные диктаторы» часто пытались поддерживать гражданский стиль правления. Это начал еще Юлий Цезарь, а его курс продолжал не только бывший достаточно штатским политиком Август, но и выдающиеся полководцы Тиберий и Веспасиан. Профессиональный военный Траян получил прозвище «лучшего принцепса» от сената не только за военные успехи, но и за установление гражданского согласия. Даже «военный император» Септимий Север лишь отчасти может считаться создателем военной системы правления. Только относительно кризиса III в. н. э. мы можем говорить о военной монархии.

Особое внимание исследователей (Л. Виккерт, В. Хартке, Ж. Беранже, Д. Тимпе и др.)¹⁴¹ было посвящено проблемам наследования власти в Римской Империи и римскому династизму. Теоретически император был выборным, а сын принцепса имел не больше прав на престол, чем любой из его подданных. Реально династизм принцепата мало отличался от династизма любой монархии — восточной, эллинистической или европейской.

Впрочем, некоторые отличия были. Во-первых, династический принцип был не безоговорочным с точки зрения идеологии и вызывал как детальные обоснования, так и решительные протесты. Во-вторых, в римском праве не было принципа майората, а следовательно — и иерархии родственных отношений. Дети, действительно, имели особое положение, но борьба за власть между родственниками правителя, столь характерная для традиционных монархий — как эллинистических и восточных, так и западноевропейских — была здесь гораздо слабее, если и вообще имела место. Гораздо чаще приходилось сплотиться против людей извне. В-третьих, несмотря на достаточно большую роль женщин, Империя сохранила республиканский обычай непредоставления женщине политической власти. Обычай *agrotatio* не только упрочивал династизм, но и не раз спасал Империю от кризисов. Вместе с тем, усыновление было возможностью его обойти. Следствием этой системы были специфика римского престолонаследия и развитый институт соправительства, когда правящий император предпочитал упрочить положение преемника еще при своей жизни. Династизм и «принцип заслуг» могли взаимодействовать и страховать друг друга, но они могли и сталкиваться.

Можно отметить и определенную эволюцию во времени: аристократический и, в какой-то степени, республиканский династизм Юлиев-Клавдиев и отчасти Флавиев сменился антониновским принципом «выбора лучшего», превратившимся в III в. н. э. в проводимый армией «естественный отбор» и в IV–V вв. н. э. пришел к новому типу династизма домината.

По большому счету, древние авторы видели в принципате монархию, но при этом он действительно избегал декларации своего монархизма.

Достаточно общее неприятие принципата как системы власти сочеталось с признанием принесенных им политических и экономических выгод, а общая ностальгия по республике — с яркой характеристикой ужасов и несправедливостей гражданской войны. Общество хотело того, что Тацит считал несовместимым — «свободу и принципат».

---

¹⁴¹ Подробный обзор династических связей всех императоров от Августа до Ромула Августула см.: *Wickert L. Princeps...* Sp. 2137–2157; *Beranger J. Recherches...* P. 171 ff.; *Hartke J. Römische Kinderkaiser.* Munchen, 1951. S. 170–192; *Timpe D. Untersuchungen...* S. 122–123.

Наконец, в истории Империи можно выделить несколько периодов:

1. Исходной точкой стала личная монархия (или личная диктатура) Цезаря, основанная на народном волеизъявлении и создавшая перспективу выхода из кризиса, небывалого экономического роста и постепенной правовой революции. За ней последовала «республиканская» монархия Августа, опиравшаяся как на правовые основы, так и на характерную именно для нее систему *auctoritas*. Именно Август заложил основы просуществовавшей два последующих века системы принципата.

2. Следующей стадией стала «республиканская монархия» Юлиев-Клавдиев, причем слово «республиканская» надлежит понимать не в том смысле, что она имела характер того, что мы понимаем под республиканским строем (действия Калигулы или Нерона красноречиво свидетельствуют об обратном), но в смысле сохранения ряда черт того общества, которое предшествовало эпохе принципата. Система обретала стабильность, но продолжала сохранять традиционный характер. Империя I в. до н. э. была Римской Империей в полном смысле этого слова.

3. Средиземноморская монархия Флавиев и Антонинов была новым обществом с распространенной системой гражданства и политико-экономическим балансом между Империей и городом, разными провинциями и частями огромной сверхдержавы, монархической идеей и стоической доктриной, религиозным синкретизмом и олимпийским пантеоном.

4. Период этой монархии завершился острейшим кризисом 60–90-х гг. II в. н. э. и монархией Северов, сочетавшей новые военно-бюрократические и абсолютистские принципы и антониновские традиции. Первый принцип воплотился в монархии Септимия Севера и Каракаллы, второй — в правлении Макрина и Александра Севера. В 238 г. н. э. произошло их явное столкновение принципов, открывшее эпоху кризиса III в. н. э.

5. Военная монархия III в. н. э. пришлась на эпоху тяжелейшего военного кризиса и экономического упадка, когда практически все находилось в руках армии. Именно в этот период практически все, включая религию, право и идеологию, отступило перед чисто силовым фактором. Итогом кризиса стал доминат, абсолютная и наследственная монархия Диоклетиана и Константина.

Трудно отрицать, что принципат был монархической системой, вместе с тем, эта система была весьма специфична и представляла собой синтез республиканских, квазиреспубликанских, абсолютистских и даже теократических принципов. Для окончательного суждения необходимо рассмотреть другие элементы имперской системы.

ТЕМА 5 РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ОРГАНЫ ПРИ ИМПЕРИИ

Управленческий аппарат Империи состоял из двух основных частей — старого республиканского аппарата и новых управленческих структур, созданных императорской властью. Первый, главным образом, основывался на сенате и сенаторах и сохранял республиканские традиции отношений субординации старших и младших, второй комплектовался как за счет всадников, так и за счет либертов, и был построен на основе назначения и иерархического подчинения. Империя сохранила республиканский аппарат почти целиком: все три его части — комиции, магистраты и сенат — намного пережили республику и сходили со сцены лишь постепенно, а кое-что осталось даже в эпоху Поздней Империи.

1. НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ

Комиции были самым слабым звеном этой системы, и, возможно, главной предпосылкой этого обстоятельства было то, что число граждан резко возросло, а их географическое распределение существенно вышло за пределы Италии и даже близлежащих провинций. Ценз 28 г. до н. э., отражавший положение в начале принципата Августа, дал 4 063 000 человек, в 8 г. до н. э. перепись учитывала уже 4 233 000 человек, а в последний год правления первого принцепса их число достигло 4 937 000 (14 г. н. э.). Последний ценз при Клавдии дал 5 984 872 человека (48 г. н. э.), после чего подобные переписи уже не проводились, хотя число граждан продолжало расти, вероятно, еще более быстрыми темпами. Римляне знали принцип голосования на местах (иной вариант был теперь невозможен), но превратиться в систему общенародного голосования он не мог ни по сути, ни технически. Между тем, комиции по-прежнему оставались городским собранием Рима, учитывавшим только голоса явившихся на Форум жителей города.

В политическом плане народное собрание оказалось лояльным к Империи. Оно активно поддержало Цезаря, а в марте 44 г. до н. э. обеспечило победу Марка Антония. В августе 44 г. народ восторженно встретил Октавиана и с тех пор почти всегда оказывал ему поддержку. В комициях были приняты закон Педия об осуждении убийц Цезаря и закон Тиция от 27 ноября 43 г. до н. э. об объявлении Антония, Октавиана и Лепида триумвирами для устройства государственных дел (R. g., 1; Liv. Epit., 1, 120; Suet. Aug., 2; App. B. C., IV, 7; Dio, 54, 47, 1).

Комиции продолжали существовать во времена триумвирата, и только в период Перузийской войны (40 г. до н. э.) и во время борьбы с Секстом Помпеем (36 г. до н. э.) усиливается народное недовольство режимом триумвиров и особенно — находившимся в Италии Октавианом. В 40 г. до н. э. народ приветствовал захватившего столицу Луция Антония, выступавшего против аграрных переделов, производимых правящим режимом, а в 36 г. до н. э., страдая от установленной Помпеем морской блокады, выражал протесты против бездействия Октавиана. Победа над Помпеем и прекращение трудностей с недовольствием снова привели к росту популярности наследника Цезаря. Перед войной с Антонием граждане Италии и Рима в обстановке всеобщего энтузиазма дали присягу на верность Октавиану (R. g., 25).

Во времена Августа Рим претерпевает существенные изменения. Из полиса город превращается в мегаполис. Ко времени 80-х гг. Рим обезлюдел, и даже во времена Цезаря население его едва ли превышало 150 тыс. свободных граждан и примерно близкое к этому число либертов, неграждан и рабов (Liv. Epit., 115; Suet. Iul., 41, 3; Plut. Caes., 55). Значительный рост происходит во времена Августа. Принцепс сообщает о 200 000 человек, получавших хлеб во 2 г. до н. э. (R. g., 15), 250 000 — получивших подарки в 2 г. до н. э. и 320 000 — получивших подарки в 5 г. до н. э. (Ibid). Естественно, речь идет только о свободных гражданах и, возможно, лишь о беднейшей части населения. По мнению Г. С. Кнабе, с конца III в. до н. э. до конца I в. н. э. население Рима выросло со 150 000 до 1 000 000 человек¹⁴². Во времена Клавдия и Нерона столица была мегаполисом с более чем миллионным населением.

Огромное количество вольноотпущенников, оседавших в Риме, и столь же значительное количество мигрантов из провинций способствовало необычайной пестроте населения в этническом отношении. По подсчетам Г. С. Кнабе, в I в. н. э. 75 % столичных надписей содержат неримские имена. Примечательно, что аналогичная картина наблюдается по всей Италии, когда неримские имена составляют около 50 % имен в Медиолане, Пагавии и Беневенте и около 40 % в небольших городах¹⁴³. В Риме появились целые этнические кварталы: один из 14 регионов Рима был населен иудеями, существовали большие поселения сирийцев, каппадокийцев, финикийцев, греков, африканцев. В подобной ситуации единство населения, характерное для Рима-полиса и даже Рима времен

¹⁴² Кнабе Г. С. Древний Рим, история и повседневность. С. 162.

¹⁴³ Кнабе Г. С. Римское общество в эпоху ранней Империи // История древнего мира. М., 1989. С. 131.

полисной республики I в. до н. э. фактически исчезает, а с ним исчезает и смысл существования народного собрания. Римские комиции уже не отражали интересы всех римских граждан и не являлись их представителями, с другой стороны, они уже не представляли и огромное многонациональное население Рима.

Косвенным свидетельством роста города было огромное внимание императоров (от которых теперь зависело все) к городскому строительству, равно как и к проблемам продовольствия, водоснабжения и организации городских служб. Самые активные строительные работы происходили при Августе. Программа затронула как храмы и общественные сооружения, так и акведуки и хозяйственные постройки (R. g., 19–20; Suet. Aug., 28), а сам первый принцепс не без оснований заявлял, что сделал город из кирпичного мраморным (Suet. Aug., 28, 5). Тиберий несколько сократил строительные программы, фактически остановленные при Калигуле по причине финансового краха. Масштабное строительство началось при Нероне и продолжалось при Флавиях и Траяне, став, вероятно, следствием грандиозного пожара 64 г. н. э. (Tac. Ann., XV, 38–43; Suet. Vit., 15; Nero, 38; Xiph., 168) и пожаров 69 (Tac. Hist., III, 64–65; Xiph., 200) и 80 г. н. э. (Suet. Tit., 8; Xiph., 214). Вероятно, ко времени Траяна город был восстановлен и обрел тот облик, который он имел в эпоху принципата.

В 22 г. до н. э. Август взял на себя «заботу о городе» (*cura urbis*). Еще ранее, с 26 г. до н. э., появляется должность градоначальника, префекта города, ставшая постоянной с 13 г. н. э. При Августе создаются городские службы: 3 городские когорты (по 1000 человек), игравшие роль городской полиции, и 7 когорт вигилов — военизированной пожарной охраны под началом специальных префектов. При нем же к охране правопорядка начинают привлекать преторианцев. В полной мере это происходит при Тиберии, когда гвардию перевели в Рим. В 7 г. до н. э. Август провел реформу городской администрации. Рим был разделен на 14 *regiones*, управляемых бывшими префектами и эдилами, и 265 *vici* (кварталы, переулки) со специальными *vicomagistri*.

В условиях Рима особое значение приобретают вопросы снабжения продовольствием и водой. Еще в 23 г. до н. э. Август взял на себя заботу о продовольствии. Вопрос о снабжении зерном был урегулирован путем подключения к этим задачам Африки и Египта (Jos. VJ., II, 186), что было вызвано не только упадком производительности сицилийских поставщиков, но и необходимостью резкого увеличения объемов снабжения. Был упорядочен и процесс доставки (море надежно контролировалось римским императорским флотом, находившимся в Мизене и Равенне), равно

как и процесс распределения хлеба между жителями столицы. Вскоре после 6 г. н. э. была введена должность префекта анноны (продовольствия), а назначенный Августом Гай Турраний пробыл на этом посту минимум до 48 г. н. э. Отлаженная при Августе система снабжения оказалась надежной, испытыв кризис только при Калигуле (Suet. Calig., 26). Серьезное ухудшение происходит после гибели в 64 г. н. э. Кампанского (Мизенского) флота (Tac. Ann., XV, 46), кризиса 65–68 гг. и гражданской войны 68–69 гг. н. э. После победы Веспасиан восстановил систему, и вплоть до Коммода серьезных проблем с продовольствием не было.

Согласно данным Фронтин, была налажена и система водоснабжения. Четыре водопровода республиканского времени (Аппиев, Старый Анио, Марциев и Теплый) давали достаточно большое количество воды (2202 квинария)¹⁴⁴, которого, однако, уже не хватало для огромного мегаполиса. Два водопровода, построенные при Августе — Юлиев и Дева — дали еще 760 квинариев воды. Окончательно проблему водоснабжения решил построенный при Клавдии огромный водопровод Клавдиев и Новый Анио (50 г. н. э.), давший 2320 квинариев воды¹⁴⁵.

Достаточно часто упадок роли комиции объясняется гражданскими войнами, созданием принципата и подавлением полисной демократии императором и сенатом. Это лишь одна из причин, причем едва ли главная. Важнее было то, что исчезла сама основа этих собраний, римское полисное гражданство, а потому можно отметить несколько факторов новой ситуации. Во-первых, народное собрание уже никоим образом не могло представлять 4–6-миллионную массу граждан Империи, проживающих на всей территории Италии и отчасти (около 1/6) расселившихся по всей огромной державе, тем более что обе тенденции (увеличение и расширение) продолжали прогрессировать. Во-вторых, оно не могло представлять интересы другого гигантского сообщества, более чем миллионного населения Рима, крайне пестрого в этническом, политическом, социальном и правовом отношении. Наконец, новые реалии и проблемы потребовали от власти новых путей их решения. Император стал хозяином Рима, ответственным за управляемость, правопорядок, продовольственное снабжение и водоснабжение города. Этой же цели было подчинено создание особой, отличной от государственной, городской администрации (чего не было при республике), также подчиненной принцепсу.

История римского народного собрания растянулась еще на столетие. В 27 г. до н. э. Август восстановил его функции. Комиции сохранили свои

¹⁴⁴ 1 квинарий — 240 л.

¹⁴⁵ Кнабе Г. С. Древний Рим, история и повседневность. С. 81.

законодательные и выборные полномочия, хотя и получили конкурента в лице сената, поскольку сенатусконсулт получил силу закона. В этой ситуации мы зачастую не можем определить, был ли тот или иной закон принят сенатом, народным собранием или обеими инстанциями.

От времени Августа дошло около двух десятков законов, причем некоторые из них имели особое значение (законы Фуфия-Каниния и Элия-Сентия о либертах и законы Юлия и Папия-Поппея о браках) и, вероятно, были приняты комициями. Комиции активно участвовали в предоставлении почестей первому принцепсу. Как сообщает Август, полномочия, которые он получил в 27 г. до н. э., были подтверждены народным собранием (R. g., 34). В комициях совершались ежегодные продления трибунской власти императора, а возможно, и пятикратное продление проконсульского империя, в 19 г. до н. э. сенат и народ дали Августу *cura legum et morum* (R. g., 6). Наконец, именно в комициях он избирался в консулы и на жреческие должности, а в 12 г. до н. э. был выбран верховным понтификом. Наконец, во 2 г. до н. э. сенат и комиции дали императору титул *pater patriae*. Первый принцепс с полным основанием мог считать, что получил свои полномочия от народа.

Комиции продолжали избирать всех магистратов (цензоры, консулы, преторы, эдилы, народные трибуны, квесторы, члены комиссии 26-ти), формальные изменения были незначительными, и возможно, главным из них было появление *ius commendationis* принцепса.

Согласно *lex de imperio Vespasiani*, поддержка могла быть оказана как в форме помощи в проведении предвыборной кампании и призыве голосовать за кандидата (*commendatio*), так и в форме прямого выдвижения (*suffragatio*). Наконец, хотя первоначально это было очень редким, принцепс мог пойти на прямое назначение (*nominatio*). На практике — человек, заручившийся поддержкой Августа, мог считать себя избранным, а качество «кандидата Августа» даже специально указывалось в надписях (Dess., 973). Светоний сообщает, что Август сам обходил трибы перед выборами и по старинному обычаю просил за своих кандидатов (Suet. Aug., 54). Почти до конца жизни, пока позволяло здоровье, принцепс лично являлся на выборы и подавал голос как простой гражданин (Suet. Aug., 54).

История комиций при Августе знает ряд сложных ситуаций, которые, впрочем, скорее показывают их лояльность к принцепсу. В 22 г. до н. э., когда в Риме начинались голод и болезни, народ окружил курию, требуя диктатуры для Августа. Принцепс отклонил предложение, но взял на себя заботу о продовольствии (*cura annonae*), после чего началась реорганиза-

ция городских служб и восстановление положения (Dio, 54, 1; R. g., 5). В 21 г. до н. э., после беспорядков на консульских выборах, Август ввел должность префекта города, а в 19 г. до н. э. казнил строителя беспорядков, Эгнатия Руфа.

В 18 г. до н. э. был принят закон о подкупе (*de ambitu*). Осужденному запрещалось занимать должность в течение 5 лет, а в случае организации мятежа он изгонялся или депортировался на острова (Dio, 54, 16, 1; Suet. Aug., 34); в 8 г. до н. э. с целью борьбы с подкупом Август ввел предвыборный залог (Dio, 55, 6). В 12 г. до н. э., в условиях нехватки кандидатов, Август сам пополнил число соискателей должности трибуна (Dio, 54, 30, 2).

Важные реформы пришлось на последний период правления Августа, 5–7 гг. н. э., время острого кризиса. В 5 г. н. э. появился закон Валерия–Корнелия, известный через надпись *Tabula Hebana*, дающий сенаторам и всадникам, исключенным в декурии судей (*decuria iudicum*), особую роль в голосовании. Эта группа голосовала в 10 центуриях (*centuriae prerogative*) (в 19 г. н. э. их стало 15, а в 23 г. н. э. — 20) и вырабатывала предварительное решение или предварительный список кандидатов, позже предлагаемых остальному собранию. Последующие события 6–7 гг. н. э. вполне могли быть следствием этой реформы. В 6 г. н. э. в Риме начались голод и волнения, ожидалось восстание (Dio, 55, 26–27). Август пошел на крайние меры, выселив из города работяг с их рабами, ланист, гладиаторов и всех иноземцев, кроме врачей и учителей, а также немалое количество рабов (Suet. Aug., 42). В 7 г. н. э. он сам назначил всех магистратов на 8 г., однако в следующем году вернул прежний порядок.

В 14 г. н. э., после смерти Августа, произошли новые существенные изменения. 17 сентября 14 г. н. э. Тиберий получил властные полномочия на заседании сената, что лишило комиции участия в наделении императора полномочиями. В том же году произошло перенесение магистратских выборов из комиций в сенат. Официальным основанием был подкуп избирателей. По замечанию Тацита, реформа прошла спокойно, вызвав одобрение сенаторов и незначительное недовольство в народе (Tac. Ann., I, 15). Впрочем, известно, что Тиберий был вообще непопулярен в среде городского плебса.

Калигула пытался вернуть выборы в комиции, но его попытка не имела серьезных последствий (Suet. Calig., 16). Римский народ скорее превращался в группу давления. В январе 41 г. н. э. толпы людей поддерживали инициативу преторианцев по избранию Клавдия (Ibid., 10). Массы населения с энтузиазмом встретили приход к власти Нерона, популярность которого выросла во время первого пятилетия, но резко упала после

пожара Рима. Городской плебс принял участие в нападении на Флавия Сабина и расправе над Вителлием.

Городские массы с симпатией встретили флавианскую стабилизацию, особенно после вывода войск из Италии и ликвидации угрозы голода после победы Веспасиана (Tac. Hist., IV, 52). Известно об исключительной популярности Тита. Если Флавии поддерживали свой имидж путем устройства дорогостоящих и эффектных строительных и зрелищных программ, то Антонины (Нерва и особенно — Траян и Адриан) возвели благотворительность в ранг государственной политики. Постепенно система распространилась в Риме, Италии и провинциях.

Ко времени Нервы относится, вероятно, последний случай участия римских комиций в законодательстве. После перенесения выборов в сенат, регулярная деятельность народных собраний фактически прекратилась, поскольку, в отличие от выборов, принятие законов было конкретной процедурой *ad hoc*. Более того, сенат и император все больше и больше превращаются в самостоятельные источники права. В 96 г. н. э. (или 97 г.) при Нерве был принят аграрный закон о разделе земель в Италии и выводе колоний, но мы не знаем, был ли этот закон искусственным возрождением старинной, давно забытой традиции, или последняя действительно сумела дожить до столь позднего времени.

2. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Кроме народного собрания в Риме, народные собрания существовали в италийских и провинциальных муниципиях. I–II вв. н. э. были временем расцвета урбанизации. В одной Италии было около 1200 больших, средних и малых городов, по всей Империи их было несколько тысяч. Город стал главной ячейкой жизни Римской державы. Происхождение городов было различным. Многие из них возникли до римского завоевания (города фараоновского Египта, доэллинистические города Сирии, Греции и Малой Азии, старые финикийские города Финикии, Африки и Испании, древние поселения галлов, испанцев и бриттов). Большинство из них продолжали существовать в римскую эпоху. Другую группу представляли римские города, часть которых существовала уже в республиканскую эпоху. Наконец, очень много городов было построено императорами, особенно во II в. н. э. Многие старые города значительно выросли в период Империи. Новые города возникали как колонии, выводимые императорами, поселения вокруг военных лагерей или солдатских стоянок, это могли быть и местные центры, превращенные в города римлянами.

Если старые города доминировали в районах со старыми традициями цивилизации (Сирия, Малая Азия, Греция, Африка, Италия, юг Испании), то в некоторые районы городскую жизнь принесли римляне (север Испании, области Рейна и Дуная, внутренние области Малой Азии).

Город (греческий, эллинистический, восточный) имел самоуправление. Структура западных и римских городов была более стереотипна. Правовое положение было различным: высшую категорию представляли собой колонии римских граждан и муниципии, затем шли латинские колонии, свободные города (*civitates liberae*) и, наконец, податные города (*civitates stipendiarii*).

Жители муниципия могли иметь римское или латинское гражданство и одновременно имели свое. В подчинении муниципия были хора и мелкие города, муниципий имел значительную степень самостоятельности в решении городских вопросов. Жители городов (*stipendiarii*) считались перегринами, хотя и у них были собственное гражданство и власти. В I в. н. э. статус муниципия в основном имели города Италии, Галлии и Испании, ко II в. н. э. их получают города Африки, Греции и восточных провинций (Малая Азия, Сирия, Египет).

Структура муниципия копировала Рим. Существовали народные собрания, местный сенат (*ordo decurionum*) или курия, обычно состоящая из бывших магистратов, и, наконец, городские магистраты. Народные собрания в колониях, муниципиях и не имевших гражданство городах имели примерно те же функции, что и народное собрание республиканского Рима: выборы магистратов, принятие постановлений, регулирующих жизнь города, и получение необходимой информации. Период I–II вв. н. э. отмечен активной деятельностью местных собраний и предвыборной борьбой.

В римских городах число куриалов, как правило, составляло 100 человек, в греческих курия сохраняла традиционную структуру (например, в Антиохии было около 600 человек). Система магистратов в римских и западных городах была довольно стандартна: дуумвиры, избираемые по аналогии с римскими консулами, два эдила, ведавшие порядком в городе, и два квестора, выполнявшие функции городских казначеев. Раз в пять лет избирали специальных *duoviri quinquennales*, выполнявших функции цензоров. Восточные и греческие города строили свою систему по греко-эллинистическому образцу: народное собрание, совет (буле) и должностные лица, более разнообразные, чем в городах «римского» и «западного» типа (архонты, номофилаки, агораномы, полеты, стратеги и др.).

К концу II–III вв. н. э., с ухудшением политического и финансового положения, имперское правительство стало настаивать на обязательном заполнении вакантных должностей по усмотрению совета и выдвижении кандидатов на должности, т. е, заставлять его делать примерно то же, что уже происходило в Риме. В III в. н. э. советы становятся почти наследственными, а членство в курии стало не выгодной престижной почестью, а тяжелым бременем. К IV в. н. э. народные собрания фактически исчезают, хотя и после этого времени в городах встречаются формальные или неформальные собрания народа, организации типа цирковых партий и собрания и сходы в мелких городах и деревнях.

Важной частью микроструктуры были коллегии, особенно процветающие при Юлиях-Клавдиях, Флавиях и Антонинов. Коллегии были распространены в Италии, провинциях и Риме. Коллегии представляли собой некое сочетание профессиональных союзов, религиозных сообществ и клубов. Многие коллегии строились по чисто профессиональному признаку (купцы, судовладельцы, медники, кожевники, глашатаи, рыбаки и др.), другие — по принципу религиозному, наконец, существовали коллегии, организованные с целью совместных трапез, увеселений или наоборот — для организации похорон. Некоторые представляют собой своеобразные кассы взаимопомощи. Коллегии регистрировались властями, и в случае регистрации получали статус «разрешенных» (*collegia licita* или, в случае религиозных сообществ — *religio licita*). Запрещенные коллегии (*illicita*) преследовали. Коллегия имела свой устав, кассу, выборных должностных лиц, собрания членов коллегий, членство в коллегиях, знамя и праздники. Расцвет системы коллегий приходится на II в. н. э.

После Августа города Италии имели римское гражданство, что создавало их жителям правовую защиту и возможность (прежде всего, для городской элиты) занимать места в управленческой структуре державы, получать всаднический ранг, формировать сенат и имперскую бюрократию. В I–II вв. н. э. эти возможности получили провинциальные города, имевшие римское гражданство. В городах «латинского права» римское гражданство получали местные магистраты и декурионы. Созданию провинциальных элит и росту числа провинциалов в высших слоях способствовала и провинциализация армий, вначале — рядового, а затем — офицерского и высшего командного состава.

Известным показателем является изменение состава сената, когда число провинциалов в сенате выросло с 23,4 % при Домициане до 45 % при последних Антонинах. Меняется и число сенаторов из восточных провинций (Греция, Македония, балканские провинции, Малая Азия, Сирия,

Египет, Африка). При Домициане они составляли 15,8 % от общего числа сенаторов-провинциалов, при Траяне — 34,6 %, при Адриане — 36,81 %, при Антонине Пии — 56,5 %, при Марке Аврелии — 63,7 %¹⁴⁶. Через своих представителей, сенаторов, всадников, людей из имперской бюрократии, провинциалы могли влиять не только на действия собственной провинциальной администрации, но и на общеимперскую политику, тем более что помощь родному городу всегда считалась естественным и престижным занятием.

Эпоха принципата, характерная централизацией власти в рамках Империи, вместе с тем, отмечена расцветом институтов местного самоуправления, причем не только на городском, но и на более высоком уровне. В эллинистических провинциях возрождаются собрания представителей городов данной области, региональные и общие союзы и лиги. В Греции возрождается Дельфийская амфикифия, Аргосский, Ахейский и Беотийский союзы, появляется Лаконский союз. При Адриане возникает Панэллинская лига. Эти процессы шли не только в Греции. У фракийской границы возникает припонтский союз городов, в Малой Азии появился союз городов Трояды. В малоазийских провинциях возникают региональные собрания во главе со жрецами (азитархи, галаттархи, вифинтархи). В Галлии происходит образование «союза Трех Галлий», в который вошли 60 (или 64) общины (*civitates*)¹⁴⁷. Представители союза собирались в Лугдуне и выбирали единого жреца для исполнения императорского культа. На этих собраниях решались важнейшие вопросы жизни провинций, а в 68 г. н. э. Виндекс объявил о восстании против Нерона. В Испании такого рода единой системы не было, однако в каждой провинции еще с республиканских времен существовало свое собрание. Кроме того, традиционные общины укрупнялись. Процесс укрупнения происходит и в Британии. Для Сирии, Африки и Египта более характерны концентрация местного управления вокруг бывших их центрами крупных мегаполисов — Антиохии, Карфагена и Александрии, где местное самоуправление сохраняло свое значение и в IV–V вв. н. э.

Итак, в I–II вв. н. э. наблюдается всеобщий расцвет местного самоуправления на всех уровнях, начиная от органов самоуправления мелких деревень и сел и заканчивая органами управления мегаполисов типа Александрии или Карфагена и большими собраниями провинций. Это

---

¹⁴⁶ *Hammond M.* Composition of the Senate A. D. 68–235 // *JRS.* 47. 1957. P. 77; *Petit P.* Le II-e siècle... P. 367.

¹⁴⁷ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. С. 71–72.

самоуправление помогало властям и, вместе с тем, влияло на их решения, защищая интересы провинций.

Местные структуры приняли активное участие в событиях III в. н. э., оказывая поддержку или противодействие как центральной власти, так и местным политическим элитам. После тяжелых войн 60–80-х гг. II в. начинается ухудшение положения практически всех провинций, даже весьма отдаленных от театра военных действий, и в этих условиях на смену взаимодействию приходит противостояние и соперничество. Если война 68–69 гг. н. э. была войной римских армий, стоящих в провинциях, с участием провинциальных ополчений и привлечением их ресурсов, то война 193–196 гг. н. э. была войной практически полностью провинциализированных армий и, вместе с тем, войной провинций. Паннонские и дунайские провинции стояли за спиной Септимия Севера, восточные области, особенно Сирия, — поддержали Песценния Нигера, для которого особое значение имела поддержка жителей Антиохии, а Галлия, и особенно Британия, — Клодия Альбина. Эта тенденция продолжалась и в других событиях правления Северов: поддержка сирийских городов имела решающее значение для победы Гелиогабала в 218 г. н. э., восстание Гордианов было восстанием африканской провинции, где армию заменило местное ополчение (238 г.). В том же году героическая оборона Аквилеи, в которой принимали активное участие жители города, привела к разгрому армии Максимиана. Эти процессы усилились в период кризиса III в. н. э., а их кульминацией стало появление Галльской Империи, Пальмирской державы Одената и Зенобии, а также серии паннонских и малоазиатских узурпаторов.

III век привел к сильнейшему упадку экономики, разрушению многих процветающих городов, разрыву экономических и торговых связей и распаду единого имперского рынка. Происходит повсеместный упадок индустрии, ремесла и торговли и экономическое обособление регионов. Все эти процессы распада Империи, упадка городов и натурализации хозяйства усилились вследствие гиперинфляции, девальвации денег и их выхода из обращения. Экономический кризис сопровождался политическим распадом, и оба процесса постоянно влияли друг на друга. Провинции и регионы становились все более и более независимыми, а стоящие в них войска — все больше и больше связанными с местным населением. Внутренние проблемы сочетались с внешними: ряду провинций, особенно пограничных, приходилось на свой страх и риск выстраивать отношения с внешним врагом, либо сдерживая его вместе с почти не помогающими силами центральной власти, либо объединяясь с варварами против импе-

рии. Наиболее ярким показателем подобного поведения можно считать совершенно самостоятельную и зачастую враждебную Империи политику Галльской Империи и Пальмирского царства.

В IV в. н. э. Империя вышла из кризиса. Вместе с тем, реставрация Диоклетиана и Константина существенно изменила соотношение органов центральной власти и местного (провинциального, регионального и городского) самоуправления в сторону фактической ликвидации последнего. Итогами реставрации стало дробление провинций, резкое увеличение численности императорских чиновников, упадок сословия куриалов и значения городов, рост налогов и кризис городских финансов, фактическое исчезновение органов самоуправления провинций. Это новое соотношение было характерно уже для времени домината.

3. РЕСПУБЛИКАНСКИЕ МАГИСТРАТУРЫ

Хотя реальное значение магистратур резко упало, и все они были теперь подчинены принцепсу, Август сохранил все пять основных магистратур республики (консульство, претура, народный трибунат, эдилитет и квестура). Сохранилась и их последовательность (*cursus honorum*), и интервалы между ними, регламентированные «годовыми законами» (*leges annales*). Консулы и преторы лишились всяческой военной власти. Войска стояли в провинциях под общим командованием императора и конкретным руководством его легатов и (значительно реже) — подчинявшихся сенату проконсулов и пропреторов. Власть республиканских магистратов реально ограничивалась Италией и Римом и, по сути дела, сводилась к роли помощников принцепса по руководству сенатом и чисто городских магистратов.

До 14 г. н. э. магистратов выбирали комиции, после 14 г. н. э. выборы происходили в сенате. Императоры использовали *commendatio*, хотя уже в I в. н. э. устанавливается правило, что любая кандидатура должна была получить одобрение принцепса. Выборы, как правило, происходили в январе (ординарные консулы, преторы и эдилы), квесторов по традиции выбирали 5 декабря, а трибунов — 10 декабря. Хотя роль императора в выборах постепенно возрастала, сильная конкуренция между магистратами существовала даже во II в. н. э. Вопрос о жреческих коллегиях не совсем ясен: часть их членов кооптировалась по рекомендации императора, а другая, возможно, избиралась в сенате. При нехватке кандидатов или в случае их взаимного согласия допускалась жеребьевка, а

иногда и прямое назначение принцепсом. К III в. н. э. окончательно утвердилось последнее.

Цензура. Цензура единственной из всех перестает быть ординарной должностью. Цезарь и Август взяли на себя главные цензорские функции — перепись граждан и ценз сенаторов и всадников. Все пять *lectiones* сената (29, 18 и 9 гг. до н. э., 4 и 14 гг. н. э.) проводил лично Август, два первых — вместе с Агриппой, три последних — с Тиберием. Два ценза (18 г. до н. э. и 4 г. н. э.) проводились при активном участии сенаторов.

Все эти цензы проводились Августом без взятия на себя цензуры. В 29 г. до н. э. он все еще действовал как триумвир, а с 19 г. до н. э. уже имел *procuratoria tōn koivōn* или *cura legum et morum*. Тем не менее, цензура сохранялась. В 22 г. до н. э. Август отказался от предложенной ему должности пожизненного цензора и назначил на этот пост Л. Мунация Планка и Л. Эмилия Лепида (Dio, 54. 2, 1–3; Suet. Aug., 37). После 22 г. до н. э. цензоры не избирались. Теперь цензура появлялась крайне редко и в особых ситуациях, причем, одним из цензоров всегда был император: Клавдий (47–48 гг. н. э.), Веспасиан и Тит (73–77 гг. н. э.), Домициан (84–96 гг. н. э.), Деций (250–251 гг. н. э.). Таким образом, должность берется *ad hoc* и длится не прежние полтора года, а в течение произвольного срока, от 2 до 12 лет. Коллегой Клавдия был его друг и видный сановник П. Вителлий, коллегой Деция — его друг и будущий император Валериан, Домициан коллег не имел. Во время всех цензур происходили значительные реформы.

Консульство. Все остальные магистратуры сохранились как годичные ординарные должности, впрочем, перемены начались уже в эпоху гражданских войн. После Суллы консулы были фактически отстранены от военного командования, а их империй ограничивался Италией. При Цезаре начинается развитие системы консулов-суффектов. При республике суффекты избирались только в случае смерти или смещения ординарного консула. В период с 366 по 49 гг. до н. э. было всего 17 суффектов, в 45–43 гг. до н. э. появилось уже 5 суффектов, а с 40 по 29 гг. до н. э. они избирались ежегодно, причем, как правило, причиной была не смерть ординарного консула. Возникает еще одно изменение: если республиканские суффекты были равноправны, то новые суффекты уже имели более низкий ранг.

Постепенно срок консульства сокращается до 6, 4 и даже 2 месяцев (в год было от 4 до 12 консулов). Происходит определенное разделение: императоры, наследники, члены правящей семьи, близкие друзья и выс-

шие сановники становились ординарными консулами. Среди них были префекты претория, известные полководцы и высшие представители сенатской и императорской администрации. Суффекты были более нижним этажом политической элиты — дальние родственники императора и высокопоставленные члены сенатского и императорского аппарата.

Функцией консулов осталось управление Италией и председательство в сенате, если эти функции не брал на себя принцепс. Постепенно управленческие функции берут на себя императорские чиновники, а управление Римом переходит под контроль императорских префектов города. В эпоху домината префект стал председателем сената. Тем не менее, в качестве чисто почетной функции консульство сохранилось до самого конца Западной Империи и даже в Византии.

Преторы. Цезарь увеличил количество преторов до 16, в 27 г. до н. э. Август сократил их число до 8. В 23 г. до н. э. появились два новых претора эрария (*praetores aeraarii*), ведавшие казной. В конце правления Августа преторов стало 12, при Тиберии — 16, при Флавиях — 18.

Преторы лишились военных функций еще при Сулле, хотя в период 80–31 гг. до н. э. это правило иногда нарушалось. Подобная практика полностью прекратилась после появления проконсульского империя Августа в 27 и 23 гг. до н. э.

Основной функцией преторов остается судопроизводство, реально ограниченное Италией и Римом. Как и республиканские преторы, преторы императорского времени могли издавать эдикты (*ius edicendi*) и, также как и в эпоху поздней республики, преторское право в эпоху принципата остается одним из источников римского частного права.

Важная реформа преторского права происходит при Адриане, когда в 129 г. н. э. знаменитый юрист Сальвий Юлиан составил утвержденный императором «Постоянный эдикт» (*Edictum perpetuum*) (*Eutr.*, VIII, II; *SJ.* I. 17, 2; 16, 7; 10, 1). Преторское право сохраняется и после этого, во времена поздних Антонинов, постепенно исчезая к III в. н. э., когда правотворчество окончательно сосредоточивается в окружении императора и особенно — в аппарате префекта претория. В III в. пост префекта претория занимали многие видные юристы (Юлий Павел, Папиниан, Ульпиан). Со времени Диоклетиана преторская юрисдикция исчезла: в Риме она переходит к префекту города, а в Италии, административное устройство которой было приведено в соответствие с делением остальных регионов — к префекту претория, викарию диоцеза и наместникам провинций.

В 21 г. до н. э. Август поручил преторам устройство и надзор за играми. Устройство игр в Риме остается обязанностью преторов в III, IV и V вв. н. э.

Народные трибуны. Вероятно, императорская власть нанесла особо сильный удар именно по трибунату. Перенесение выборов в сенат и постепенное отмирание комициального законодательства прервали отношения между трибунами и народным собранием и отняли у трибунов роль народной магистратуры. Трибунская власть императора сократила и ограничила *ius auxilii*, право интерцессии и другие полномочия этих магистратов. Тем не менее, трибунат сохранился, а деятельность трибунов была частично перенесена в сенат.

Трибунат оставался чисто плебейской магистратурой. Как и ранее, трибунов было 10, их власть действовала только в пределах городской черты (померия) и в одномильной зоне, трибун не имел права покидать Рим. В особых случаях трибун мог созывать сенат. Источники упоминают о трибунском вето (Тас. *Ann.*, I, 77; VI, 47). Лишившись политической власти, трибуны вместе с эдилами и преторами выполняли функции надзора за порядком в городе. Большинство упоминаний о трибунах относится к I в. до н. э., хотя информация сохраняется и у авторов II в. (Арриан, Плиний, Тацит). Во времена Антонинов трибуны, видимо, еще были, в III в. н. э. они исчезают окончательно.

Эдилы. До Цезаря было 4 эдила (2 курульных и 2 плебейских). Цезарь учредил должность так называемых «хлебных эдилов» (*aediles cereales*), занимавшихся организацией хлебных раздач. Эдилитет был чисто городской должностью, эдилы сохраняли свои полицейские функции, *cura annonae* и *cura ludorum*. В 22 г. до н. э. заботу о продовольствии взял на себя Август, непосредственно поручив распределение зерна двум преториям (Дио, 54. 1, 4). Позже эти функции перешли к императорскому префекту анноны, а полицейские полномочия берут на себя преторианцы и вигилы во главе с их префектами. Некоторое время эдилы сохраняли за собой надзор за рынками. Вплоть до конца истории Империи обязанностью эдилов остается устройство игр, когда они становятся помощниками преторов.

Квесторы. Традиционная численность коллегии была установлена при Августе. Квесторов стало 20, а сокращение их по сравнению с количеством, установленным Цезарем (40), было произведено во время *lectiones* сената в 29 и 18 гг. до н. э., когда число сенаторов сократилось до 600.

Распределение обязанностей между квесторами оставалось прежним: 2 городских, 2 военных, 4 италийских и 14 провинциальных квесторов. Городские квесторы (квесторы эрария) были заменены Августом на двух префектов эрария, при Клавдии снова появились квесторы, а при Нероне происходит возвращение к августовской схеме (Тас. Ann., XIV, 29). Провинциальные квесторы исполняли свои функции при наместниках сенатских провинций. Видимо, наибольшее значение приобретают военные квесторы, превратившиеся теперь в квесторов Августа и ставшие представителями императора в сенате.

Как правило, квесторы зачитывали в сенате императорские речи и послания. Из должности квестора Августа постепенно создается должность квестора Священного дворца (Quaestor Sacri Palatii). При Константине квестор стал заместителем императора в императорском совете (консistorии) и часто являлся крупным юристом. Так, например, квесторами дворца были председатель комиссии по созданию Кодекса Феодосия Антиох и председатель комиссии по созданию Кодекса Юстиниана Трибониан.

Республиканские должности имели еще два значения: во-первых, они определяли иерархию в сенате, во-вторых, от них зависело занятие промагистратур. Как и ранее, иерархия в сенате определялась последней занимаемой должностью: цензоры, консуляры, претории, трибуниции, эдилитии, квестории и сенаторы-немагистраты, а система промагистратов имела особое значение для управления провинциями.

Промагистраты. После 27 г. до н. э. семь провинций (Нарбонская и Лугдунская Галлии, Бельгика, Ближняя Испания, Дальняя Испания, Лузитания и Сирия) переходили под проконсульский империй Августа и непосредственно управлялись императорскими легатами проконсульского и пропреторского ранга, назначаемыми принцепсом на произвольный срок. Сроки были разные: император мог задерживать легата на посту сколь угодно долго (например, при Тиберии наместники находились на посту от 3 до 10 лет). Легаты Сирии были консулярами, часто консулярами были легаты Тарраконской Испании, остальными провинциями управляли легаты преторского ранга (*legatus pro praetor*). Им же подчинялись стоявшие в этих провинциях войска.

Остальные 12 провинций (Азия, Вифиния-Понт, Иллирик, Македония, Ахайя, Кипр, Крит и Кирена, Бетика, Африка, Нумидия, Сицилия и Сардиния) были сенатскими и управлялись по традиционной схеме ежегодно сменяемыми и назначаемыми сенатом проконсулами и пропрето-

рами. По установившейся традиции, проконсулы обычно посылались в Азию и Африку (реже — в Македонию, Бетику и Вифинию), остальные провинции были пропреторскими.

Проконсулы и пропреторы, как правило, назначались на год (реже — на больший срок) и формально подчинялись сенату, а как носители империя (теоретически его имели все, а реально — проконсул Африки и наместник Македонии) подчинялись *imperium maius* императора. Впрочем, в I–II вв. н. э. принцепсы старались не принимать прямых действий в отношении сенатских наместников, предпочитая обращаться в сенат и получать его согласие.

Все новые провинции, образовавшиеся в результате завоеваний Августа и его преемников, были императорскими. При Августе появились провинции Аквитания, Паннония, Мезия (позже разделена на Верхнюю и Нижнюю), Реция, Норик, три альпийские провинции (Приморские, Пенинские и Коттиевы Альпы), Галатия и Иудея. Паннония и Мезия управлялись пропреторами или проконсулами, Аквитания и Галатия были преторскими, Реция, Норик и Иудея управлялись императорскими прокураторами, а альпийские провинции — императорскими префектами. В 40 г. появились две прокураторские провинции в Мавретании (Цезарейская и Тингитана), в 46 г. преторской провинцией стала Фракия, в 70 г. — Каппадокия, в 73–74 гг. — Ликия и Памфилия, в 72 г. — Коммагена. К 70-м гг. I в. н. э. окончательно формируется система провинциального управления в Британии (деление на Верхнюю и Нижнюю Британию, управляемые консулярными или преторскими легатами). В 105 г. Траян добавил Дакию, ставшую консульской провинцией, а в 106 г. — Аравию (преторская провинция). В 114–117 гг. появились три новые провинции (Армения, Ассирия и Месопотамия), позже возвращенные Адрианом парфянскому царю.

Таким образом, в I–II вв. н. э. в Империи появляются три категории провинций:

1. сенатские, управляемые проконсулами и пропреторами;
2. императорские, управляемые сенаторами (легаты консульского и преторского ранга);
3. императорские, управляемые внесенатской администрацией (префекты и прокураторы).

Система просуществовала до Диоклетиана. Последний увеличил число провинций почти вдвое (при Адриане было 30 провинций, в III в. н. э. — 50; при Диоклетиане — 97–109), ликвидировал сенатские провинции и унифицировал положение всех регионов Империи. Все наместники

(теперь — лица сенатского ранга) подчинялись императору через систему викариев и префектов претория. Наместники обычно именовались президами (*praesides*), хотя немногие из них сохранили старые титулы префектов или проконсулов. После Константина у них не было военной власти.

Другие сенаторские должности. Во времена Августа появляется ряд новых должностей. Будучи лицами сенатского ранга, эти чиновники получали свои назначения от принцепса, подчиняясь только ему.

Во времена Августа и Тиберия появляется префект города (*praefectus urbis* — должность, исполняемая консуляром, близким к императору). Светоний перечисляет некоторые другие должности: *cura operum publicorum*, *cura viarum*, *cura frumenti dandi* (Suet. Aug., 37), исполняемые специальными комиссиями кураторов.

В 22 г. до н. э. Август принял на себя заботу о продовольствии (*cura annonae*) и назначил двух сенаторов-преториев для выполнения этих обязанностей (Dio, 54. 1, 4), затем их стало четверо, а в 18 г. до н. э. — снова двое (Dio, 54. 17, 1). В 20 г. до н. э. двум преториям была поручена забота о дорогах (*cura viarum*) (Dio, 54. 8, 4), а со 2 г. до н. э. стали назначаться кураторы водопроводов (*curatores aquarum*), также имевшие преторский ранг. Кураторы для раздачи хлеба (*curatores Frumenti dandi*) ведали раздачами продовольствия.

В 8–6 гг. до н. э. создается специальная комиссия для укрепления берегов Тибра (Dess., 5923 a–d), при Тиберии она стала постоянной и состояла из консуляров. Кроме упомянутых Светонием чиновников, надписи упоминают куратора общественных мест (*curatores locorum publicorum*) (Dess., 942; 950); куратора священных мест и памятников (*curator aedium sacrorum et monumentorum*) (Dess., 932). В 28 г. до н. э. сенат начал выбирать из преториев двух префектов эрария (схема менялась, окончательно установившись при Нероне) (Tac. Ann., IV, 29). В 6 г. н. э. появились три префекта военного эрария (Dio, 55, 25), в 4 г. н. э. во время сенаторского ценза была назначена комиссия из трех человек (*tresviri legendi senates* — Dio, 55, 13, 9), другая — чрезвычайная комиссия была создана для проведения всаднического ценза (Suet. Aug., 37). Траян создал комиссию из четырех консуляров для общегаллийской организации алиментарной системы (Dess., 1147; 6106). Адриан назначает четырех консуляров для судопроизводства в Италии (SHA. Hadr., 22, 13). В 238 г., готовясь к войне с Максиминем, сенат создал комитет по обороне Италии из 20 человек.

Сенатская карьера. Структура сенатской карьеры достаточно хорошо известна по надписям, а также по биографиям императоров и других

высокопоставленных сановников Империи. Сенаторская карьера, как правило, начиналась с должности военного трибуна (реже — префекта), после чего в надписях очень часто упоминается сохранившийся с республиканских времен 26 *vigatus* (коллегия 26).

После этого обычно следует традиционная сенатская карьера, начинающаяся с квестуры. Во времена республики минимальный возраст для квестора составлял 30 лет, а для претора — 39 лет. Август понизил его до соответственно 25 и 30 лет. После квестуры человек, как правило, попадал в сенат. Между квестурой и претурой сенатор проходил должности эдила и народного трибуна, хотя были возможны варианты. Трибунат оставался обязательным только для плебеев, а многие сенаторы сразу переходили от квестуры к претуре (Dess., 914; 948) или должности пропретора (Dess., 909; 911; 913), наконец, претуре могла предшествовать должность легата легиона (Dess., 940).

Определенным рубежом становилась претура. После ее исполнения сенатор становился пропретором провинции или легатом пропреторского ранга, а затем мог баллотироваться в консулы. Естественно, консулами становилось меньшинство преториев, и особенностью принципата было «устройство» людей, оставшихся на преторском уровне. Они становились членами многочисленных комиссий кураторов (см. предыдущий раздел) и пропреторами. В отдельных случаях бывший претор мог стать проконсулом (Dess., 905) или легатом преторского ранга. Консульство становилось вершиной карьеры (как правило, лица, не особо близкие к императору, были суффектами), после чего сенатор становился проконсулом сенатской провинции или легатом проконсульского ранга. Он также мог попасть в соответствующую комиссию или занять высокий пост в императорском аппарате (например, префект города).

Квестура, эдилитет, трибунат, претура и консульство были выборными должностями, пропреторов и проконсулов назначал сенат, легатов — император. Как показывает практика, римский политик I–II вв. н. э. проходил через разные должности — как военные, так и гражданские, а хорошо известные нам карьеры императоров II века показывают достаточно традиционный «республиканский» путь, естественно, с учетом имперской специфики. Траян начал военную службу в 18 лет и вскоре (благодаря особым дарованиям) стал легатом легиона, затем он был квестором, претором и ординарным консулом, после чего стал консулярным легатом Верхней Германии и в этом качестве был усыновлен Нервой; Адриан (в период 101–117 гг. н. э.) был последовательно военным трибуном, претором, консулом и консулярным легатом Сирии. Антонин Пий прошел «чис-

то» республиканскую карьеру, будучи квестором, претором, консулом и консуляром для управления Италией (SHA. Pius, 2). Дидий Юлиан был членом коллегий 26-ти, квестором, эдилом, пропретором (Дальней?) Испании, легатом легиона, легатом Бельгики, консулом, легатом Нижней Германии, *curator alimentorum*, легатом Вифинии, снова консулом и проконсулом Африки (SHA. Iul., 1–2). Все эти люди были выходцами из верхов общества: отцы Траяна и Дидия Юлиана были консулярами, а Адриан и Антонин Пий — родственниками императоров. Как видно из примера Дидия Юлиана, ставшего императором достаточно «случайно», после консульства сенатор мог занимать новые консульства, посты легатов проконсульского ранга, членом высших комиссий и обычно уходил на покой, заняв, возможно, самое престижное из сенаторских наместничеств, проконсульство в Азии или Африке.

Сходна с карьерой Юлиана карьера вышедшего из всаднической среды Септимия Севера. Он учился на юриста, стал квестором Бетики и Сардинии, народным трибуном, претором, пропретором Испании (Дальней?), легатом легиона, легатом Бельгики, консулом, легатом проконсульского ранга в Лугдунской Галлии и Паннонии, проконсулом Сицилии, а затем — легатом (Верхней Германии?) и снова — Паннонии (SHA. Sev., 1–5). Еще более длительную карьеру прошел выходец из небогатой простой семьи «сенатский император» Гельвий Пертинакс. Пертинакс начал службу префектом когорты, затем был префектом алы, префектом германского флота и прокуратором. Адриан, продвигавший многих людей незнатного происхождения, сделал его сенатором в ранге претория. Затем Пертинакс стал легатом легиона, консулом, был легатом Сирии, Мезии, Дакии и верхней Британии, *curator alimentorum* и префектом города.

Изменение происходит в III в. н. э. Клавдий II, возможно, начал службу простым солдатом или низшим офицером, затем стал трибуном легиона, дуксом и командующим кавалерией. Аналогичную карьеру прошел Аврелиан. Проб начал с должности военного трибуна, участвовал в ряде военных кампаний, был легатом легиона, командовал армиями (видимо, в качестве легата) в Иллирике, Африке (проконсул?), Египте и Сирии. Как мы видим, все трое сделали практически чисто военную карьеру, несколько отличную от карьер I–II вв. н. э. Иногда их карьера ускорялась, хотя участие в непрерывных тяжелых военных кампаниях явно отличалось от исполнения практически лишенных значения магистратур или даже важных, ответственных, но гораздо более спокойных наместничеств в провинциях Империи.

Принципиальные перемены связаны с реформами Диоклетиана и Константина и временем домината. Военная и гражданская карьеры были окончательно отделены друг от друга, а наряду с системой провинциальной администрации префекта претория появляются особые дворцовые службы (служба препозита Священного дворца, служба магистра официй, финансовые департаменты, служба префекта города). Карьеры конкретных людей обычно проходили в одной сфере деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

20. *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1906–1908. Вып. 1–3.
21. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.
22. *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892 (есть переиздания).
23. Деяния божественного Августа / Хрестоматия по истории древнего мира. Под ред. В. В. Струве. М., 1953, Т. 3. С. 194–197.
24. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / Пер. с лат. И. С. Перетерского. М., 1984.
25. *Павел Юлий*. Пять книг сентенций к сыну / Пер. Е. М. Штаерман // ВДИ. 1971. № 1–2.
26. Писатели истории Августов — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева. М., 1992.
27. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко и А. И. Доватура. М., 1983.
28. *Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати Цезарей. О знаменитых людях. Фрагменты / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.
29. *Тацит Корнелий*. Сочинения в двух томах / Изд. подг. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский и др. Л., 1969.
30. *Цезарь Гай Юлий*. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948 (переиздание — 1991 г.).

Литература Обязательная

6. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 16–18, 22, 23.

7. *Ковалев С. И.* История Рима. Изд. 2-е под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986. Ч. II. Гл. 2, 4, 6, 7, 11–13.
8. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 24–36 (особенно — гл. 30).
9. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962, С. 466–563.
10. *Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима. СПб., 2003. Ч. 2. Гл. 5–6.

Дополнительная

1. *Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с фран. М., 1888–1890. Вып. 1–2.
2. *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.
3. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Л., 1985.
4. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.
5. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.
6. *Парфенов В. Н.* Рим: От Цезаря до Августа. Саратов, 1987.
7. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима / Пер. с франц. А. А. Захарова. М., 1915–1925. Т. 1–5.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ТЕМЕ

Проблема комициальной системы также относится к числу достаточно сложных. Процесс исчезновения комиций с политической арены фактически происходит во времена Августа, однако он растянулся до времен Флавиев и Антонинов. Этот кризис был не только и не столько следствием появления императорской власти и имперских структур (последним было не столь трудно их контролировать), сколько следствием полного изменения структуры римского гражданства, распространившегося на Италию и провинции. Как ни парадоксально, сложная система управления, создававшаяся при принципате, отражала интересы нового общества более адекватно, чем старое собрание жителей Рима. С другой стороны, в эпоху Империи расширяются права и реальные возможности местных властей: магистратов, сенаторов и комиций муниципальных, италийских и провинциальных городов, властей и населения больших городов типа Александрии и Карфагена, региональных и провинциальных собраний и

даже микроструктур типа коллегий. Многообразной жизни коллегий Рима I–II вв. н. э. можно, видимо, противопоставить политизированные коллегии эпохи конца республики, периодически закрываемые властями. Эта сложная система отчасти заменила ушедшие из жизни римские комиции.

Остаются и магистратуры. Утратив реальное политическое содержание, они были важным структурообразующим элементом сената и римской иерархии, которая продолжает строиться на основе старой республиканской системы. В I–II вв. н. э. они все еще оставались весьма значимой частью управленческого аппарата. Судьба магистратур достаточно разнообразна: консульство становится показателем ранга, цензура — редкой экстраординарной должностью, а претура и квестура примерно сохраняют старые функции. Вероятно, дольше всего (до III в. н. э.) сохраняется значение промагистратур (проконсулы и пропреторы) и провинциальных квесторов.

Время принципата характеризуется и определенными переменами. Наряду с республиканским аппаратом создается новый, «имперско-республиканский» или «республиканско-имперский» аппарат, построенный по новым принципам и находящийся под императорским или совместным — императорским и сенатским — контролем, но состоящий из сенаторов и ставший еще одним компромиссом между системами (императорские легаты, префекты города, сенаторы, префекты, комиссии кураторов).

ТЕМА 6 СЕНАТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Сенат оставался наиболее важной и жизнеспособной частью республиканской системы¹⁴⁸. Несмотря на сильную зависимость от императора и ограничение прав и полномочий, сенат имел значительный социальный и политический престиж и немалые реальные правовые и политические возможности. Долгое время император управлял через сенат или при его активной помощи. В I в. н. э. сенат сохранял основные управленческие функции, будучи главным партнером императора по властным полномочиям, и только во II в. н. э. формируется разветвленный императорский внесенатский аппарат, способный взять на себя функции старого сената. Вплоть до III в. н. э. император продолжал подчеркивать уважение к сенату, отчасти сохранившееся даже в период доминанты, IV век был временем подавления сената бюрократическими структурами, а V век — периодом нового «сенатского возрождения».

1. РЕФОРМЫ ЦЕЗАРЯ И АВГУСТА

Отношения Цезаря с сенатом отличались исключительно сложным характером. На протяжении всей политической деятельности Цезаря сулланский и постсулланский сенат был его главным противником, а сам племянник Мария начал свою карьеру как оппозиционер и популярь, борющийся с сулланской системой и «партией власти».

Первый этап политической деятельности Цезаря был деятельностью оппозиционера. Эта оппозиция носила не только персональный, но и принципиальный идейный характер. В персональном плане Цезарь был противником сенатского большинства и сенатских лидеров с их сулланским прошлым и участием в массовых репрессиях, грабежах и коррупции, в плане принципиальном он был противником неограниченной власти сената, которую дал ему Сулла, и сторонником расширения демократических свобод и институтов, защитником прав народного собрания и народных трибунов.

В 77 г. до н. э. Цезарь начал политическую деятельность обвинением, быть может, самого высокопоставленного сулланского лидера, консула 81 г. до н. э. П. Корнелия Долабеллы (Plut. Caes., 4), в 65 г. он добился осуждения ряда участников сулланских репрессий (Suet. Iul., 11),

---

¹⁴⁸ Подробное исследование различных аспектов деятельности императорского сената см.: Talbert R. The Senate of Roman Empire. Princeton, 1984.

а в 63 г. выступил с обвинениями другого лидера сената, его принцепса, Кв. Лугатция Катула. Только в 49 г. до н. э., став хозяином Рима, Цезарь смог осуществить мечту своей юности и отменить все ограничения, наложенные Суллой на сыновей и родственников проскриптов. Тогда же он вернул всех политических изгнанников, в разные периоды подвергшихся репрессиям со стороны сулланского к постсулланского сената.

С самого начала Цезарь опирался на фактически неограниченную поддержку народного собрания. Уже первые выборы в военные трибуны и понтифики (73 г.) показали симпатии к Цезарю простых избирателей. В 70 г. он активно помогал восстановить власть народных трибунов и проводить другие реформы (Suet. Iul., 5), в 68 г. стал квестором (Plut. Caes., 5), в 67 и 66 гг. поддержал чрезвычайные полномочия Помпея, а в 65 г. при массовой поддержке народа добился курульного эдилитета (Suet. Iul., 70; Plut. Caes., 6). Вероятно, именно в 60-е гг. из одиночного правозащитника он превращается в одного из лидеров демократической оппозиции.

Успехи этой оппозиции и лично Цезаря обозначились на рубеже 60–50-х гг. В 63 г. он одержал блестящую победу на выборах в великие понтифики, тогда же впервые поддержав серьезную кампанию против *senatus consultum ultimum* и аграрный закон Рулла. В 62 г. он стал претором, а в 60 г., заключив союз с Помпеем и Крассом, добился блестящей победы на выборах в консулы.

Вместе с тем, деятельность римского политика, даже оппозиционера, не могла проходить вне сената. Неясно, был ли Цезарь сенатором до победы Суллы в 82 г. до н. э., но, по всей вероятности, он лишился этого места по воле диктатора. Он, несомненно, стал сенатором, получив квестуру в 65 г., а возможно, и ранее — в 73 или 70 гг. С каждой новой победой на выборах повышался и сенатский ранг Цезаря.

В 59 г. до н. э. Цезарь был не только консулом-реформатором, но и председателем все еще оппозиционного к нему сената. Именно тогда он делает первую попытку изменить соотношение сил. Из 23 (или 29) консуляров минимум 12 были его противниками: Г. Скрибоний Курион (76)¹⁴⁹, Л. Лициний Лукулл (74), М. Лициний Лукулл (73), Л. Геллий Публикола (72), Кв. Горгензий (69), Кв. Цецилий Метелл Критский (69), Л. Манлий Торкват, Ман. Эмилий Лепид (66), Г. Марций Фигул (64), М. Туллий Цицерон (63), Кв. Цецилий Метелл Целер (60), и лишь трое или четверо — П. Сервилий Ватия Исаврийский (79), Г. Аврелий Котта (75), Л. Аврелий Котта (65) и Л. Юлий Цезарь (64) — могли считаться его сторонниками. Союз с Помпеем и Крассом (оба — консулы 70 г.) изменил соотношение

¹⁴⁹ В скобках дан год консульства.

сил: за Помпеем шли несколько консуляров — М. Пупий Пизон (61), М. Валерий Мессала (61) и Л. Афраний (60). Из «однопартийного» сенат стал «двухпартийным», а триумвират консолидировал вокруг себя анти-оптиматские силы.

Равновесие сил просуществовало до 54–53 гг. до н. э., когда ситуация снова стала меняться. Выход на арену молодого поколения оптиматов во главе с Катоном, гибель Красса и сближение оптиматов и Помпея превратили цезарианцев в меньшинство, позволив помпеянкам и оптиматам попытаться восстановить свое господство. Впрочем, их преимущество скорее основывалось на положении в иерархии. Анализ борющихся группировок во время войны 49–45 гг. до н. э. показывает явное преимущество цезарианцев среди сенаторов низших рангов, трибунициев, эдилициев и квесториев (20:6)¹⁵⁰.

В момент начала гражданской войны верхушка сената составила руководство помпеянцев. Из 32 консуляров 17 были противниками Цезаря и только шестерых можно считать его сторонниками, примерно таким же (20:12) было и соотношение преториев¹⁵¹. Победа Цезаря в Италии в январе–марте 49 г. несколько уравновесила силы, значительная часть нейтральных и колеблющихся сенаторов осталась в Риме вместе со сторонниками Цезаря.

Гражданская война 49–45 гг. фактически расколола сенат. В Фессалонике находился помпеянский сенат из 200 человек, примерно столько же было в Риме, значительная часть сенаторов (примерно поровну) находилась в армии Помпея и Цезаря¹⁵². Подсчеты современных исследователей показывают практически равное соотношение между нобилиями, сражавшимися на той или иной стороне (50–55 к 40–45 в пользу цезарианцев)¹⁵³. Сенат понес большие потери, особенно пострадали его верхние эшелоны — жертвами войны стали 10 помпеянских консуляров и примерно столько же преториев.

К 45–44 гг. Цезарь сделал свою партию «партией власти». После победы он вернул всех старых сенаторов, включая бывших помпеянцев (Suet. Iul., 75, 4), а также изгнанников, независимо от их «партийной» принадлежности (Ibid., 41). Насколько было возможно, Цезарь сохранил прежний сенат. Вместе с тем, он его существенно увеличил, доведя до 900 человек (Dio, 43, 42), т. е., вероятно, почти вдвое больше прежнего

---

¹⁵⁰ *Shackleton-Bailey D.* The Roman nobility in the 2nd Civil War // CQ. 1960. P. 253–268.

¹⁵¹ *Ibid.* P. 265–268.

¹⁵² *Jal P.* La guerre civile a Rome. Paris, 1963. P. 106.

¹⁵³ *Shackleton-Bailey D.* The Roman nobility... P. 265–268.

количества. Новые сенаторы были сторонниками Цезаря, всадниками, выходцами из муниципальной знати, офицерами и, возможно, даже центурионами и солдатами диктатора (Dio, 43, 51). Изменение соотношения сил показывает ситуация с консулярами: из 23 или 24 человек 10 (младшее поколение) были легатами Цезаря в галльской и гражданской войнах, 6 принадлежали к старшему поколению его сторонников, а четверо были ранее сторонниками Помпея. Несмотря на сильную оппозицию, Цезарь наконец добился устойчивого большинства в сенате. Положение нового сената было сопряжено с немалыми сложностями. Он был достаточно разнородным, и его позиция объяснялась не только и не столько оппозиционностью, сколько известной потерей ориентации. Именно это и произошло после гибели Цезаря в марте 44 г. до н. э.

Отношения Августа с сенатом также были достаточно сложными. Около 60 сенаторов прямо участвовали в заговоре (Suet. Iul., 80; Eutr., V, 1), а тот факт, что около 300 человек стали жертвами проскрипций, является примерным показателем влияния республиканцев. Не все эти люди были последовательными сторонниками республики, некоторые примкнули к ним в силу ситуационных, конкретных и персональных причин, но, так или иначе, они оказались нелояльны по отношению к новому цезарианскому режиму. Более того, это была, вероятно, наиболее организованная часть сената и, пользуясь противоречиями между разными цезарианскими группировками, лидерам республиканцев удавалось повести его за собой.

17 марта 44 г. до н. э. сенат достаточно легко принял решение об амнистии заговорщикам, а позже — подтверждал все назначения им провинций и командований. Одновременно сенаторы не желали идти на конфликт с лидерами цезарианцев. Так, вплоть до января 43 г. сенат пытался избежать открытой конфронтации с Антонием и объявления его врагом отечества (последнее произошло только в марте 43 г., после начала открытых военных действий). Наиболее антицезарианские решения сенаторы приняли в апреле–августе 43 г., в период между сражениями при Мутине и образованием триумvirата. Сенат назначил триумф Дециму Бруту, передал полномочия наместников Сирии и Македонии Кассию и Марку Бруту, назначил Секста Помпея командующим морскими силами, велел Октавиану передать войска Д. Бруту, одновременно предписав Лепиду, Планку и Азинию Поллиону действовать против Антония (Liv. Epit., 119; Vell., II, 62, 2; Dio, 46, 20; App B. C. III, 62). Ответом были консолидация цезарианских сил, образование второго триумvirата и проскрипции.

Проскрипции покончили с республиканской и помпеянской оппозицией и сделали сенат однородным. Партия Цезаря победила. 1 января

42 г. сенат во главе с магистратами принес присягу *in acta Caesaris*, обязуясь проводить в жизнь его преобразования, а позже принял решение об обожествлении диктатора, подкрепленное объявлением войны его убийцам (R. g., 2; Dio, 47, 18).

30-е гг. были временем борьбы цезарианских лидеров за сенат. В ходе гражданских войн сенат вырос до 1000 человек (Suet. Aug., 35, 1). Постепенно сенат переходит на сторону Октавиана. В 31 г. до н. э., в момент разрыва с Антонием, последнего поддержало около 300 сенаторов. Тем не менее, около 700 человек, т. е. несомненное большинство, поддержали Октавиана (R. g., 25). После победы политическая оппозиция перестала существовать, а перед наследником Цезаря встал вопрос об установлении долгосрочных отношений.

Одним из первых мероприятий Октавиана стала чистка сената в 29 г. до н. э., видимо, прежде всего, за счет не вполне благонадежных и лиц «низкого происхождения». Вначале были исключены 50 человек, которые вышли добровольно после заявления Октавиана о своих намерениях. После этого Октавиан сам исключил еще 140 человек. Сокращение происходило, вероятно, за счет сторонников Антония. Октавиан также увеличил число патрициев. По закону Сеня (29 г. до н. э.), в ранг патрициев были возведены некоторые аристократические роды республики, ранее бывшие плебейскими (Кальпурнии, Клавдии Марцеллы, Домиции, Юнии Силаны и др.). В число патрициев вошли и некоторые сенаторские семьи, выдвинувшиеся в период гражданских войн — Элии Ламии, Аппулеи, Азинии. Характерна весьма жесткая форма сенатского ценза: Светоний со ссылкой на Кремуция Корда сообщает, что Октавиан сидел в кресле, окруженный десятью друзьями, отличавшимися физической силой, под одеждой у него был панцирь, а сенаторов пропускали поодиночке после предварительного обыска (Suet. Aug., 35, 2). Всем сенаторам было запрещено покидать Италию без разрешения или приказа Октавиана. Во время этого ценза Октавиан стал первым в списке сенаторов и был принцемом на протяжении 40 лет (R. g., 7, 2).

Следующим шагом в отношениях принцепса и сената стали реформы 27 г. до н. э. Принцепс декларировал передачу власти сенату и народу (R. g., 34, 1; Suet. Aug., 28; Dio, 53, 5). В то же время восстанавливается система пополнения сената за счет вхождения в него квесторов. Итогом стало разделение провинций, предоставление Августу *imperium proconsulare*, *tribunicia potestas* и имени Август. Эти реформы и продолжавшие их реформы 23 г. н. э. стали своеобразным «договором» об отно-

шениях между принцепсом и сенатом. С 24 г. до н. э. сенат стал ежегодно присягать «на дела Цезаря» (in acta Caesaris).

В 29 г. до н. э. принимается решение о минимальном цензе в 400 000 сестерциев (Dio, 54. 17, 3). Низкий ценз был вызван значительным обеднением сенаторов после проскрипций, кризиса 40–30-х гг. и поборов перед войной с Антонием. В 18 г. до н. э. ценз был увеличен до 1 млн сестерциев (Dio, 54. 17, 3), согласно Светонию — до 800 тыс. сестерциев, что и осталось в качестве сенатского ценза.

Второй ценз 18 г. до н. э. проводился по довольно сложной ступенчатой системе совместного «рейтингового» отбора: сам Август выбрал 30 человек, каждый из которых выбрал еще пятерых, из них по жребию выбирался один. Эти новые 30 выборщиков выбирали еще 30 и т. д. (Suet. Aug., 35; Dio, 54. 13–14). Сложная и нехарактерная для Рима система выборов, видимо, должна была продемонстрировать совместные действия сената и принцепса в подборе сенатского состава. Согласно Диону Кассию, после второго ценза осталось 600 сенаторов (Dio, 54. 13, 2–4), а Светоний пишет, что сенат «был возвращен к своему прежнему виду и блеску» (ad modum pristinum). Ценз вызвал явное недовольство сенаторов. В 17 г. до н. э. принцепс ввел штрафы за непосещение сената (Dio, 53, 18), в 9 г. до н. э. они были увеличены (Dio, 55, 32). В 13 и 9 гг. до н. э. Август провел пересмотр сенатского регламента, введя регулярные заседания два раза в месяц (как правило, в Календы и Иды) (Suet. Aug., 35, 3; Dio, 55, 3, 1).

По мере возможности Август попытался сохранить социальный состав сената. За время правления Августа (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.) старая аристократия (включая семью принцепса) занимала 72 консульства (или 72 % от общего числа), а 27 (28 %) принадлежали к сенаторским семьям и «новым людям». Многие знатные семьи были в родстве с императором.

Ряд внешних признаков демонстрировали стремление Августа придать значение сенату и сенаторам. Принцепс всячески подчеркивал отсутствие резкой грани между собой и сенатской элитой, а в бытовом плане стремился казаться таким же, как и другие principes. В качестве идеологии своего правления он декларировал традиционные республиканские ценности и пытался показать принципат как органичное продолжение прежней res publica.

Стремясь примириться и переосмыслить прошлое, августовская пропаганда разрабатывала (хотя и с определенными поправками) историческую модель, созданную консервативной идеологией, божественное предназначение Рима, осуждение тирании Тарквиния, сочувствие ари-

стократической республике и ее деятелям типа Фурия Камилла и позднейшим консерваторам типа Катона Старшего, восхищение великими завоеваниями и блестящими победами эпохи Сципиона и, конечно, осуждение ужасов гражданских войн. Литература раннего принципата осудила трибунов V–IV вв. до н. э., Гракхов и Сатурнина, диктатуры Мария и Суллы. Хотя Цезарь как основатель системы должен был оставаться одной из центральных фигур римской истории, его неоднозначная оценка в последующей традиции была заложена уже тогда, а значение Цезаря как создателя новой системы постепенно оттеняется образом Августа. Одновременно начинается реабилитация героев республики и противников Цезаря и Августа: Помпея, Цицерона, Катона и даже Брута и Кассия. На протяжении всей истории принципат пытался примирить полис и империю, Цезаря и республику, революцию и консервативную традицию. Иногда эти образы вступали в противоречие: «цезаризм» мог восприниматься как олицетворение деспотизма и временами ассоциировался с правлением Тиберия, Калигулы и Нерона, а «катонизм» становился знаменем республиканской оппозиции.

Вероятно, именно антониновская традиция, наконец, нашла некую равнодействующую. Образ Цезаря все же нашел свое адекватное понимание: Плутарх и Аппиан уже отдают должное знаменитому полководцу, конструктивному реформатору и гуманному политику, образ которого все же оттенялся образом «истинного» основателя Империи, Октавиана Августа. Символами компромисса становятся «цицеронианство», во многом олицетворяющее высочайшую римскую культуру, и «помпеянство» как символ великих завоеваний и компромиссной политики. Даже образы Катона или Брута становятся не столько символом борьбы с реальной Империей Цезаря и Августа, сколько знаменем борьбы с «цезаризмом», который реально отождествляли с тиранией Тиберия, Калигулы и Нерона.

2. СОСТАВ СЕНАТА И ПРИНЦИПЫ ЕГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ

Число 600 человек, похоже, сохранилось, став стандартной численностью сената. В середине I в. н. э. в работе сената, как правило, участвовало около 450–500 человек. Остальные находились в армии, в провинциях или выполняли дипломатические и иные миссии. По подсчетам Р. Тальберта, кворум колебался от 483 человек при Августе до 243 при Коммод¹⁵⁴. Империя восстановила сословие патрициев: при Августе этот статус получили около 20 семей, при Клавдии — 17, при Веспасиане — 20, пополне-

---

¹⁵⁴ *Talbert R. The Senate...* P. 35.

ния патрициата производили Септимий Север и императоры III в. н. э.¹⁵⁵ Пополнение сената происходило за счет 20 новых квесторов. Сохранилась традиция составлять сенат из экс-магистратов. В 14 г. н. э. выборы были перенесены в сенат.

После реформ Августа первое значительное изменение в составе сената произвел Клавдий. Сенат пополнился за счет выходцев из так называемой «Косматой Галлии», включавшей Аквитанию, Лугдунскую Галлию и Бельгику. Кроме того, в состав сената, видимо, вошли представители сенаторских и муниципальных семей Италии. Происходит новое пополнение патрициата. Действия императора вызвали протест со стороны обычно послушного сената, предложение Клавдия прошло лишь частично, и *ius honorum* получило только племя эдуев (Tac. Ann., XI; 25; Dess., 2, 12). Новое пополнение за счет жителей италийских муниципиев и провинциалов произвел Веспасиан. Далее сенат, вероятно, менялся более постепенно, и следующее пополнение происходит при Септимии Севере.

Кроме пополнения сената путем выборов, проводимых с 14 г. н. э. самими сенаторами, и массовых пополнений, производимых императорами, существовало и индивидуальное пополнение, когда принцепс включал в сенат конкретное лицо, минуя магистратские выборы. Принцепс не только включал человека в сенат, но и определял его ранг («среди квесториев», «среди эдилитиев», «среди трибуниций» и «среди преториев» — *inter quaestorios, inter aedilicios, inter praetorios*). На выборах император мог оказывать прямое воздействие путем *commendatio*, либо делать это косвенно. *Commendatio* было способом обеспечить карьеру небогатых, но близких к императору людей, избавив их от игр, необходимых для квесторов, эдилов и преторов.

Во времена Империи происходит оформление ряда правил, которые при республике носили неофициальный характер. В республиканское время фиксированный сенатский ценз отсутствовал, и определенным барьером служил только ценз всаднического сословия (100 000 сестерциев и более), хотя (впрочем, скорее теоретически) сенатор мог даже не быть всадником.

При Империи ценз появился. Дион Кассий приводит две цифры — 400 тыс., а затем — 1 млн и 1 млн 200 тыс. сестерциев (Dio, 54, 17, 3; 36). Вероятно, рост ценза связан с ростом благосостояния сенаторов, а позже 400 тыс. стало цензом всаднического сословия. Во времена республики вопрос о женах сенаторов и сыновьях, не достигших магистратур, оставался открытым. По всей вероятности, последние принадлежали к всад-

---

¹⁵⁵ Ibid.

ническому сословию, Август разрешил всем сыновьям сенаторов носить латиклаву, а понятие *ordo* стало распространяться на семьи¹⁵⁶. Как и ранее, сенаторы носили тогу-латиклаву и особую обувь. Местом жительства сенаторов считались Рим и Италия. Во времена Траяна, когда число сенаторов-провинциалов было достаточно велико, император требовал, чтобы сенаторы вкладывали в сельское хозяйство не менее 1/3 имущества.

Новшеством принципата была сенаторская «отставка». В возрасте 60–65 лет сенаторы получали право не посещать сенат. Это вовсе не означало прекращение службы, а наши источники сообщают, что сенаторы работали и в гораздо более преклонном возрасте.

Внутренняя иерархия по-прежнему определялась занимаемой магистратурой. На вершине ее находились цензоры и консуляры, далее шли претории, трибунии, эдилитии и квесторы. Еще ниже стояли бывшие члены коллегии 26-ти и сенаторы-немагистраты, именуемые педариями. Консуляров стало значительно больше, а обычные консуляры стояли выше бывших консулов-суффектов. Посредством так называемого *adlectio* император мог включить в сенат нового члена, при этом определив его статус (среди квесториев, эдилитиев, трибунических и преториев), он также мог изменить ранг уже действующего сенатора. С разрастанием элиты консуляров стали учитываться и такие факторы как количество консульств, возраст, сенатский стаж и личные заслуги. Есть мнение, что педарии не имели *ius sententiae*, т. е. право высказываться во время дебатов, другие исследователи полагают, что подобного ограничения не было¹⁵⁷. Впрочем, так или иначе, дискуссия в сенате, как и при республике, оставалась прерогативой его старшей и высокопоставленной части.

Примечательно, что при фактически внутренней системе выборов и отсутствии представительной системы, состав сената, в принципе, отражал соотношение различных групп населения и, прежде всего, имевших права гражданства жителей Империи. При Августе сенат был почти исключительно италийским, а число провинциалов было совершенно ничтожным (из 420 известных нам сенаторов только 6 происходили из провинций)¹⁵⁸. Число сенаторов-провинциалов постоянно растет при Флавиях и Антонинах — 23,4 % при Домициане и 45 % при Марке Аврелии. Поскольку западные провинции (в основном, Галлия и Испания) получили гражданство раньше, чем восточные, то при Юлиях-Клавдиях в сенате было много галлов и испанцев, тогда как при Антонинах постепенно рас-

---

¹⁵⁶ *Ibid.* P. 39.

¹⁵⁷ *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 431 (подсчеты С. де Лета).

¹⁵⁸ *Petit P.* Le II-e siecle... P. 367–368.

тет доля сенаторов из восточных провинций (Греция, Македония, Сирия, Египет). При Домициане число восточных сенаторов составляло 15,8 % от общего числа сенаторов-провинциалов, при Траяне их стало 34,6 %, при Антонине Пии — более половины (56,5 %) ¹⁵⁹. Тем не менее, даже в конце II в. Италия продолжала сохранять свое особое положение: при последних Антонинах италики составляли примерно половину сената, около 20 % происходили из западных (в основном — Галлия и Испания), а около 30 % — из восточных провинций.

Несмотря на тесную связь с новой имперской бюрократией, сенат продолжал сохранять многие республиканские традиции. В наиболее полной мере была сохранена идеология старого республиканского сената. Система, созданная Цезарем и Августом, сохраняла принципы Помпея, Цицерона и Катона. Сенатские идеалы устойчиво переходили из поколения в поколение и разделялись не только сенатской аристократией, но отчасти и императорами и их выдвигенцами. Это проявилось и в сложной политике Августа и Тиберия, и в «просвещенном абсолютизме» Траяна, и в стоицизме Антонинов. Бывший при Юлиях-Клавдиях и Флавиях идеологией оппозиции, стоицизм примирился с монархией при Нерве и Траяне и стал идеологией Империи во II в., не исчезнув даже в эпоху домината ¹⁶⁰.

3. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПРОЦЕДУРА

Парламентская процедура также сохраняла многие черты республики. Новым было, во-первых, появление императора как в виде принцепса сената, так и в виде внешней силы, и, во-вторых, рост рутинной процедуры, вызванной общим усложнением политической жизни и перенесением в сенат выборов магистратов.

Как и ранее, сенат собирался в храмах, как правило, находящихся в пределах городской черты. Основным местом сбора (чего не было ранее) стала Курия Юлия, строительство которой начал в 44 г. Юлий Цезарь и завершил в 29 г. Октавиан Август. Военные вопросы часто обсуждались в храме Марса Мстителя, также построенном Августом специально для этих целей. Сенат заседал и в других местах: в храме Согласия, в атриум Минервы, на Палатине и на Капитолии. В 9 г. до н. э. был принят закон о сенатской процедуре (*lex Iulia de senatu habendo*), согласно которому каждый сенатор должен был приносить жертву вином и мясом перед каждым сенатским заседанием. Новшеством было и достаточно частое появление

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ Краткий обзор стоических учений в эпоху Империи см.: *Verbeke G. Le stoicisme, philosophie sans frontières // ANRW. Berlin; New York, 1975. T1. 1. Bd. 1. S. 3–42.*

несенаторов: представителей императорской администрации, свидетелей в суде, иностранных послов и правителей. Август разрешил детям сенаторов посещать заседания, более того, он рекомендовал им это делать.

В эпоху Империи значительно увеличивается обслуживающий персонал сената, впрочем, унаследованный им еще со времен республики: квесторы императоров и консулов, писцы, *exsertor* (составитель копий), *scriiniarius* (хранитель урн для голосования) и др.¹⁶¹ За пределами курии находились ликторы магистратов и императорская охрана. После убийства Цезаря, принцепсы соблюдали меры предосторожности, однако, как правило, эскорт, войска и телохранители оставались у входа.

Как и прежде, сенат собирался по инициативе принцепса или консулов, реже — преторов и трибунов. Принцепс имел преимущественное право созыва (*ius primae relationis*). При сохранении старого республиканского принципа созыва сената «по мере надобности» с учетом «несчастливых дней» (*dies nefasti*) устанавливается более четкая система обязательного регламента.

Новый регламент был введен Августом в 13–9 гг. до н. э. и подробно рассматривается американским исследователем Р. Тальбертом, автором одной из самых фундаментальных монографий о римском сенате эпохи Империи¹⁶². Август ввел правило обязательных заседаний в календы и иды каждого месяца (1 и 6–7 числа) (Dio, 55, 3, 1; Suet. Aug., 35, 1). 1 января каждого года сенат начинал свою деятельность с принесения присяги *in acta principis*, а 3 января давал обеты за здоровье императора. В январе (около 12) происходили выборы большинства магистратов (консулы, преторы, эдилы), трибунов выбирали 10 декабря, квесторов — 5 декабря. В марте происходило распределение провинций, до апреля должны были пройти выборы промагистратов. Февраль был традиционным месяцем приема посольств, а в апреле–мае проходили судебные процессы. Остальные дела сенат, как правило, рассматривал в сентябре–октябре. Последние месяцы посвящались подведению итогов года и разбору нерешенных вопросов. Лето было временем отдыха, и сенат собирался только в крайних случаях. Как и любая официальная процедура, заседание сената проходило от восхода солнца до его заката.

Процедура продолжала сохраняться. Сенаторы созывались посредством эдикта и путем индивидуальных приглашений. Обычно заседания начинались с выражений благодарности императору и чтения его писем. Далее шел доклад председателя (*relatio*). Докладов могло быть несколько,

¹⁶¹ Talbert R. The Senate... P. 189–195.

¹⁶² Ibid. P. 187–188.

на разные темы. В этом распределении сочетались два принципа: традиционный республиканский доклад об общем положении вещей (*de res publica*) и новая практика доклада на определенную тему. За докладом следовала дискуссия — сенаторы высказывались по рангу, от консуляров до квесториев. Педарии, вероятно, не высказывались, тем более что дискуссия обычно ограничивалась верхушкой сената. Сенаторы также могли задавать вопросы.

На примере сенатской процедуры можно четко обнаружить столкновение двух принципов. Республиканский сенат мог обсуждать любой вопрос в любое время, тогда как императорская власть пыталась заменить свободную дискуссию организованной, а иногда и заранее подготовленной дискуссией нового типа. Эти перемены отразились и на так называемом праве «говорить не по теме» (*loco sententiae*). При республике любой сенатор в любой момент имел право поднять любой вопрос, который он считал жизненно важным для государства. Оппозиционеры времен Империи продолжали считать *loco sententiae* неотъемлемой частью собственной свободы, а императоры и их сторонники старались не допускать подобных ситуаций. Председатель мог разрешить или не разрешить высказывание «не по теме».

Постепенно дискуссии меняли свой характер. Речи принцепса, как правило, сопровождалась лишь выражениями «всеобщего одобрения» и принимались в неизменном виде. Вместе с тем, со времен Адриана явно усиливается предварительная подготовка речей и резолюций в императорском совете. При последних Антонинах речи принцепса стали принимать в качестве резолюции. Роль председателя была велика, особенно если это был принцепс. Он определял регламент опроса, проводил отбор предложений и играл ключевую роль в выработке резолюции.

После обсуждения принималась резолюция (сенатусконсульт). Обычно счетная комиссия состояла из 12 человек, а голосование происходило путем дисцессии (расхождения), цена голоса была одинаковой. Наличие *exceptor*, видимо, предполагает возможность тайного голосования, что было новшеством и обычно использовалось на выборах. После принятия сенатусконсульта, император или трибун могли наложить вето; если его не было, решение считалось принятым и хранилось в эрарии Сатурна. Формальный статус сенатусконсульта повысился и был приравнен к закону.

Обнародование решений сената происходило уже во времена ранней республики. Сенатусконсульты обычно выставлялись в виде надписей, а копии рассылались местным властям, которые могли их обнародовать.

В 59 г. до н. э. Цезарь ввел в деятельность сената принцип гласности, приказав публиковать ежедневные отчеты о деятельности сената и комитий (Suet. Iul., 40). Август прекратил эту практику, однако определенная система отчетности продолжала сохраняться. Эти отчеты назывались *acta diurna* и выставлялись для всеобщего обозрения (Plin. Pan., 75, 3). Протоколы сенатских заседаний находились в архивах и были доступны весьма ограниченному кругу лиц (возможно, только самим сенаторам). Империя улучшила делопроизводство, а следы использования *acta senatus* можно обнаружить у Иосифа Флавия, Светония, Диона Кассия и особенно — у Тацита.

Основным новым фактором было появление принцепса. Последний играл сразу несколько ролей: как глава государства, подданными которого были и сами сенаторы, как глава «внешних сил», т. е. исполнительной власти, армии и провинциального управления, а также как принцепс сената и его член. Он был частью сената, и мог руководить его работой, участвовать в заседаниях, просто посещать их как рядовой сенатор. Стиль поведения императора зависел от множества факторов — общих тенденций политики, идеологии, личных связей, обстановки, черт характера, отношений с сенатом и сенаторами. Некоторые императоры (Гальба, Пертинакс, Антонин Пий, Марк Аврелий) вели себя как «рядовые сенаторы» высокого ранга, другие ясно подчеркивали свое качество главы государства, при этом провозглашая курс на сотрудничество с сенатом (Август, Тиберий, Веспасиан, Тит, Траян, Адриан, Александр Север). Были и другие варианты: император мог действовать как абсолютный монарх, видевший в сенаторах своих подданных (Домициан, Септимий Север, Аврелиан, Диоклетиан) и даже врагов (Калигула, Нерон, Коммод).

Сенат также мог иметь разные позиции. Он мог выступать как основа управленческой системы, как это было при Августе, Тиберии и позже — при Адриане. Сильный император мог править без участия сената и все же относиться к нему с уважением, как к олицетворению древней традиции (Веспасиан, Траян), наконец, при некоторых императорах сенат действительно становился органом оппозиции или даже вступал в открытую борьбу с правителем-тираном (Калигула, Нерон, Коммод).

Деятельность императора в сенате зависела от формальных факторов и, прежде всего, от присутствия или отсутствия на заседаниях. Считалось «хорошим тоном», если принцепс, если он находится в Риме, участвует в работе этого управленческого органа. «Уважительными» причинами, естественно, считались отъезды, обычно связанные с войнами и инспекционными поездками, или состояние здоровья, хотя некоторые принцепсы

вполне могли не посещать сенат без такой причины и даже демонстративно отказываться от сотрудничества. Присутствующий принцепс мог играть различные роли: он мог быть председателем, присутствовать как официальное лицо и даже приходить как «частное лицо» (*privatus*) (подобные случаи известны в отношении Августа, Тиберия, Траяна, Антонина Пия и др.). Не совсем ясно, что означало понятие *privatus*, вероятно, в этом случае принцепс отказывался быть председателем и демонстративно подавал мнение в числе сенаторов высшего ранга или даже вообще отказывался от суждения. Император имел приоритетное право созывать сенат, право сидеть между двумя консулами и право вето на решения сената, которое он мог использовать как носитель трибунской власти. Впрочем, последнее принцепс использовал не так часто — для «единодушного одобрения» было достаточно простого высказывания своего мнения.

Р. Тальберт детально разбирает вопрос о присутствии и отсутствии принцепса¹⁶³. Уже Август ввел традицию личного присутствия на заседаниях сената и посещал его практически всегда, когда находился в Риме. Традицию нарушил Тиберий: до отъезда на Капри в 26 г. н. э. он регулярно участвовал в работе сената, но затем в течение 10 лет общался с ним только посредством писем. Впрочем, Юлии-Клавдии, вероятно, больше чем кто-либо сохраняли традицию личного присутствия, что относится даже к Нерону и Калигуле. Сохраняли ее и Флавии.

Хотя информация для II в. н. э. гораздо более скудна, похоже, что эти принципы совместной работы нарушили именно императоры Антонины. Длительные отсутствия Траяна были связаны с его войнами, а Адриан много путешествовал по Империи с инспекционными поездками. Правление Антонина Пия (138–161 гг.) было новой эрой сотрудничества, однако даже Марк Аврелий выехал на войну в Паннонию в 174 г. и оставался там до конца своего правления. При Коммоде отношения уже испортились. То же самое продолжалось при Северах, тем более что и Септимий Север, и Каракалла, и даже Александр Север подолгу отсутствовали в Риме. Со времен Александра Севера начался острый внешнеполитический кризис, и во второй половине III в. императоры почти постоянно находились на войне — Клавдий II, Аврелиан, Проб, Кар либо вообще, либо почти не приезжали в столицу. Процесс завершился в IV в.: ни один из императоров диоклетиановой тетрархии не имел в Риме постоянной резиденции. После Константина постоянным местопребыванием восточного императора стал Константинополь, некоторые западные императоры еще бывали в Риме (Валентиниан I, Грациан, Валентиниан II), хотя многие другие предпочи-

¹⁶³ Ibid. P. 172–173.

тали Медиолан (Милан), а в V в. основной императорской резиденцией стала укрепленная Равенна.

Отсутствие принцепса оказалось для сената более опасным, чем его присутствие и неприкрытое давление. Это последнее неизбежно смещало центр власти и снижало значение сената. Несмотря на многочисленные конфликты, сенаторы были заинтересованы в участии принцепса и неодобрительно относились к его отсутствию. Ситуация III в. н. э., вызванная чисто военным фактором, оказалась для сената гораздо большим испытанием, чем давление, мелочный контроль и репрессии I–II вв. В IV–V вв. Рим, а следовательно и сенат, окончательно перестали быть центром власти.

4. ПОЛНОМОЧИЯ СЕНАТА

Возможно, именно этот вопрос является наиболее сложным. Как и сенат времен республики, имперский сенат имел не только правовую, но и экстралегальную власть. Практически все ученые согласны о том, что сенат эпохи Империи утратил свое полномочие, уступив его принцепсу, однако нельзя отрицать, что сенат, во-первых, сохранил свои многие полномочия, а во-вторых — приобрел некоторые новые функции и вплоть до IV в. имел определенное политическое, правовое и идеологическое влияние.

Для более конкретного суждения необходимо рассмотреть ряд конкретных полномочий сената. Во-первых, сенат имел ряд прав в отношении императора и наделения его властными полномочиями, равно как и в выборах магистратов; во-вторых, постепенно превращаясь в городской совет Рима, сенат принимает активное участие в городском управлении, наконец, в-третьих, сенат имел немало финансовых функций, сферой его приоритетных интересов остается религия, международные дела и идеология, а около половины провинций находились под сенатским управлением. Это вовсе не значит, что функции сената были ограничены этими сферами, здесь часто обсуждались вопросы, которые даже де юре находились в монопольном ведении императора. Старая традиция *consilium* оставалась и в эпоху Империи. Сенат приобретает и две фактически новые функции: он часто играет роль суда, а сенатусконсульт приобрел силу закона.

а) *Признание императора*. По закону, любой император должен был получить признание сената, что и делали все правители от Августа до Кара. Чаще всего решение носило более или менее формальный характер, но в ряде случаев сенат реально решал вопрос о принцепсе (выборы

Нервы, Пертинакса, Пупиена и Бальбина и др.), а не штамповал уже готовые решения. Как показали события 24–25 января 41 г. до н. э., сенат, хотя бы чисто теоретически, решал вопрос не только о принцепсе, но и о принципе, поскольку многие сенаторы считали, что принцепса не следует выбирать вообще (Suet. Claud., 10; Xiph. 173). Продолжением этих дебатов были аналогичные споры между участниками заговора Пизона. Сенат мог низложить принцепса (Нерон, Дидий Юлиан, Максимин) и объявить его «врагом отечества» (*hostis publicus*) (Нерон, Максимин). Аналогичные решения он мог принимать в отношении врагов императора, претендующих на престол. Несмотря на то, что подавляющее число указанных случаев не являются показателями реальной силы сената, примечательно, что ни один из наших источников не сомневается в праве сената выбирать императора, низлагать его и даже изменить форму государственного строя.

Не имея реальной власти над живым императором, сенат решал вопрос о его посмертной репутации. Главным в этом смысле было решение об обожествлении, но сенат мог предпринять и негативные акции. Такие действия именовались *damnatio memoriae* и имели разные формы: похоже, что самым полным было *damnatio*, произведенное в отношении Домициана, когда по воле сената его имя выскабливалось из надписей, а статуи переплавлялись или уничтожались (Suet. Dom., 23; Dio, 68, 1), то же самое совершалось в отношении Коммода и Элагабала. Другие действия имели более ограниченный характер: сенат требовал *damnatio memoriae* Тиберия и Калигулы, но в отношении первого была произведена отмена завещания, а в отношении второго — ликвидация аста и ряда статуй. Действия такого рода предпринимались и в отношении других людей, осужденных по законам об оскорблении величия или государственной измене. Обычно это означало изъятие имени из фаст, уничтожение статуй, объявление дня рождения «несчастливым» (*dies nefastus*) и запрет на имя.

Сенат также принимал решение о почестях императорам: жертвоприношения, благодарственные молебствия, названия месяцев, празднование дней рождения, дней прихода к власти и военных побед, торжественные встречи и банкеты. Сенат присуждал триумфы и овации и утверждал императорские аккламации, данные солдатами. Триумфы после времени Августа давались все реже и реже.

Далеко не полный перечень Евтропия дает примерно 50 триумфов во времена республики, начиная от Тарквиния Приска и заканчивая триумфом Помпея над Митридатом в 62 г. до н. э. Сам Цезарь праздновал 5 триумфов, еще 5 отпраздновали его легаты (Фабий, Планк, Педий и

Лепид). При Августе триумфы получили около 30 человек, некоторые из них получили по несколько аккламаций (Кальвизии Сабин, Апп. Клавдий Пульхр, Тиб. Сталий Тавр, будущий император Тиберий).

Постепенно происходит разделение. Уже Агриппа считал, что триумф может даваться только Августу, под чьим командованием сражается любой полководец. Последним триумфатором-неимператором был Германик, последним *privatus*, получившим аккламацию императора, был Юний Блез (22 г. н. э. — *Tac. Ann.*, III, 74). Теперь неимператоры получали только овации (малые триумфы) или так называемые триумфальные украшения (*ornamenta triumphalia*). Во времена Юлиев-Клавдиев вручение *ornamenta triumphalia* сопровождалось установлением статуи (*Tac. Hist.*, I, 79), после Марка Аврелия стали ограничиваться только последними.

Триумф становился редким отличием даже для императоров. Его праздновали Калигула (40 г.), Клавдий (48 г.), Веспасиан и Тит (70 г.), Траян (105 и 118 гг.)¹⁶⁴, Марк Аврелий (176 г.), Септимий Север (198 и 211 гг.), Аврелиан (274 г.)¹⁶⁵. Специальным декретом сената императоры, члены их семей и высшие сановники удостоивались похорон за государственный счет.

б) *Выборы и управление городом*. С 14 г. н. э. выборы магистратов были перенесены в сенат. В I в. н. э. их точный регламент неизвестен, во II в. н. э. выборы происходили в два дня января: в первый избирались консулы-суффекты на данный год и преторы, эдилы и трибуны на следующий год, во второй день избирались квесторы. Отдельно выбирали ординарных консулов. Конкуренция, видимо, была довольно значительной. Процедура выборов известна мало, но, вероятно, она была достаточно простой. Вначале выступали кандидаты, затем произносились речи в их поддержку. Кандидаты, персонально поддержанные принцепсом, шли первыми. Затем было голосование, вероятно, тайное (*Plin. Epist.* III, 20, 7). В III в. н. э. выборы определялись императором, превратившись в назначения.

Сенат, вероятно, участвовал в выборах высших жрецов (понтифики, авгуры, квиндецемвиры для священнодействий и др.). Кроме того, сенат распределял провинции между промагистратами и совместно с принцепсом назначал или выбирал членов различных сенатских комиссий.

Многие общественные работы в Риме и обязанности городской администрации выполнялись магистратами или кураторами, назнача-

---

¹⁶⁴ Триумф 118 г. праздновал за него Адриан.

¹⁶⁵ Клавдий отметил триумфом завоевание Британии, Веспасиан и Тит — подавление восстания в Иудее, Траян — кампании в Дакии и Парфии, М. Аврелий — Маркоманнскую войну.

емыми посредством сенатусконсульта. В 22 г. н. э. появились сенатские префекты для раздачи хлеба (*frumenti dandi*), в 20 г. до н. э. — кураторы дорог (*curatores viarum*), в 15 г. н. э. *curator riparum et alvei Tiberis* (кураторы рек и устья Тибра). Известны и другие комиссии: кураторы для поддержания порядка в общественных местах (*curatores locorum publicorum iudicanderum*), кураторы для обнародования указов (*curatores tabularum publicandarum*), кураторы священных зданий (*curatores aedium sacrorum*), кураторы общественных мест и работ (*curatores operum locorumque publicorum*). Деятельность всех этих комиссий контролировал префект города, сенатор высокого ранга, который назначался императором. Примерно к III–IV вв. префект города стал главой сената.

Среди вопросов, находившихся на рассмотрении сената, приводимых нашим самым подробным источником, Тацитом, было много чисто городских и италийских вопросов: борьба с наводнениями, беспорядки в театре, ликвидация последствий пожара. Р. Тальберт приводит список из 142 зарегистрированных решений сената, 10 из которых относятся к сенатскому регламенту, 7 посвящены магистратам и их персоналу, 8 — вопросам городского управления, 9 — регламентации зрелищ и игр¹⁶⁶. За сенатом также остается право быть арбитром между магистратами.

в) *Финансы*. При республике сенат контролировал государственные финансы. Хотя при Августе начались важные перемены, эрарий Сатурна продолжал оставаться под надзором сената. С 29 г. до н. э. во главе эрария стояли два префекта преторского ранга, избираемые сенатом. Решений сената по финансовым вопросам относительно немного, но они есть. Провинции и города обращаются в сенат по налоговым вопросам, причем сенат мог отменить или ввести те или иные подати и пошлины, а иногда и обсудить принципиальные финансовые реформы (*Tac. Ann.*, XIII, 50, 51). Тем не менее, реальная власть в финансовых вопросах перешла к императору.

В связи с императорскими финансами встает проблема фиска. По мнению Т. Моммзена, уже при Августе наряду с эрарием появляется специальная императорская казна, фиск, обслуживающая императорские провинции, армию, управленческие структуры и двор, причем уже со времен Августа фиск примерно уравнивал эрарий. Впрочем, другие ученые склонны считать, что во времена от Августа до Траяна эрарий Сатурна был главной государственной казной, а фиск получил официальный статус только при Клавдии и Нероне. Вероятно, только при Домитиане и Траяне фиск стал доминирующей частью системы (О. Гиршфельд,

¹⁶⁶ *Talbert R. The Senate...* P. 438–439.

К. Сазерленд и др.). Эрарий Сатурна все больше становился региональной и муниципальной казной. Этот процесс завершился в III в. до н. э. и, возможно, был связан с финансовым крахом этого периода. В IV в. н. э. Диоклетиан завершил реорганизацию казны: основу финансовой организации составила казна (*arca*) префекта претория. Наследником эрария стали *sacrae lagitiones*, а *res privata* были ведомством, управлявшим личной собственностью императора.

Финансовое положение Империи радикально изменилось по сравнению с республиканским. После гражданской войны 83–82 гг. до н. э. в казне было примерно 40 млн сестерциев. К 62/61 гг. эта сумма выросла до 70 млн денариев (280 млн сестерциев), а после походов Помпея почти удвоилась (280 млн сестерциев). Выход из положения начался при Цезаре. Военная добыча составила 700 млн сестерциев, а государственные доходы существенно выросли. Несмотря на огромные расходы, уже при Цезаре казна выросла до 800 млн сестерциев. Дальнейший рост происходит уже при Августе, и примерное представление может дать внесенная им в казну сумма в 2,5 млрд сестерциев (R. g. 16–17), Тиберий оставил в казне 2,7 млрд. Этот уровень сохранялся до времен Антонина Пия. Новый обвальный кризис происходит в III в. н. э.

Сенат имел полномочия и в области надзора за чеканкой монеты. Ответственными за эмиссию были, как и ранее, монетные триумвиры (*tresviri monetales*), причем, исчезнувшие после 12 г. н. э. Тем не менее, легенда *ex s. c.* («по решению сената») фигурирует вплоть до III в. н. э.

г) *Религия*. Хотя полномочия сената в области религии, вероятно, не были регламентированы правовыми актами, религия всегда была приоритетной областью его интересов. Ранее уже говорилось о всевозможных религиозных действиях в честь принцепса (деификация, молебствия, установка алтарей, другие посвящения). В I в. н. э. именно сенат давал согласие на строительство храмов Августу, Тиберию и их преемникам в провинциях (Tas. Ann., II, 86; IV, 16–16; III, 71; I, 78). Сенат также принимал участие в программе храмовой реставрации Августа, на основе которой были восстановлены и построены 82 храма (R. g. 4). В 69 г. н. э. по решению сената началось восстановление Капитолия.

Сообщения Тацита о сенатских заседаниях показывают широкий спектр религиозно-правовых вопросов. В их числе — установление статуса фламينا Юпитера, восстановление храма Венеры Эрицинской, споры о храмовой земле и др. (Tas. Ann., I, 54; II, 85; III, 36; 60; IV, 43). При Клавдии решением сената была восстановлена коллегия гаруспиков (Suet. Claud., 29). Информация Тацита и Светония относится к I в. н. э., для

II в. у нас уже нет столь подробных данных, но есть основания считать, что резкого изменения ситуации не произошло. Юристы Гай и Ульпиан подчеркивали известную степень равноправия императора и сената в этих вопросах. Согласно Гаю, священным считается только то, что «делается таковым волей (auctoritate) римского народа: ведь посвящается богам, когда по этому делу принят закон или сенатусконсульт» (Gai. Inst., II, 8). Позже Ульпиан напишет, что наследства оставляются богам только с разрешения императора или по решению сената (Ulp. Reg., 22). Последний известный нам сенатусконсульт по религиозным вопросам был принят во времена императора Валериана (258–260 гг.) и санкционировал преследование христиан.

Управление Римом и Италией, финансы и религия были теми областями, где права сената в силу традиции были особенно велики. Впрочем, сенат играл определенную роль и там, где основную власть осуществлял принцепс, а именно — в военных вопросах, провинциальном управлении и международных отношениях.

д) *Военные вопросы и международные отношения.* К концу правления Августа вся армия не только de facto, но и de iure находилась в руках императора. Из 25 легионов только один в Африке подчинялся сенату, однако даже и это подчинение носило формальный характер. В 39 г. н. э. он окончательно перешел под императорский контроль.

Примечательно, что наиболее важные вопросы все же обсуждались в сенате. В 13 г. до н. э. Август провел через сенат решение об установлении 20-летнего срока службы (Dio, 54, 25, 5–6; 55, 25, 4–6), а в 6 г. н. э. принцепс обсуждал в сенате меры по подавлению восстания в Паннонии (Vell. II, 111; Dio, 24, 21). В 14 г. н. э. на заседаниях сената обсуждались вопросы, связанные с Паннонским и Германским восстаниями. В 21 г. Тиберий консультировался с сенатом по поводу назначения командующего в войне с Такфаринатом, в 54 г. Нерон обсуждал подготовку к войне с Парфией (Tac. Ann., XIII, 8).

Традиция продолжалась и позже: Марк Аврелий регулярно информировал сенат о ходе военных действий (Dio, 69, 15, 2–3), а после смерти Марка сенат убедил Коммода прекратить войну на севере (Dio, 69, 15, 2–3). В 238 г. сенат достаточно регулярно обсуждал военные вопросы и стал подлинным штабом по обороне Италии от Максимиана. Косвенным указанием на то, что военные вопросы с самого начала широко обсуждались на заседаниях сената, является строительство (именно для этих целей) храма Марса Мстителя. Даже если сенат не принимал значитель-

ного участия в выработке решений, он явно имел информацию, а в тяжелые минуты император предпочитал опереться на его поддержку.

Особое значение имело то, что именно сенаторы составляли генералитет и офицерский корпус армии. Военные группировки подчинялись легатам провинций проконсульского и пропреторского ранга (легаты Германии, Британии, Сирии, Мезии, Паннонии и др.), легионами командовали легаты легионов, офицерами были военные трибуны (низшая должность в сенаторской карьере).

Принципиальные перемены происходят в III в. н. э. Септимий Север сделал всаднической должность примипила (старшего центуриона) легиона, что унифицировало карьеру, а Галлиен заменил сенаторских легатов легионов всадническими префектами. После реформ Диоклетиана исчезли и императорские легаты.

Практически все провинции, имевшие внешние границы, находились под контролем принцепса, а закон о власти Веспасиана давал последнему право заключать любые внешнеполитические договоры (Dess., 244). Дион Кассий считает объявление войны и заключение мира прерогативой принцепса (Dio, 53, 17, 5), а августовский закон об оскорблении величия запрещал вести войну без императорского приказа (*iniussu principis*).

Тем не менее, сенат, имевший давние традиции дипломатической практики, привлекался императором как активный партнер. В 3 г. н. э. Август обсуждал в сенате вопрос о передаче Армении Ариобарзану (Dio, 55, 10a, 7), в 17 г. н. э. сенат заслушивал вопрос о положении на востоке и посылке Германика (Tac. Ann., II, 43). В 18 г. Тиберий получил санкцию сената на аннексию Каппадокии (Tac. Ann., II, 56). В 38 г. Гай Калигула оформил не менее масштабные перестановки в восточной политике через сенатусконсулт (Dio, 59, 12, 2), в 41 г. Клавдий заключил в сенате договор с Иродом Агриппой, в 47 г. принимал там парфянскую делегацию (Tac. Ann., XIII, 7), а в 66 г. сенат участвовал в приеме Тиридата (Suet. Nero, 13; Xiph., 174). При Антонинах сенат постоянно принимал иностранные посольства, а регламент Августа выделял для этого целый месяц (февраль).

В дипломатической деятельности сената можно отметить еще одну закономерность. Его участие было связано, прежде всего, с восточными провинциями. На севере, где стояли основные военные силы, а сенатские провинции находились в глубоком тылу, в центре политики находился император, тогда как на востоке, где находились главные сенатские провинции (Азия, Вифиния-Понт, Македония, Ахайя), интересы и участие сената в политике были значительно больше.

е) *Сенатские провинции*. Именно разделение провинций стало одним из оснований для появления моммзеновской теории диархии. Вплоть до времени Диоклетиана 12 провинций находились под властью сената и его наместников (Азия, Вифиния-Понт, Македония, Иллирик, Ахайя, Кипр, Крит и Кирена, Бетика, Африка, Нумидия, Сицилия, Сардиния). Азия и Африка, а иногда и Македония, управлялись проконсулами, остальные — пропреторами. Некоторые из этих провинций имели большое экономическое, политическое и культурное значение.

В I–II вв. н. э. сенаторы-наместники играли ключевую роль в провинциальном управлении. Помимо наместников сенатских провинций, это были легаты императорских провинций проконсульского и пропреторского ранга. Последних выбирал император, который, однако, был вынужден считаться с сенатской иерархией. Разумеется, независимость сенатских наместников была чисто формальной. Император часто отдавал им прямые приказы, которые могли оформляться как постановления «сената и народа». Важным свидетельством отношений между Августом и сенатскими наместниками являются подробно разобранные Н. А. Машкиным эдикты из Кирены¹⁶⁷.

В 5 эдикте оказано о принятии сенатусконсульта по докладу консулов, который был сделан в соответствии с пожеланием Августа и решением состоящего при нем совета (Ed. Sug., V, 81; 84). После принятия сенатского решения император рассылает его в провинции в форме эдикта. О том, насколько высока была степень контроля императора, показывает переписка Плиния и Траяна в бытность Плиния проконсулом Вифинии в 111–112 гг. н. э., когда наместник согласовывал с принцепсом даже такие вопросы как присылка архитектора, строительство бани в Прусе, судьба городских касс и даже посылка 13 солдат для охраны тюрьмы.

Согласно списку Р. Тальберта, из 142 известных нам решений сената 17 имеют прямое отношение к жизни провинций, а многие другие связаны с ней косвенно¹⁶⁸. Похоже, что также как и император, сенат давал наместникам свои поручения (IG., I, XXVI) и, вероятно, выслушивал отчеты. В этой области сенат скорее взаимодействовал с императором, нежели противопоставлял себя последнему.

Некоторый упадок значения сената начинается на рубеже I–II вв. н. э. в связи с ростом значения структур императорского аппарата, однако подлинный кризис сенатского провинциального управления наступает в

---

¹⁶⁷ Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // ВДИ. 1938. № 3.

¹⁶⁸ Talbert R. The Senate... P. 438–458.

III в. н. э. В IV в. н. э., в связи с провинциальной реформой Диоклетиана, создается новая система провинциального управления (провинциальные наместники — викарии — префекты претория), устранившая сенат и из этой сферы деятельности.

ж) *Судебные функции.* Сенат действовал и в качестве суда. В период республики это следовало из его функций защиты государственной безопасности. В 63 г. до н. э. сенат решил судьбу катилинариев, в 43 и 40 гг. до н. э. он участвовал в суде над участниками заговора против Августа, Кв. Галлием и Сальвидиеном Руфом. В 23–22 гг. до н. э. в сенате рассматривались дела других заговорщиков против первого принцепса, Фанния Цепиона и Варрона Мурены. В 8–12 гг. н. э. сенатский суд начал действовать как более или менее постоянный орган, а со времен Тиберия создается регулярная процедура сенатского суда. В сферу его компетенции входили процессы об оскорблении величия (*maiestas*), вымогательствах (*peretundae*) и других уголовных преступлениях. В I–II вв. н. э. через сенат прошли десятки, а возможно — и сотни подобных дел.

Процессы об оскорблении величия были едва ли не самым тягостным фактором отношений принцепса и сената. В период правления Тиберия, Калигулы и Нерона и отчасти — Клавдия сенат был не только лишен возможности защищать обвиняемого (в процессе *maiestas* адвокат вообще отсутствовал), но был вынужден всеми способами поддерживать обвинение. Вместе с тем, *lex maiestatis* становился орудием политической борьбы, и инициатива могла исходить от отдельных сенаторов. Ситуации были различны: обвиняемый оказывался совершенно беззащитен, если обвинение шло от принцепса, и имел шансы на оправдание, если инициатором процесса выступало другое лицо. Принцепс, напротив, мог выступить инициатором смягчения приговора или даже использовать трибунское вето.

В исторической литературе дискутируется вопрос о субъективной виновности принцепсов в происходящем при их правлении терроре. Особенно это касается Тиберия и Клавдия. На одном полюсе находятся мнения, что принцепсы практически не несут ответственности за происходившие репрессии и даже пытались сдерживать террор, на другом (что является ближе к истине) — точка зрения, что именно император формировал общее отношение к этим процессам. В период правления Тиберия и Нерона практически любой обвиняемый в оскорблении величия мог считать себя осужденным, а потому многие из них кончали собой еще до процесса, тем самым пытаясь обезопасить семью от положения семьи репрессированного, а имущество от конфискации. Можно отметить

некоторые различия: Тиберий и Клавдий предпочитали действовать через сенат, и именно их правления стали эпохой расцвета сенатских процессов, тогда как Калигула и Нерон чаще использовали внесудебные расправы.

Поворот наступил с падением Нерона. Гальба, Отон и особенно Веспасиан начали кампанию против нероновских деляторов, а Тит был первым императором, вообще прекратившим процессы и давшим клятву не казнить сенаторов без суда (Suet. Tit., 9). Правление Домициана восстановило и общую обстановку террора, и процессы в сенате, и внесудебные расправы, и традиции доносительства. Убийство Домициана стало еще одной вехой, император подвергся *damnatio memoriae*, а его преемник Нерва вернул изгнанников и дал обещание не казнить сенаторов. Траян подтвердил неизбежность этого курса и уже надолго прекратил репрессии. Появление трудов Тацита навсегда осудило эпоху *lex maiestatis*, а после нескольких рецидивов репрессивного курса при Адриане последовала сорокалетняя «эпоха согласия» при Антонине Пии и Марке Аврелии. Тяжелейший внешнеполитический кризис 60–80-х гг. II в. н. э. снова изменил ситуацию. Последовали репрессии Коммода, а затем — чистки Септимия Севера и террор Каракаллы. У нас нет источника, подобного Тациту, а потому у нас очень мало фактов самих процессов и их описаний. Вероятно, ситуация изменилась в том смысле, что император уже не требовал «соучастия» сената и расправлялся со своими жертвами как абсолютный монарх, карающий своих подданных. Ответом была сенаторская реакция при Александре Севере, вернувшая нормы антониновской эпохи. Начиная с 30–40-х гг. III в., начался острейший политический кризис Империи, и сенат и император существовали уже в новой эпохе. Сенат действовал в качестве суда и по другим делам; по делам об убийствах и насилиях (*de vi*), адюльтерах (*de adulteriis*) и лжесвидетельствах (*de falsis*). Особенностью этих процессов было то, что в отличие от процессов об оскорблении величия, в которых сенатский суд был единственной инстанцией, все эти преступления были подсудны специальным судебным комиссиям (*quaestiones*), которые и рассматривали подавляющее число подобных случаев.

Вопрос о том, по какому принципу дело могло быть перенесено в сенат, не совсем ясен. Дело могло быть перенесено туда по воле принцепса, по решению сената и, возможно, по воле сторон, естественно, с разрешения сената и императора. Можно с уверенностью сказать, что сенат разбирал наиболее громкие дела, участниками которых были знатные и высокопоставленные люди, а в самом обвинении присутствовала политическая подоплека. Если процессы о насилии и лжесвидетельствах вообще были единичны, то многие дела о супружеской измене, рассма-

триваемые сенатом во времена Юлиев-Клавдиев, были, по сути дела, скрытыми формами политических репрессий. Сенат относился к этому двойственно: с одной стороны, он тяготился «соучастием» в императорском терроре, с другой — на основе этих процессов постепенно развивается сенаторская привилегия, когда члены сената могли уходить от обычного правосудия, требуя, чтобы их дело рассматривали только в этом высшем государственном органе. Сенатский суд был самым дорогим, а потому сенатор мог выиграть дело не только благодаря поддержке коллег, но и по причине неспособности противоположной стороны нести судебные издержки.

Несколько особняком стоят процессы о вымогательствах (*de heretundis*), также являвшиеся специфическим «сенаторским» преступлением. Большая часть известных нам процессов относится ко времени Тиберия, Нерона и Траяна, причем практически все они имеют политическую подоплеку. Во времена Тиберия они часто соединялись с обвинениями в оскорблении величия.

Среди обвиняемых встречаются представители обеих ветвей администрации, сенатской и императорской. Для последних согласие принцепса было необходимо, хотя и в случае с первыми хороший тон требовал определенных предварительных консультаций. Часто император сам был инициатором процесса. Последние очень хорошо передают модель отношений: сенат просил разрешения, а император скорее информировал, рекомендовал и советовался.

Процедура сенатского суда сочетала в себе признаки сенатского заседания и судебного процесса¹⁶⁹. Обвинителем могло быть одно или несколько лиц (обычно сенаторы), точно таким же образом могли быть один или несколько адвокатов. И те, и другие могли выступать добровольно или быть назначенными сенатом или императором. Если обвинение исходило от принцепса, то процесса фактически не было: сенат либо «единодушно» соглашался с приговором, либо проводил чисто формальное обсуждение с тем же результатом. В случае, если этого не было, процесс становился состязательным.

Сенат выслушивал речи сторон. Вначале выступало обвинение, затем защита. Обвинительные и оправдательные речи могли чередоваться. После этого следовало *inquisitio* (рассмотрение показаний свидетелей и документальных данных), а затем — обычное сенатское обсуждение, когда каждый сенатор мог подать свой голос. В конце следовало голосование, которое могло быть открытым или тайным. Император мог изменить

---

¹⁶⁹ *Ibid.* P. 480–484.

приговор (как правило, в сторону смягчения) или даже отменить его, воспользовавшись правом вето. Это право имел и народный трибун.

3) *Сенатское законодательство*. Вероятно, на основе этой судебной практики постепенно формируется право сената принимать решения в области частного права. Хотя сенатусконсулы явно признаются как акт, имеющий силу закона (Gai. Inst., I, 4), при Августе право подкрепления решений сената постановлениями народного собрания все еще остается. После первого принцепса оно исчезает. С исчезновением комиций появляются законы прямого действия, «данные» принцепсом (*leges datae*), что, видимо, сопровождалось и ростом значимости сенатского решения.

Самая значительная часть сенатусконсультов в списке Р. Тальберта относится именно к различным областям частного права: из 142 датированных сенатусконсультов 49 относятся к этой сфере, 20 связаны с рабами и вольноотпущенниками, еще три определяют статус различных лиц. Из 96 недатированных решений к области частного права относятся практически все, причем здесь можно выделить несколько приоритетных направлений: рабы, либерты и их статус (27), вопросы наследования и опеки (14), вопросы уголовного права (14), законодательство о браке (8), вопросы судебной процедуры (6)¹⁷⁰.

Наш подсчет совпадает с мнением самого Р. Тальберта, считавшего, что в сенатской повестке явно преобладало статутное право, связанное с определением статуса различных категорий населения, от рабов до самих сенаторов, а также право наследования (завещание, дарение, наследование, опекуновство). Сенат также занимался поддержанием общественного порядка¹⁷¹. Напротив, магистратское право было больше связано с семейными отношениями, правом на вещи, обязательственным правом и правилами купли-продажи. Уголовным законодательством занимались и император, и сенат¹⁷².

При всей условности этой выборки можно определить известные тенденции развития. Очень много решений относится ко времени Августа (18) и Тиберия (15). Среди сенатусконсультов первого много решений, посвященных статусу магистратов и комиссий, зрелищам и законодательству о браке, а сами законы и сенатусконсулы Августа создали основу политики Империи в отношении рабов и либертов. Во времена Тиберия (особенно в первый период) происходит расширение тематики заседаний,

---

¹⁷⁰ Talbert R. The Senate..., P. 435-438.

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Ibid.

а данные Тацита показывают обилие решений по вопросам провинциальной, финансовой и религиозной политики.

Много сенатусконсультов относится к эпохе Клавдия (18) и Нерона (12). Первые — это решения относительно рабов, вопросов наследования и других сюжетов частного права, а при Нероне (особенно в первые пять лет) расширяется участие сената в провинциальной политике, тогда как в собственно законодательстве приобретает особое значение «рабский вопрос».

До нас дошло очень немного решений времени Флавиев (7), Нервы (1), и Траяна (4), однако новый расцвет сенатского законодательства приходится на время Адриана (31) и Марка Аврелия (21). При Адриане сенат активно участвовал в регламентации постоянного эдикта (СЛ., I, 17, 2; 18) и принял ряд постановлений по вопросам наследования, гражданства, семейного и имущественного права. При Марке Аврелии наряду с этими темами снова появляется множество решений по вопросу о рабах. После Марка Аврелия, при Коммодe и Септимии Севере, число сенатусконсультов резко уменьшается, а кризис III века привел к фактическому концу сенатского законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1906–1908. Вып. 1–3.
2. *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892 (есть переиздания).
3. *Геродиан*. История. СПб., 1996.
4. Деяния божественного Августа // Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. М., 1953. Т. 3. С. 194–197.
5. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / Пер. с лат. И. С. Перетерского. М., 1984.
6. *Евтропий*. История от основания Города. СПб., 2001.
7. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко и А. И. Доватура. М., 1983.
8. Писатели истории Августов — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева. М., 1992.
9. *Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати Цезарей. О знаменитых людях. Фрагменты / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

10. *Тацит Корнелий*. Сочинения в двух томах / Изд. подг. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский и др. Л., 1969.

11. *Флавий Иосиф*. Иудейские древности. Пер. с греч. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. 1–2 (репринт — 1996).

Литература
Обязательная

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 16–18, 22, 23.

2. *Ковалев С. И.* История Рима. Изд. 2-е / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986. Ч. II. Гл. 1–16.

3. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 24–29, 32–36, 39.

4. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 506–563.

5. *Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима. СПб., 2003. Ч. 2. Гл. 5–6.

Дополнительная

1. *Белкин М. В.* Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

2. *Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с франц. Под ред. Бодянского. Вып. 1–2. М., 1888–1890.

3. *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.

4. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Л., 1985.

5. *Егоров А. Б.* Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 2. 1989. С. 161–172.

6. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. М., 1981.

7. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.

8. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.

9. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995. Т. 3, 5.

10. *Межерский Я. Ю.* Республиканская монархия. Метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва; Калуга, 1994.

11. *Михайловский Ф. А.* Трибунская власть в политической системе принципата: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

12. *Парфенов В. Н.* Рим: От Цезаря до Августа. Саратов, 1987.

13. *Портнягина И. П.* Сенат и сенаторское сословие в эпоху Августа. Калинин, 1989.

14. *Ростовцев М. И.* Рождение Римской Империи. Пг., 1918.

15. *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976.

16. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 22–106.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ТЕМЕ

Соотношение власти сената и принцепса и роль сената в политико-правовой системе Империи стали одним из ключевых вопросов истории и политико-правовой системы. Основательные обзоры историографии имеются в ряде отечественных исследований (Н. А. Машкин, Я. Ю. Межеричский, И. П. Портнягина), что избавляет нас от подробного анализа историографии. Необходимо отметить, что вопрос о месте сената очень тесно связан с общим вопросом о сущности принципата, и зачастую ответ на него зависит от общей концепции этой системы.

Различные концепции принципата предполагают различные взгляды на роль сената в имперской системе. Так, «теория диархии» Т. Моммзена и его последователей (О. Карлова, П. Виллемс, Б. Низе и др.) исходит из представления о сенате как «второй власти» нового государства¹⁷³, а сторонники теории принципата как «восстановленной республики» (Эд. Мейер, Г. Ферреро) вообще полагают, что в правовом отношении сенат был высшей властью в государстве, которой формально подчинялся даже император¹⁷⁴. Известное возрождение этой теории видно в исследованиях М. Хэммонда, видевшего в Империи «сенатскую монархию»¹⁷⁵. По мнению Кл. Мипуле, сенат, хотя и был «второй властью», все-таки реально подчинялся императору¹⁷⁶.

Совершенно по-другому оценивают роль сената сторонники различных теорий монархий. Так, сторонники «чистой монархии» отводят сенату роль полностью подчиненного принцепсу, по сути дела, республиканского и оппозиционного органа, тогда как император рассматривается как монарх, подданными которого были сенаторы (Ж. Боссюэ, Ш. Монтескье, Ф. Шампаньи, Л. де Фонтен, Ж. Ж. Ампер и др.). Сторонники «тео-

---

¹⁷³ *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1885; *Виллемс П.* Римское государственное право. Киев, 1890; *Низе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910.

¹⁷⁴ *Meyer Ed.* 1) *Kaiser Augustus.* Halle, 1910; 2) *Caesar's Monarchie...* S. 123–125.

¹⁷⁵ *Hammond M.* 1) *The Augustan Principate.* Cambridge, 1933; 2) *The Antone Monarchy...* P. 346–348.

¹⁷⁶ *Mispulet Cl.* Les institutions... P. 95–105.

рий фасада» (В. Эренберг, Э. Корнеманн, В. Колбе, Ф. Марш, Р. Хайнце, Л. Р. Тэйлор, К. Ханнел, А. Джоунз и др.) считают сенат одним из главных элементов того самого «республиканского» фасада, который прикрывал реальную сущность абсолютной власти принцепса и был нужен последнему именно в этом последнем качестве¹⁷⁷.

Иная роль отводится сенату теми исследователями, которые считают принципат «конституционной монархией» или «системой взаимодействия» (М. Хэммонд, А. фон Премерштейн, П. Гренаде и др.)¹⁷⁸. Согласно этим теориям, император был не монархом или диктатором, а руководителем государства, сохранившего принципы представительной власти, а принципат — монархией, ограниченной правовыми нормами и традициями, или даже некоей разновидностью «президентской республики». В этой схеме доминирующую роль все же играет принцепс, однако и сенат оказывается важнейшим элементом управления, наделенным достаточно значительными управленческими функциями.

Близкую концепцию поддерживает большинство современных ученых, специально занимающихся исследованием имперского сената (А. Шастаньоль, П. Брюнт, В. Эк, А. Джоунз, П. Ламбрехтс, Б. Левик, Г. Пфлаум, Р. Сайм и др.). Аргументы этой части исследователей более или менее полно изложены в предыдущей части главы, и, по справедливому замечанию одного из рецензентов, исследование Р. Тальберта, ставшее итоговым для этого направления, «разрушило распространенный миф, что сенат был весьма почитаемым органом, выполняющим тривиальные поручения, и воскресил давно забытое представление, что сенат был реальным партнером императора в реальном управлении обществом». Впрочем, Р. Тальберт признает и другое обстоятельство — по мере развития имперского управленческого аппарата и эволюции императорской власти в сторону настоящей монархии происходит и постепенное сокращение власти сената¹⁷⁹. Отметим и еще одну точку зрения, характерную для тех исследователей, которые видят в принципате уникальную политико-правовую систему, которая не подходит ни под одну конкретную правовую дефиницию (Эр. Мейер, Ж. Беранже, Д. Тимпе, Л. Вик-

---

¹⁷⁷ *Ehrenberg V.* Monumentum Ancyranum... Bd. 19. S. 207; *Kornemann E.* Doppelprinzipat und Reichsteilung... Berlin, 1930; *Kolbe W.* Augustus. Darmstadt, 1985. S. 72–98; *Marsh F. B.* The reign of Tiberius... P. 51–67; *Heinze R.* Kaiser Augustus // *Hermes*. 30. 8. 55. P. 388; *Taylor L. R.* Party politics in the age of Caesar. Berkeley, 1939 (3rd ed. — 1961); *Hannel K.* Kaiser Augustus // *Das Altertum*. 1950. S. 237; *Jones A. H. M.* Augustus. P. 187.

¹⁷⁸ *Hammond M.* The Antonine Monarchy... S. 346–348; *Premmerstein A., von.* Vom Werden und Wesen... S. 63; 123ff., 232; *Grenade P.* Essai sur les origines du principat. Paris, 1961.

¹⁷⁹ *Talbert R.* The Imperial Roman Senate. Princeton, 1984.

керт и др.)¹⁸⁰. Согласно этой теории, сенат и сенаторы не имели реальной власти, но были носителями республиканской идеологии и системы ценностей, имевших принципиальное значение для жизни Империи.

Итак, различные теории показывают различную роль имперского сената: для сторонников «теории диархии» сенат был «второй властью», в большей или меньшей степени уравнивающей «первую», т. е. власть императора; напротив, для ученых, стоящих на позициях «теории монархии», он играл скромную роль подчиненного, постоянно подавляемого реликта республики, оппозиционно настроенного по отношению к императорской власти и постепенно вытесняемого из всех сфер политической жизни. Наконец, для «теории фасада» сенат был главным элементом республиканского «прикрытия», а для сторонников уникальности принципата — важным фактором идеологии, впрочем, лишенным реального значения.

Наиболее приемлемой оказывается теория Р. Тальберта и его сторонников: сенат, несомненно, не был равным партнером принцепса, впрочем, и, не пытаясь им стать и вполне смирившись со своим подчиненным положением; тем не менее, это был важный государственный орган, наделенный не только фиктивными, но и реальными полномочиями. Сенат активно сотрудничал с императорами, и последние видели в нем не только орган оппозиции (это было скорее признаком эксцессов политики некоторых императоров), но и ценного партнера по управлению.

К этому можно добавить лишь следующее: положение сената менялось со временем и очень зависело от конкретной обстановки в Империи и политики императора. Можно также заметить, что практически все остальные теории содержат в себе определенные элементы здравого смысла. Различные принцепсы видели в сенате сотрудника и врага, основу управленческого аппарата и нежелательное препятствие, хранителя старых традиций или устаревшую, отжившую структуру, сохраняемую по причине обычного консерватизма римлян. Принцепс выступал в сенате как глава магистратской коллегии и носитель высшей военной и трибунской власти, однако он был и членом сената и даже его председателем. Даже *de iure* положение принцепса было двойственным: огромная власть создавала соблазн вести себя как хозяин и абсолютный монарх, а интересы принцепса как носителя империя часто вступали в противоречие с интересами сената. Вместе с тем, принцепс был членом сената и его лидером, и хотя бы поэтому должен был отстаивать его интересы.

---

¹⁸⁰ *Beranger J. Recherches... P. 250; Wickert L. Princeps... Sp. 2056–2080; Meier Er. Römische Staat- und Stadtgedanke. Zürich, 1964.*

Сам сенат также выступал в разных качествах. Он явно подчинялся императорам в военной и финансовой деятельности, хотя и сохранял немалое значение в дипломатической жизни. Достаточно значительной была роль сената и сенаторов в провинциальном управлении, а в религии, идеологии и управлении Римом и Италией сенат был достойным сотрудником и отчасти даже конкурентом принцепса. Сенат приобрел и новые функции, в частности — выборы магистратов и функции суда. Наконец, сенат сохранил свое качество хранителя континуитета императорской власти и был инстанцией, дающей власть императору и имевшей (хотя бы теоретически) право лишить его этой власти.

Именно эти различные функции сената и его сложное положение давали основания для различных теорий. Роль сената в признании императора, сколь бы формальной она ни была, создавала идею «республики» и «подчинения» принцепса сенату; значение сената в сфере религии, права и поддержания традиций и культуры может быть основой для «идеологического» понимания роли сената; ситуация в провинциальном управлении действительно напоминает модель «диархии» или наличия «равных» или «неравных» сотрудничающих партнеров; область дипломатии скорее подтверждает теорию представительских функций; положение с управлением армией и другими силовыми структурами, финансы и внутренняя политика ясно показывают, что хозяином положения был император. Процессы об оскорблении величия или исполнении культа правителя, присяги и славословия в его адрес наглядно демонстрировали сенаторам, что они не только подчиненные, но и подданные принцепса.

Роль сената в целом дополнялась ролью сенаторов, и наоборот. Если каждый сенатор в отдельности зависел от принцепса, то все вместе они решали вопрос о его власти. С другой стороны, сенат имел небольшое значение в военной политике и управлении армией и был полностью лишен права определять жизнь в провинциях принцепса, но именно сенаторы составляли высший генералитет и высшую провинциальную администрацию.

Хотя периоды спада чередовались с периодами подъема, общей тенденцией было медленное, но неуклонное падение роли сената. В период принципата Августа и Юлиев-Клавдиев сенат и сенаторы были основой управленческой системы, а террор и экзальтация власти Калигулы или Нерона были деструктивными попытками подавления сената, без которого Империя не могла существовать. Впрочем, императоры пошли по другой линии — по линии замены сенатских структур внесенатским аппаратом. Главным противником сената был не император, который мог

подчинить себе сенат, но не мог выполнять его работу, а императорский аппарат, который имел такую возможность.

Ко времени Флавиев замена сенатского аппарата имперскими структурами становится уже достаточно ощутимой, во времена Траяна и Адриана происходит перелом, замедлившийся при последних Антонинах. При Северах преобладание имперских структур было уже достаточно очевидно. Военный кризис 40–80-х гг. III в. окончательно сломал сенатский аппарат, а реформа Диоклетиана покончила с ним, создав новую систему имперского управления.

ТЕМА 7

ИМПЕРАТОРСКИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Почти одновременно с установлением императорской власти начался процесс формирования личного аппарата принцепса. Значительную его часть составляли сенаторы, однако наряду с ними появляются чисто внесенатские структуры, подчиненные лично императору и не связанные с сенатом. Известные предпосылки для их появления возникли еще при республике. Вокруг каждого республиканского магистрата существовал неофициальный совет (*consilium*), состоящий из тех, кто помогал ему в выработке решений. Немалую часть членов этого совета составляли сенаторы, но в его работе участвовали и другие лица, родственники, друзья и даже вольноотпущенники. Другой основой формирования внесенатского аппарата были так называемые *officiales*, специальные корпорации, обслуживающие должностных лиц: ликторы, писцы (*scribae*), посыльные (*viatores*), глашатаи (*praecones*) и др. Этот персонал состоял из свободных и сохранился вплоть до эпохи Империи. Вместе с тем, магистраты использовали личный домашний персонал, клиентов, либертов и рабов. Естественно, что императоры только расширили использование этих категорий служащих. Наконец, особенно в эпоху гражданских войн, крупные полководцы и администраторы давали подчас весьма значительную власть своим назначенцам, префектам.

Уже Август заложил основу внесенатского аппарата. В качестве персонала он использовал не только вольноотпущенников, но и всадников, которые постепенно стали основой новых структур. Систему императорского аппарата составили четыре основных элемента: 1) совет принцепса; 2) императорские канцелярии; 3) императорские префекты и 4) система других чиновников, префектов и прокураторов.

При первом принцепсе появились первые основные службы. С 30 г. появляется должность префекта Египта, первого заместителя всаднического ранга, подчиненного лично императору и назначаемого им без какого-либо согласования. В 26 г. Август учредил должность городского префекта (*praefectus urbis*), а примерно с 13 г. до н. э. она стала постоянной. Уже при Августе префект города подчиняет себе практически все городские структуры и службы. Ему подчинялись городские когорты, выполнявшие полицейские функции. Позже под его контроль перешли и

когорты вигилов, военизированной пожарной охраны и ночной стражи. Наконец, у него был городской управленческий аппарат, состоящий из глав регионов и так называемых *vicomagistri*. Достаточно быстро префект города стал контролировать и сенатские комиссии — *curatores viarum*, *curatores aquarum*, *curatores frumenti dandi*. В конце правления возникли еще три должности префектов.

Август создает постоянную преторианскую гвардию во главе с префектами претория. Судя по Диону Кассию, первыми префектами стали Кв. Осторий Скапула и П. Сальвий Апр (Dio, 55, 10, 10), а должность была введена во 2 г. до н. э.

В 22 г. до н. э. Август взял на себя контроль за продовольствием в Риме (*cura annonae*). В 6 г. н. э. в связи с ухудшением ситуации, император создал совет из двух консуляров, а немногим позже заменил их префектом анноны. На эту должность был назначен всадник Гай Турраний, занимавший ее более 40 лет (в 14 г. н. э. он уже, несомненно, занимал этот пост, а в 48 г. еще участвовал в этом качестве в совете Клавдия) (Tac. Ann., I, 7; XI, 31). В 6 г. н. э. появился корпус вигилов во главе с префектом всаднического ранга (Strabo, V, 3, 7; Dio, 55, 26, 4–5; 27, 1; 56, 41). Префекты стали появляться и в провинциях (Коттийские Альпы), и в армии. При Августе резко выросло число вспомогательных когорт и ал, во главе которых стояли префекты. Согласно Веллею Патеркулу, в 7 г. н. э. в армии Тиберия в Далмации и Паннонии было 15 легионов, 70 когорт и 10 ал *auxilia* (Vell., II, 113). При Августе создаются и мощные постоянные флоты, Мизенский и Равеннский, во главе с префектами флота (*praefecti classis*).

Другую категорию императорских служащих представляли прокураторы. Первоначально это были личные слуги принцепса, рабы и либерты, контролировавшие императорское имущество. Позже прокураторы стали императорскими чиновниками, а наиболее высокопоставленные из них были уже лицами всаднического ранга. Таковыми были прокураторы-наместники провинции (Реция, Норик, Иудея, Приморские и Грайские Альпы). Позже (во времена Клавдия, Веспасиана и Траяна) они появились и в других областях (Мавретании Тингитанской и Мавретании Цезарейской, Фракии, внутренней Дакии, Эпире, Каппадокии). Ниже по рангу стояли прокураторы фиска и прокураторы, управлявшие императорским имуществом.

При Августе возникает еще одна структура — совет принцепса. Во времена первого императора появляются сенатские комитеты для обсуждения конкретных законов (Tac. Ann., I, 8; III, 22; Dio, 55, 28, 5). В конце правления существовал уже достаточно постоянный комитет из 20 чело-

век, занимавшийся предварительным обсуждением основных вопросов, которые предлагались сенату для обсуждения.

Развитие внесенатского аппарата продолжалось при Клавдии (41–54 гг. н. э.). Расширяется императорский совет, включивший в себя, наряду с сенаторами, высокопоставленных представителей внесенатской администрации, друзей и либертов принцепса. Перестав быть чисто сенатским комитетом, совет должен превратиться в орган, альтернативный сенату, но при этом полностью подчиненный принцепсу. Вторым принципиальным новшеством стало создание дворцовых канцелярий (*officia*) во главе с императорскими либертами. Тремя основными канцеляриями были: *ab epistulis* (по делам переписки), *a rationibus* (по делам финансов) и *a libellis* (по делам прошений). Хотя *officia* не имели официального статуса, именно они постепенно превратились в центральное звено императорского аппарата. Число префектов и прокураторов постепенно росло, а в 53 г. н. э. императорские прокураторы получили право юрисдикции с обязательным выполнением их распоряжений (*Tac. Ann.*, XII, 60). Исследователи считают этот сенатусконсульт важным этапом на пути эволюции личных слуг принцепса в сторону официальных чиновников, ставших важнейшей частью внесенатского аппарата.

Вителлий провел важную реформу, заменив либертов всадниками на так называемых *ministeria principatus*, т. е. должностях руководителей канцелярий (*Tac. Hist.*, I, 58). Число прокураторов постоянно росло: при Августе их было 25, при Нероне — 45, при Домициане — 60, при Траяне — 80. Система расширялась и далее — постепенно число прокураторов, выполнявших функции наместников провинций или их помощников, превысило число самих наместников (около 30 в I в. н. э. и 40–50 во II в.).

Новым этапом развития внесенатских структур стало время Адриана. При нем происходит оформление императорского совета (*consilium principis*), а должности в канцеляриях окончательно стали всадническими. И те и другие стали получать жалование. По мнению автора IV в. н. э., «Адриан установил государственные и дворцовые должности, кроме военных, в таком же виде, который, будучи немного изменен Константином, остается и сегодня» (*Epit. Cass.*, 14, 1). Это, конечно, преувеличение — при Северах и императорах III в. н. э. он рос и количественно, и качественно, что подготавливало создание единого аппарата, произошедшее уже при Диоклетиане и Константине.

2. СОВЕТ ПРИНЦЕПСА

Первый шаг к созданию совета принцепса (*consilium principis*) сделал Август, создав особый комитет из 15 сенаторов для предварительного рассмотрения вопросов, передаваемых на рассмотрение сената. Комитет избирался сроком на полгода (Suet. Aug., 35, 3; Dio, 53, 21), а в конце правления некоторые решения этого совета приравнивались к решениям сената. Помимо этого совета, вокруг Августа, несомненно, создавался неформальный совет, при помощи которого император принимал свои решения. В него, вероятно, входили члены семьи, друзья, крупные политики, а позже и руководители внесенатских структур и приближенные либерты. Тиберий вернулся к старой системе; *consilium* перестал существовать, а руководящей группой становятся старые заслуженные сенаторы, видные деятели последнего периода августовского правления и участники германских и паннонских войн самого Тиберия. Новой, особенно важной группой влияния стали префекты. Огромное влияние на императора оказывали, например, префект Египта Сей Страбон, префект анноны Гай Турраний и префект вигилов Макрон. Впрочем, главными советниками Тиберия стали префекты претория, вначале Сеян, а затем — Макрон. Первый стал консулом 31 г. н. э. и официальным преемником императора, едва не сумевшим захватить власть, второй фактически возвел на трон Гая Калигулу.

Со времен Калигулы и Клавдия начинается выдвижение третьей, самой «неформальной» группы влияния — императорских вольноотпущенников. Не имея никакого юридического статуса, либерты были очень близки к принцепсу и оказывали огромное влияние на его решения. Некоторые (Каллист, Нарцисс) выдвинулись уже при Калигуле. Клавдий пытается придать им официальный статус, ставя во главе *officia*, и даже пытается определить их место в сенаторской иерархии. Нарцисс получил преторский ранг, Паллант — квесторский. Другие либерты — Посид, Полибий, Феликс, Гарпократ — также получили официальные награды и почести. Нерон сместил и даже казнил некоторых вольноотпущенников Клавдия, но вскоре выдвинул своих — Гелия, Спора, Пифагора, Поликлета (Suet. Nero, 28; Xiph. 178), а уезжая в Грецию в 66 г., император оставил Рим на попечение Гелия (Suet. Nero, 23; Xiph., 177). Свержение режима Нерона стало концом «режима вольноотпущенников» и временем потери ими ключевых постов в императорских канцеляриях. Во времена Флавиев и Антонинов они уже не играют столь существенной роли.

Клавдий делает новый шаг в развитии императорского совета, в котором теперь объединялись три группы руководителей: сенатская элита и служилая аристократия, верхушка внесенатской администрации и императорские либерты. Совет еще не имел ни официального состава, ни четкого статуса, однако его состав можно определить с достаточной ясностью. Это представители верхушки сената и сенатской администрации (Л. Вителлий, П. Суиллий, Цецина Ларг, Гн. Домиций Корбулон, Сер. Сульпиций Гальба, А. Плавтий Сильван), префекты претория Лузий Гета, Руфрий Криспин, а позже — Афраний Бурр, бессменный префект анноны Гай Турраний и либерты — Нарцисс, Паллант, Полибий и, возможно, другие (Тас. *Ann.*, XI, I, 34; XV, 34).

В несколько измененном виде совет принцепса существует при Нероне. Его ключевыми фигурами были Бурр и Сенека. Бурр был префектом претория, Сенека не занимал никакого официального поста, будучи воспитателем Нерона. Впрочем, Нерон попытался порвать с принципами существования императорского совета. В своей программной речи Нерон заявил, что будет править в стиле Августа, не будет решать все единолично и намерен «разделить дом и сенат» (Тас. *Ann.*, XIII, 4), сохраняя за последним «его древние обязанности» (*Ibid.*). Это означало отказ от *consilium* Клавдия и возврат к «сенатскому правлению» времен Августа и Тиберия. Впрочем, в конце принципата основной группой влияния были императорские префекты претория Тигеллин и Нимфидий Сабин и либерты принцепса. «Теневой кабинет» Гальбы составляли его легат Тит Виний, префект претория Корнелий Лакон и либерт Ицел (Тас. *Hist.*, I, 5; 48; *Suet. Gal.*, 14, 2). Ювенал упоминает совет при Домициане, в который вошли два префекта претория и восемь сенаторов высокого ранга (*Iuven. Sat.*, 4).

Совет Траяна состоял из высокопоставленных сенаторов и военных. Старшее поколение представляли старые друзья и сослуживцы Траяна, многие из которых командовали различными группировками в 96 г., когда сам Траян был еще легатом Верхней Германии (Л. Лициний Сура, Л. Юлий Марин, П. Яволен Приск, Т. Помпоний Басс). Среди окружения императора были выдающиеся юристы, Анний Вер и Нератий Приск, а в лице Плиния и Тацита новая власть получила своих идеологов. Позже к ним добавились военачальники нового поколения — А. Корнелий Пальма, Л. Публиций Цельс, Лузий Квиет и, возможно, предназначавшийся в премники Г. Авидий Нигрин (четверо последних были позже казнены Адрианом). В эту группу, видимо, входили будущий император Адриан, его

префекты претория, Аттиан и Турбон, и муж сестры Адриана, Л. Юлий Урс Сервиан.

Ко времени Адриана происходит окончательное оформление императорского совета, Впрочем, уже на несколько иной основе. Согласно «Писателям истории Августов», во время разбора судебных дел Адриан собирал в совете «не только друзей или спутников» (*amicos suos et comites*), но и знатоков права (*sed iuris consultos*) (SHA. Hadr., 8, 9). По всей вероятности, к обычному совету добавились профессиональные юристы, и совет стал постоянным органом.

При Марке Аврелии происходит новое выдвижение военачальников, а при Коммодe, после долгого перерыва, происходит выдвижение руководителей императорских служб, особенно — префектов претория (Переннис, Клеандр) и императорских кубукуляриев из числа вольноотпущенников. На смену «сенатскому правительству» Марка Аврелия приходит «всадническое правительство» Перенниса, которое сменило правление придворных либертов во главе с Клеандром.

Видимо, примерно такой же характер носил совет Септимия Севера. Во главе совета стоял префект претория Плавтиан, а затем — занявший эту же должность знаменитый юрист Папиниан. Маловероятно, что сенаторы вообще не входили в совет, но, вероятно, в нем было много юристов и представителей всаднической администрации. Александр Север создал совет из 50 сенаторов и 20 юрисконсультов и не принимал решений без консультаций с ним. Центральное место в этом совете занимали префект претория, выдающийся юрист Домиций Ульпиан, и другой префект, также известный правовед Юлий Павел.

История *consilium principis* весьма примечательна. Вплоть до Диоклетиана и Константина, и отчасти даже еще позже, *consilium* не был официальной структурой, аналогичной сенату, и не принимал официальных решений, как это делал последний. Решение принимал император, и только его подпись придавала решению совета юридическую силу. Вместе с тем, многие решения принимались им по рекомендации совета и именно там разрабатывались императорские эдикты и декреты, а также принимались большие и малые политические решения.

Вместе с тем, совет принцепса был, возможно, наименее структурированной частью императорского аппарата. В отличие от сената, у него не было постоянного состава, а четкие правила членства были выработаны только при Константине. Более того, говоря о *consilium principis*, можно выделить несколько типов таких советов:

1. Сенатский совет, вырабатывающий предварительные решения, предлагаемые для их рассмотрения сенатом. Этот совет создается при Августе и с перерывами существует вплоть до III в., вероятно, достигнув кульминации при Александре Севере.

2. Юридический совет, официально оформленный Адрианом и достигший расцвета при Септимию Севере. Этот совет имел относительно постоянную основу, членство и жалование и занимался разработкой законодательных решений, оформляемых затем в виде сенатусконсультов и императорских конституций. Юридический совет, вероятно, мог существовать и как самостоятельная структура, и как часть более широкого совета высшей администрации.

3. Военные советы или объединения высших военачальников вокруг императоров. Вероятно, первым таким советом был совет Траяна. Трудно сказать, существовал ли он при Антонинах и даже при Северах, но он, несомненно, доминировал в период кризиса 40–80-х гг. III в. н. э.

4. Совет высшей администрации, включавший ведущих представителей всех ветвей формальной и неформальной власти: членов семьи принцепса, самых высокопоставленных сенаторов, руководителей сенатской и внесенатской администрации (префекты претория, вигилов и анноны), глав императорских канцелярий и наиболее влиятельных друзей, либертов и придворных императора. Первым прообразом такого совета, вероятно, можно считать *consilium* Клавдия.

Трудно определить степень постоянства этих советов. Сенатские и военные *consilia* явно появлялись *ad hoc*; напротив, юридический совет, вероятно, становится постоянной структурой со времен Адриана. По всей вероятности, это был не совет принцепса в полном составе, а его «юрбюро». Сложнее сказать что-либо определенное о совете высшей администрации. Несмотря на большое количество конкретных данных, подобный совет, в том или ином варианте, существовал при любом императоре, однако состав советов мог существенно отличаться. Сам по себе *consilium* не имел юридической власти, однако это вполне компенсировалось властью, находящейся в руках его членов. Совет, видимо, не только давал рекомендации принцепсу, но и получал поручения от него.

Окончательное оформление совета происходит при Диоклетиане и Константине. Основой стал совет последнего типа. Совет стал именоваться консисторией от обязанности его членов стоять в присутствии императора. Консистория включала в себя три группы лиц. Первая — это высшие государственные сановники (квестор Священного дворца, магистр оффиций, *comes sacrarum largitionum*, контролировавший государственную казну,

comes rei privatae, контролировавший личное имущество принцепса, два magistri militum, командовавшие армией, командующий гвардией (comes domesticorum) и, возможно, префекты претория)¹⁸¹. Вторую группу составляли comites consistoriani, из числа высокопоставленных гражданских, военных и дворцовых чиновников или лиц, ранее занимавших эти посты. Менее определенной была третья категория — comites без определенных постов, отбираемые императором (богатые аристократы, личные друзья императора, христианские епископы и др.)¹⁸².

В V–VI вв. состав консистории сужается. В него входят только высшие сановники и некоторое число comites. С IV в. появляются так называемые натарии, бывшие секретарями консистории (число колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен), а заместителем императора в Совете стал квестор Священного дворца¹⁸³. Консистория фактически вытеснила как римский, так и константинопольский сенат из политической жизни, однако последние также сохранялись. Как и ранее, решения консистории не имели юридической силы и могли быть только основой для императорского указа.

3. ИМПЕРАТОРСКИЕ КАНЦЕЛЯРИИ

Огромный объем работ императорской администрации вызвал необходимость в обширном техническом персонале. При республике роль подобного персонала составляли образованные вольноотпущенники и рабы римских политиков, а иногда и свободные люди с невысоким социальным статусом. Можно назвать либертов Суллы, Корнелия Хрисогона и Корнелия Эпикида, вольноотпущенника и секретаря Цицерона, М. Туллия Тирона, секретаря Цезаря Фаберия и секретаря Антония Мания. Все они, вероятно, руководили довольно значительным персоналом и играли значительную роль в принятии политических решений. Кроме них, определенное количество вспомогательного персонала имело государство.

Предпосылки для создания специального аппарата принцепса появились еще при Августе, а руководителем его стал Г. Цильний Меценат. Тацит хвалит Тиберия за умеренность императорских вольноотпущенников, управлявших собственностью императора. Возрастание роли императорских либертов происходит при Калигуле, однако подлинное создание

---

¹⁸¹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 335.

¹⁸² Ibid. P. 337–338.

¹⁸³ Ibid. P. 332–340.

императорских канцелярий относится ко времени правления Клавдия, создавшего эти officia при помощи своих либертов.

Точное число officia неизвестно. Можно наверняка назвать три — по делам переписки (ab epistulis), по финансовым делам (a rationibus) и по делам прошений (a libellis). Наиболее значительной была канцелярия ab epistulis, ведавшая всеми делами, связанными с перепиской принцепса, как административной и деловой, так и частной.

Во главе ее стоял Нарцисс, самый влиятельный из либертов Клавдия. Канцелярия a rationibus во главе с Паллантом ведала императорской собственностью и, вероятно, оказывала значительную помощь в управлении фиском и государственными финансами. Третья канцелярия (конкретный руководитель неизвестен), а libellis, занималась прошениями частных лиц и, вероятно, различных коллективов граждан и неграждан. Вполне возможно наличие ведомства a cognitionibus (по делам расследований), игравшего роль юридического отдела императорского центрального аппарата, и a studiis, ведавшего императорской библиотекой и служившего императорской референтурой. Возможно, были и другие.

Вопрос об официальном статусе officia достаточно сложен. Служащие (и особенно — руководители), несомненно, имели достаточно значительную власть и возможности, поскольку именно они готовили все документы на подпись и рассмотрение принцепса и, напротив, доводили решения до сведения исполнительной власти (наместники провинций, прокураторы, префекты, императорская и городская администрация). Если совет принцепса в основном занимался законодательством и подготовкой политических решений, то канцелярии были сердцевинной исполнительной власти. Звания руководителей officia указывались в документах (Dess., 1666), они получали всаднические и даже сенаторские отличия и, несомненно, вершили судьбы Империи. Тем не менее, они считались неофициальными лицами, и решение официально принимал император. Отношение к влиятельным вольноотпущенникам было, как правило, негативным, а их огромное влияние скорее усиливало эту неприязнь.

Легализация статуса дворцовых канцелярий продолжалась после смерти Нерона. Вителлий заменил либертов, руководивших канцеляриями, всадниками (Tac. Hist., I, 58). Эта реформа окончательно закрепилась при Траяне, а после смерти Домициана либерты фактически исчезают с руководящих должностей. Адриан уже официально сделал должности руководителей всадническими, а чиновники канцелярий стали получать жалование. Персонал officia состоял из свободных, рабы и либерты оставались только в финансовых отделах.

Новые изменения происходят только при Диоклетиане. На месте *officia* появились три *scrinia*: *scrinium memoriae* (канцелярия памяти), вероятно, имевшая характер императорского архива, *ab epistulis* и *a libellis*¹⁸⁴. Константин подчинил их чиновнику высшего ранга, магистру *officiorum*, возглавлявшему центральный аппарат Империи, тем самым сделав канцелярии одним из его главных структурных элементов. По закону Константина, *officia* должны были проверять юридические решения провинциальной администрации, через них по-прежнему шли петиции, наконец, *officia* издавали все так называемые *probatoria*, т. е. списки гражданских, военных, финансовых и дворцовых чиновников¹⁸⁵.

4. ИМПЕРАТОРСКИЕ ПРЕФЕКТЫ И ПРОКУРАТОРЫ

Высшими должностными лицами внесенатского аппарата были пять главных префектов: префект Египта, префект города, префект претория, префект анноны и префект вигилов. Все они, кроме префекта города, были всадниками. Помимо главных префектов, существовали префекты ал и когорт в армии, а в I–II вв. н. э. появилось множество прокураторов. Нам представляется целесообразным рассмотреть все эти категории чиновников, чуть позже остановившись на главной из них — префекта претория. Все главные префекты были непосредственными ветвями исполнительной власти, назначались непосредственно императорами и подчинялись только им.

1. *Префект Египта*. Оценив особое положение Египта в экономике и политике Средиземноморья, Август исключил его из системы разделения провинций и, после 30 г. до н. э., назначал его наместником лично подчиненного принцепсу префекта Египта, бывшего лицом всаднического ранга. Управление Египтом отличалось от обычной системы провинциального управления. Частично внедрив римские структуры, римляне сохранили многое от традиционной системы фараонов и Птолемеев.

Префект Египта был полномочным правителем страны и, несмотря на всаднический ранг, этот пост был сопоставим с должностями наиболее значительных сенатских наместников, проконсулов Азии и Африки, легатов Сирии или Верхней или Нижней Германии. В 23 г. до н. э. число подчиненных ему легионов сократилось до двух — около половины войск стояли в Дельте, остальные были разбросаны по Египту, хотя главные силы обычно располагались в верхнем Египте возле границы. Особен-

---

¹⁸⁴ Ibid. 574–576.

¹⁸⁵ Ibid.

ностью этой армии было то, что в ней не было офицеров сенатского ранга, а легатами легионов были всадники¹⁸⁶.

По египетской традиции, гражданская власть была отделена от военной. Особый статус имели три греческих города — Александрия, Птолемида и Навкратис. Все три сохранили полисное устройство с гражданством и политевмами (в Александрии была большая иудейская община), народным собранием, буле и городскими магистратами. Главными из них были жрец Александрии или экзегет, городской судья и начальник городской стражи. В городе было немало должностных лиц, избранных народом или назначенных императором: верховный жрец Александрии и всего Египта, начальник Мусейона, прокуратор Нового города и мавзолея в Александрии, прокуратор Александрии и Пелузия, управляющий Фаросом и др.¹⁸⁷

Остальной Египет делился на Дельту, Фиваиду и 7 номов во главе с эпистратегами, что отражало традиционное деление страны. Каждая из областей делилась на номы, управляемые стратегами, номы — на топы, управляемые топархами, а топы — на комы во главе с комархами (деревенскими старостами). По египетской традиции, финансовые чиновники (диойкет и ἰδίος λόγος) отделялись от гражданской администрации.

При Диоклетиане Египет, как и другие провинции, был разделен на ряд более мелких, что вело к ликвидации особого статуса Египта и его префекта. Впрочем, известная традиция осталась в сохранении поста *comes Aegypti*, одного из самых высокопоставленных наместников провинций.

2. Префект города. В отличие от других, префект города был сенатором консульского ранга. Его функции в I в. н. э. в деталях неизвестны, равно как неизвестно и его соотношение с другими городскими и сенатскими службами, а также — с сенатом.

Под контролем префекта города находились две службы: городские когорты и региональная администрация. Август создал три когорты по 1000 человек в каждой (*cohortes urbanae*), выполнявшие функции городской полиции. В 7 г. до н. э. создается другая городская структура: город делится на 14 *regiones*, во главе которых стояли претории и квестории, и 265 *vici* (улицы, округа, кварталы) во главе с *vicomagistri* (Plin. N. H., III, 66; Suet. Aug., 30).

В несении службы городским когортам помогали преторианцы, вероятно, бравшие на себя основной труд, и вигилы, находящиеся под началом собственного префекта. Снабжением города продовольствием ведал

¹⁸⁶ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. С. 411-412.

¹⁸⁷ Там же.

префект анноны, водой — сенатские *curatores aquarum*. Строительными программами обычно руководили сами императоры. Устройство зрелищ было делом магистратов — преторов, эдилов и отчасти — трибунов и квесторов.

Постепенно префект города становится главой городской администрации, подчиняя себе службы префекта анноны и префекта вигилов. Префект города имел высшую юрисдикцию и административную власть в столице и в радиусе 100 миль вокруг. Он также выступал в качестве арбитра по делам италийских муниципиев. Апеллировать на решения префектов города можно было только к императору. Префект был тесно связан с сенатом, а к III в. н. э., когда императоры практически перестали участвовать в его работе, именно префект города стал главой римского сената.

3. *Префект анноны.* снабжение Рима продовольствием было важной общегосударственной задачей, а для ее успешного выполнения было необходимо наладить все звенья этого процесса: сбор продовольствия, его транспортировку в Италию и процесс раздачи. Еще со времен республики хлеб, в основном, поступал из Сицилии, к концу II в. н. э. его уже не хватало, и сицилийские поставки дополнялись поставками из Африки, а позже — и из Египта. Окончательно проблему решили Цезарь и Август. Африка была разорена в 49–45 гг. до н. э. во время гражданской войны и едва не перешла под власть нумидийского царя Юбы. После победы Цезаря провинция была восстановлена, а внешняя угроза полностью ликвидирована. При Августе Египет был завоеван Римом. По сообщению Иосифа Флавия, в его время столица 8 месяцев существовала за счет африканского, а 4 — за счет египетского хлеба.

За сбор хлеба отвечали наместники соответствующих провинций — проконсул Африки, пропретор Сицилии и префект Египта. Перевозку осуществляли грузовые корабли под охраной созданных Августом Мизенского и Равеннского флотов, а принятие грузов осуществлял квестор Остии.

В 23 г. до н. э. Август принял на себя заботу о продовольствии, которое поступало в Рим. Раздачи хлеба были расширены, в разные периоды его получали от 200 тыс. до 320 тыс. человек. В 6 г. н. э. Август ввел специальный пост префекта анноны (*praefectus annonae*), который более 40 лет занимал Гай Турраний. Мы не знаем подробностей, но показателем его успешной деятельности было то, что кризис 6 г. н. э. был ликвидирован достаточно быстро, а перебоев с хлебом (если не считать короткое правление Калигулы) не было вплоть до 64–70 гг. н. э., времени пожара Рима, кризиса времен Нерона и гражданской войны.

Организация раздач стала более четкой. Штат людей был расширен, а обладатели специальных тессер (Suet. Aug., 40, 2) могли получать хлеб в раздаточных пунктах¹⁸⁸. При Клавдии квестор Остийского порта был заменен прокуратором (procurator portus Ostiensis), префект претория отменяет сенатских префектов из процесса раздачи. К IV в. н. э. в Риме насчитывалось 274 общественных и неизвестное число частных пекарен. Кроме бесплатных раздач (panes gradilis) существовали продажи по очень низким ценам (panes fiscalis или Ostiensis)¹⁸⁹. При Империи в Риме начались бесплатные раздачи масла и мяса (по 5 фунтов в месяц в течение 5 месяцев в году). Вино поставлялось по ценам на 25 % ниже рыночных, а для раздач мяса существовало около 2300 лавок¹⁹⁰.

Судя по всему, в период от Нерона до Коммода серьезных сбоев в снабжении столицы продовольствием не было. Есть сведения о голодных бунтах при Коммодe (в 189 г. жертвой такого бунта стал Клеандр). Система была частично восстановлена при Северах, но полностью расстроилась во второй половине III в. н. э. и была частично восстановлена в IV в. н. э. При Валентиниане I в Риме хлеб получали 120 000 человек, в 332 г. н. э. Константин ввел такие же раздачи в Константинополе, где число получавших достигло 80 000¹⁹¹. Префекты анноны Рима и Константинополя и их канцелярии сохранились еще в IV в. н. э. (CTh, VIII, VI; IV, 8, 364; VII, 6; XI, IV, I)¹⁹². Постепенно статус префекта анноны становится ниже, и он имел не высший ранг *illustris*, а второй ранг — *spectabilis*.

4. *Префект вигилов*. Август реорганизовал полицейскую службу в Риме. Наряду с преторианскими и городскими когортами, в 6 г. н. э. создается корпус вигилов, военизированной пожарной охраны (*vigiles*; греч. *νυκτοφύλακες*) во главе с префектом-всадником. Вигилы насчитывали 7 когорт по 1000 человек и, в значительной степени, состояли из неграждан и либертов. В 24 г. н. э. был принят закон, по которому за вступление в вигилы давалось римское гражданство. Как и префектура анноны, должность префекта вигилов существовала в IV в. н. э. Полицейские и военизированные подразделения, следящие за порядком в городе, имелись как в больших, так и в малых городах. Известен такой отряд из 60 человек в Оксиринхе, а в сельской местности (например, в Египте) существовали эйренархи или рипарии, возглавлявшие всадников.

¹⁸⁸ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 600.

¹⁸⁹ Джонс А. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1991. С. 330.

¹⁹⁰ Там же. С. 329.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 600.

5. *Всадническая карьера*. В эпоху ранней Империи, наряду с сенатской, формируется всадническая карьера. Обычно римский всадник начинал свою деятельность с военных должностей, префекта алы, префекта когорты и трибуна легиона. В I–II вв. н. э. было достаточно одной из них, в III в., как правило, проходили все три. После этого всадник начинал службу прокуратора. Первоначально деление шло на обычных прокураторов, управляющих императорским имуществом и фиском и прокураторов более высокого ранга, являющихся наместниками или их помощниками, обычно — по финансовой части. Первые могли быть либертами, вторые, как правило, были всадниками. Во времена Траяна и Адриана, должность прокуратора как таковая становится всаднической, а Адриан устанавливает 4 класса прокураторов, отличавшихся как статусом, так и жалованием: *sexagenarius* (жалование 60 000 сестерциев в год), *centenarius* (100 000 в год), *ducentenarius* (200 000 в год), *trecentenarius* (300 000 в год).

Карьера всадника до уровня 1 класса прокуратора была достаточно стандартной. Далее шли различия. После занятия высшей прокураторской должности всадник мог получить доступ к постам префектов вигилов и анноны, а затем и к должностям префектов Египта и претория. Вторым вариантом было назначение на руководящий пост в одной из канцелярий (начальник или служащий высокого ранга). Продвижение в *officium* могло идти и другим путем, когда служащий (*exceptor*), среди которых было, видимо, немало вольноотпущенников, доходил до верхних постов. Наконец, всадник мог на определенном этапе получить сенаторский ранг и уже делать карьеру сенатора. Поскольку весь аппарат был императорским, принцепс мог удерживать всадника на посту сколько угодно долгое время.

Показательны карьеры некоторых императоров и префектов претория. Император Пертинакс начал службу с должностей префекта когорты и алы, затем стал прокуратором, командовал германским флотом и снова стал прокуратором-дукенарием (*SHA. Pert.*, 1–2), а затем был включен в сенат. Выдающийся юрист Ульпиан был начальником канцелярии а *libellis*, префектом анноны и префектом претория, а Юлий Павел до того, как стать префектом претория, был *magister memoriae* и членом совета принцепса.

5. ПРЕФЕКТЫ ПРЕТОРИЯ

Префектура претория была высшей всаднической магистратурой. Де факто это было с самого начала, де юре он также постепенно стал высшим сановником. Уже при республике (вероятно, начиная с Пунических войн)

полководцы создавали отборные отряды, несущие охрану военачальника и его штаба, а иногда и используемые в качестве резерва. Палатка полководца называлась *praetorium* (преторий), откуда, вероятно, и пошло название преторианских или преторских когорт. В I в. до н. э. преторские когорты упоминаются очень редко (*cohortes praetoriae* — Caes., *B. G.*, I, 42), однако можно предполагать, что численность в среднем составляла 3 когорты и (как и вся армия) эти отряды набирались *ad hoc*.

Империй Августа был постоянным и распространялся на три провинции (или группы провинций): Испания (Тарраконская и Лузитания), Галлия (Лугдунская, Бельгика, Нарбонская Галлия, позже — Аквитания) и Сирия. Видимо, в силу этого, принцепс имел 9 преторианских когорт по 1000 человек, ставших ядром гарнизона Италии и личной гвардией и охраной императора. При Августе в Риме стояли 3 когорты, остальные находились в Италии. Это были элитные войска, они набирались из жителей Италии и имели большое жалование и меньший срок службы. В 13 г. до н. э., по предложению Августа, сенат принял решение о 16-летнем сроке службы для легионеров и 12-летнем для преторианцев (Dio, 54, 25, 5–6), в 5 г. н. э. он вырос до 20 лет для легионеров и 16 лет для преторианцев (Dio, 54, 25, 5–6). Жалование легионеров составляло 12 000 сестерциев в год, преторианцы получали 20 000. Во 2 г. до н. э. (для более раннего времени ситуация не так ясна) Август, возможно, впервые назначил префектами двух всадников — Кв. Остория Скапулу и П. Сальвия Апра (Dio, 55, 10, 10).

Резкий рост значения преторианцев и их командования происходит при Тиберии, а создателями этого могущества стали префекты претория Сеян и Макрон. В момент прихода к власти Тиберия префектами претория были Сей Страбон и его сын, Л. Элий Сеян (Dio, 57, 10, 6), вскоре Сей Страбон стал префектом Египта, а Сеян остался единственным префектом претория. Будучи ближайшим доверенным лицом Тиберия, Сеян постепенно превращался в высшего сановника Империи. В 14 г. он сопровождал сына императора, Друза, в его поездке к восставшей Паннонской армии (Tac. Ann., I, 34), а в 20 г., возможно, выполнил секретное поручение Тиберия, связанное с устранением Пизона (Tac. Ann., III, 15–16). После смерти Германика (19 г.) и Друза (23 г.), которого по слухам отравил сам всемогущий префект, Сеян все больше превращается в главного помощника Тиберия и организует серию процессов об оскорблении величия. Силы, осуществляющие охрану безопасности Рима и императора, постепенно сосредоточились в руках Сеяна, он начинает устанавливать контакты и с армией. В 17 г. вся гвардия была переведена в Рим, что значи-

тельно увеличило ее политическое значение, а на окраине города возник преторианский лагерь. Положение Сеяна вышло далеко за пределы положения командира преторианцев.

Вопреки устоявшейся традиции, он получил сенаторский статус и ранг претория, а в 31 г. стал консулом и позже получил *tribunicia potestas*. Было очевидно, что Сеян станет преемником Тиберия, и не исключено, что префект попытался опередить события. Впрочем, превентивный удар нанес император: 17–18 октября 31 г. Сеян стал жертвой контрзаговора Тиберия и был казнен вместе со всей семьей. Сеян стал первым всесильным временщиком, заложившим основу всемогущества этой должности.

Сменивший Сеяна Суторий Макрон был столь же всесильным министром последних лет правления Тиберия и первых лет правления Калигулы, который был обязан тронем именно ему. После устранения Макрона (Suet. Calig., 26) Калигулой, император попытался ослабить эту должность. Префектов стало двое, к тому же они часто менялись. Впрочем, это не означало падение значения преторианцев: неудивительно, что руководителями заговора стали трибуны преторианских когорт, Кассий Херея и Корнелий Сабин, а среди посвященных были два префекта.

Префекты претория при Клавдии — Руфрий Криспин и Лузин Гета — входили в состав императорского *consilium*, однако, по всей вероятности, их функции ограничивались функциями начальников гвардии. Положение стало меняться с 51 г., когда префектом стал Афраний Бурр. Вплоть до своей смерти в 62 г. Бурр был ключевым силовым министром, вначале обеспечившим приход к власти Нерона, а затем — осуществление программы Сенеки. После подавления заговора Пизона, в 65 г. всесильным временщиком стал Софоний Тигеллин, ставший главным проводником репрессивной политики Нерона. Второй префект, Нимфидий Сабин, напротив, организовал переворот, закончившийся самоубийством Нерона, а после назначения Гальбой нового префекта, Корнелия Лакона, попытался поднять мятеж и против Гальбы (Plut. Gal., 14). Новый мятеж недовольных Гальбой преторианцев привел к власти первого «преторианского императора» Отона. При Отоне преторианцы впервые приняли участие в крупных боевых действиях, став ядром армии Отона в войне о Вителлием (Tac. Hist., II, 46–56; Plut. Otho, 15–18).

При Вителлии происходит первая в истории преторианской гвардии радикальная смена состава. Численность выросла до 16 когорт, основную массу которых составили солдаты рейнской армии (Tac. Hist., II, 93). Теперь преторианская гвардия стала формироваться из элитных частей

армии. После поражения при Бедриаке эта новая гвардия сдалась войскам Антония Прима.

Период от Веспасиана до Адриана отмечен падением роли как преторианцев, так и префекта претория. Преторианцы Вителлия были распущены, новые войска были набраны из прежних отрядов гвардии и лучших солдат победивших войск. Для установления полного контроля над гвардией Веспасиан фактически упразднил пост самостоятельного префекта, передав командование когортами своему сыну Титу (Suet. Tit., 6).

Новый рост значения гвардии происходит при Домициане. В 80-е гг. преторианцы впервые активно участвуют в больших внешних войнах: в 83 г. — в войне против хаттов, в 85–86 гг. — в войне с даками, в 88 г. — в подавлении восстания Апония Сатурнина. В 86 г. префект претория Корнелий Фуск впервые в истории этой должности командовал полевой армией, а в 88 г. другой префект, Теттий Юлиан, одержал большую победу над даками.

В 96 г. префекты претория Юний Норбан и Петроний Секунд были участниками заговора против Домициана. Впрочем, два года спустя большая часть гвардии во главе с другим префектом, Касперием Элианом, подняла мятеж, едва не приведший к свержению власти Нервы и подавленный Траяном. После 97 г. гвардия надолго перестала быть серьезной политической силой, а префект претория превратился в высокопоставленного военного или гражданского сановника, иногда выступающего в роли командующего крупной военной группировкой, а иногда, напротив, превращаясь в ближайшего помощника в гражданском управлении. Теоретически должность префекта претория остается всаднической, реально ее регулярно занимают сенаторы высшего ранга (Тит, Теттий Юлиан, Юний Норбан, Петроний Секунд).

При Адриане префектами претория были его бывший опекун, Корнелий Аттиан, военачальник Траяна Септиций Клар и другой видный полководец, Марций Турбон. Все трое попали в опалу и были смещены императором, после чего Адриан, вероятно, попытался ослабить роль префекта, а при Антонине Пии и Марке Аврелии роль префекта была невелика. Как и остальная армия, гвардия, вероятно, участвовала в войнах Траяна в Дакии (102–107 гг. н. э.) и Парфии (113–117 гг. н. э.) и войнах Марка Аврелия, а префект претория становится одним из генералов, командующих действующей армией, что особенно проявилось в Маркоманнских войнах Марка Аврелия (166–180 гг. н. э.).

При Коммодe начинается характерное для III в. н. э. превращение префекта претория во всемогущего «первого министра» и «заместителя императора», главу гражданского управления или заместителя императора

в командовании армией. Нарушивший «согласие» с сенатом Коммод попытался найти опору во внесенатской администрации. Впервые после длительного перерыва префект претория Переннис (180–185 гг.) стал фактическим правителем государства, после его смерти это положение занял Клеандр (185–189 гг.). Следующий префект претория, Эмилий Лет, стал одним из руководителей заговора против императора и привел к власти Пертинакса. В марте 193 г. Лет организовал свержение Пертинакса, после чего преторианцы за деньги выбрали «своего» императора, Дидия Юлиана. Могущество Лета закончилось только с победой Септимия Севера. Преторианцы были распущены, а новая гвардия была набрана из элитных частей иллирийской армии.

Могущество префекта сохранилось при Северах. Со 193 г. н. э. префект стал главным советником императора в гражданском управлении. Этот пост занимал друг Септимия Севера Плавтиан. С 200 г. Плавтиан стал единственным префектом, в 202 г. его дочь была выдана за Каракаллу, в 203 г. он стал консуляром. Могущество Плавтиана вызвало опасения правящей семьи. С обвинениями против префекта выступили сын и наследник императора Антонин Каракалла и брат Севера Септимий Гета. Плавтиан был казнен. После гибели Плавтиана префектами претория стали Меций Лет и выдающийся юрист Эмилий Папиниан. Последний был префектом вплоть до прихода к власти Каракаллы (212 г. н. э.), а затем стал его жертвой и открыл собой плеяду знаменитых юристов, ставших преторианскими префектами.

Новый префект Макрин находился при армии, а после убийства Каракаллы занял императорский престол. Это был первый префект претория, сумевший достичь высшей власти. Имевший огромное влияние при Гелиогабале префект претория Л. Валерий Комазон Эвтихиан был одним из инициаторов его свержения. При Александре Севере префектами были по очереди два знаменитых юриста, Домиций Ульпиан (222–228 гг.) и Юлий Павел. Преторианцы поставили на престол Гордиана III, а префект претория Г. Фурий Тимезитей, ставший тестем императора, получил титул «хранителя государства». Его преемник, М. Юлий Филипп, стал императором (245–249 гг.).

В 50–70-е гг. III в. префект был оттеснен на второй план армейскими военачальниками, превратившись в одного из них. Так, префектом претория Галлиена был один из его генералов, Гераклиан. Префектом претория у Тацита (275–276 гг.) был его брат Флориан, ставший официальным преемником императора. Преемником Проба стал его префект претория, М. Аврелий Кар.

Новые перемены произошли при Диоклетиане. Правящая семья оттеснила префектов от трона, однако последние остаются важнейшими сановниками Империи, и, поскольку императоры взяли на себя военное командование, префекты претория превратились в глав гражданской администрации. Префект также отвечал за набор армии и ее снабжение, был высшим судьей для апелляций, а иногда и командовал войском.

Константин окончательно лишил префекта претория военного командования и поставил во главе гражданского управления, Диоклетиан и Константин создали ступенчатую систему управлений, объединив провинции в диоцезы, а диоцезы — в префектуры. Префекту претория подчинялись викарии диоцезов, а последние контролировали наместников, обычно именуемых президами (*praesides*). К концу правления Константина четко устанавливается система трех префектур — Галлия, Италия и Восток, позже, к концу IV в. появилась четвертая префектура — Иллирик. В каждую префектуру входило от 2 до 4 диоцезов¹⁹³, а каждый диоцез делился примерно на 7–8 провинций.

При Диоклетиане префект претория ведал всем гражданским управлением. Константин выделил в отдельное ведомство все дворцовые службы, включая канцелярии, передав их магистру официй, центральную казну во главе с двумя *comites sacrae largitionis et rei privatae* и персонал, обслуживающий дворец, во главе с препозитом (*praepositus sacri cubiculi*). Самостоятельными стали и военные ведомства во главе с военными магистрами (*magistri militum*) и дуксами (*duces*). Столицы, Рим и Константинополь, также не были включены в систему провинций и управлялись префектами города.

Несмотря на все эти ограничения, в руках префекта оставалась огромная власть: ему подчинялись все викарии и наместники провинции, он ведал набором войск и снабжением армии (военные осуществляли только непосредственное командование), сбором налогов, строительством и императорской почтой. Из всех высших чиновников префект претория считался первым по рангу.

Префектура претория, равно как и сама преторианская гвардия, прделали достаточно сложный исторический путь. Она создается Августом как личная гвардия императора, однако уже при Тиберии префект претория приобретает ряд новых полномочий, включая ответственность за порядок в Риме, защиту Италии и даже охрану государственной безопасности. Из

---

¹⁹³ Префектура Галлия включала в себя 4 диоцеза (Британия, Галлия, Виеннский, Испания), Италия — 2 (Италия, Африка), Восток — 3 (Азиана, Понтика, Восток), Иллирик — 3 (Паннония, Мезия, Фракия).

чисто военного командира префекты становятся всемогущими «министрами госбезопасности», держащими в руках императора и его сановников. Такими могущественными «соучастниками власти» (*participes imperii*) были многие префекты претория эпохи Юлиев-Клавдиев: Макрон, Афраний Бурр, Тигеллин, Нимфидий Сабин и, наконец, сам основатель этого могущества, Элий Сеян. Во времена этой династии именно префект претория олицетворял мощь внесенатского аппарата, и даже если префекты не вмешивались в жизнь двора, общество четко осознавало, что их реальная власть намного превосходит формальный статус, а потому императоры допускали появление экстралегальных функций у этих всемогущих начальников стражи, исторические параллели в отношении которых можно найти и на Западе, и на Востоке, как в древности, так и в более поздние времена. Даже всемогущий Сеян не имел какого-либо особого статуса (по крайней мере, до самого последнего времени) — его сила была в том, что в его руках были личность императора и его семьи, постоянный доступ к правителю и информация, включая данные самого конфиденциального характера.

Роль преторианцев в I в. н. э. была достаточно сложной. С одной стороны, они, несомненно, были оплотом монархии — в 41 г. они спасли принципат, в 14, 37, 41 и 54 гг. они первыми присягали новым императорам. Вместе с тем, контроль за преторианцами и префектами был достаточно трудной задачей — в 41 г. они активно участвовали в убийстве Калигулы, в 65 г. — в заговоре Пизона, а в 68 г. гвардия отказалась служить Нерону, что сыграло решающую роль в успехе переворота. Нам достаточно трудно установить какую-либо идеологию или «политику» преторианцев, но, вероятно, их идеологом можно считать Афрания Бурра, а политической линией — сочетание сильной монархии и относительно либеральной политики, т. е. примерно тот курс, который проводился в период «пятилетия Нерона».

Положение гвардии постепенно меняется при Флавиях и Антонинах. После очень активного участия преторианцев в перевороте Отона и гражданской войне 69 г. н. э. Веспасиан, а затем Траян, фактически лишили их политического влияния. После Домициана преторианцы стали активно участвовать во внешних войнах, чего не было при Юлиях-Клавдиях. Из командира гвардии префект претория превращается в высокопоставленного генерала. Тогда же наметились и отрыв префекта от своих воинов и предоставление префекту претория не только военных, но и гражданских полномочий.

В период от Коммода до Диоклетиана префект сохраняет как военные, так и гражданские полномочия, он снова становится «вторым человеком» в Империи, выполняя достаточно разнообразные поручения. Префект претория мог стать всемогущим гражданским администратором, руководящим структурами императорского аппарата (Переннис, Клеандр, Плавтиан), или видным юристом, возглавляющим деятельность императорского совета (Папиниан, Ульпиан, Юлий Павел). Префект мог, напротив, быть высокопоставленным военачальником (Таррутений Патерн) и даже совмещать военные и гражданские полномочия (Герклиан, Кар). Иногда префекты становились фактическими регентами (Тимезитей), вступали в родство с принцепсом и его семьей (Плавтиан), были «делателями» императоров (Эмилий Лет), а иногда и сами захватывали императорскую власть (Макрин, Филипп Араб, Кар).

Диоклетиан попытался четко определить функции префекта и сделать его вторым лицом в общеимперской администрации, ограничив его сферу деятельности гражданским управлением. Константин полностью лишил его каких-либо полномочий в военной сфере. Префект стал самым высокопоставленным гражданским чиновником и главой провинциальной администрации. Военные функции перешли к *magistri militum* и *duces*, а юридические и председательские — к квестору Священного дворца.

История префектов и история преторианцев становятся не связанными между собой областями исследования. Префекты благополучно «дожили» до конца Западной Империи и продолжали существовать в Византии. В 306 г. преторианцы поддержали Максенция и сражались у Мульвиева моста, после чего были распущены Константином. Их заменили особым корпусом телохранителей, подчиненным магистру оффиций.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1906–1908. Вып. 1–3.

2. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1892 (есть переиздания).

3. *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдинского. Варшава, 1982 (есть переиздания).

4. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / Пер. с лат. И. С. Перетерского. М., 1984.

5. Писатели истории Августов — Властелины Рима. Биографии императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева. М., 1992.

6. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко и А. И. Доватура. М., 1983.

7. *Светоний Транквилл, Гай*. Жизнь двенадцати Цезарей. О знаменитых людях. Фрагменты / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

8. *Тацит Корнелий*. Сочинения: В 2 т. / Изд. подг. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронский и др. Л., 1969.

Литература Обязательная

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. Изд. 3-е. М., 1994 (изд. 4-е — 2000). Гл. 16, 18, 22, 24.

2. *Ковалев С. И.* История Рима. Изд. 2-е / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986. Ч. II. Гл. 1–16.

3. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1968. Гл. 24–29, 32–36, 39.

Дополнительная

1. *Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с франц. М., 1888–1890. Вып. 1–2.

2. *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.

3. *Джонс А. Х. М.* Гибель античного мира. Ростов-на-Дону; М., 1997.

4. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Л., 1985.

5. *Кнабе Г. С.* Древний Рим, история и повседневность. М., 1986.

6. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.

7. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995. Т. 5.

8. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской Империи. Т. I–II / Пер. с нем. изд. СПб., 2000–2001.

9. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 22–106.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ТЕМЕ

Тема императорского аппарата, возможно, является одной из наименее исследованных частей римского государственного права эпохи Империи. Причиной этого является как состояние наших источников, сведения которых носят весьма фрагментарный характер, так и то обстоятельство,

что на протяжении достаточно длительного времени этот аппарат был полуофициальной, а иногда и неофициальной структурой.

Также как сенат и магистратуры, элементы имперского аппарата зародились во времена республики, однако если первые постепенно теряли свои позиции, то вторые, напротив, их приобретали. некогда всемогущий римский сенат постепенно становится отжившим реликтом прошлого и городским советом Рима, а командовавшие армиями, руководящие народным собранием и вершащие суд магистраты ограничиваются устройством игр для городской толпы. Напротив, эпизодические обсуждения вопросов, которые магистрат проводил в кругу друзей и близких, стали основой формирования высшего имперского совета, *consilium* или консистории; обслуживающий персонал из рабов и либертов дал начало имперским канцеляриям, а офицеры-назначенцы и финансовые агенты (последние чаще всего назначались из рабов и либертов) стали основой исполнительной власти.

Как уже было сказано, главную опасность для сената и его структур представляли не император и его окружение, а эти скромные клерки и исполнительные офицеры. Даже имея абсолютную власть, принцепс был «работающим монархом», и ему были нужны люди, с которыми он мог бы делать свое дело. Для управления огромной Империи были нужны десятки или даже сотни способных генералов и высших офицеров и примерно такое же число администраторов и тысячи, а возможно и десятки тысяч чиновников и средних и низших офицеров. По этой причине в I–II вв. н. э. сенат и сенаторы были просто необходимы.

К III в. внесенатская администрация практически полностью вытеснила сенатскую. *Consilium principis* фактически взял на себя функции сената, префекты города, анноны и вигилы — роль магистратов в городском управлении, а система прокураторов и префектов заменила сенатские власти в провинции. Новая система была более централизована: она имела отсутствующую в прежнем аппарате организацию канцелярии, а префект претория возглавил внесенатские структуры. Долгие сенаторство сохраняло свои позиции в военном командовании, однако преобразования Галлиена положили конец и этому. В IV в., после тяжелейшего кризиса III в. н. э., формируется новая внесенатская администрация. Ее основой была внесенатская администрация I–III вв., сильно изменившаяся в ходе кризиса. Впрочем, отметим и еще одно обстоятельство — даже в сложной и разветвленной политической системе домината можно увидеть остатки республиканской политической организации, а такие институты, как консульство или сенат, пережили саму Западную Римскую Империю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кризис III в. н. э., прервавший и изменивший развитие Империи, начался во времена Марка Аврелия. Относительно небольшое число ученых отмечают факторы экономического и финансового кризиса огромной сверхдержавы и нарастание социальных и внутривластных противоречий. Хотя эта группа исследователей отмечает нарушения равновесия между провинциями и центром, романизованными и нероманизованными зонами, конкретных фактов не столь много. Можно отметить критику отдельных императоров-Антонинов, особенно — Траяна и Антонина Пия. Первого упрекают в том, что он подверг перенапряжению силы Империи в ходе своих завоевательных кампаний, второго обвиняют в утрате «социальной динамики» и застойном характере его принципата¹⁹⁴. Наконец, примерами растущего неблагополучия считаются кризис в Иудее и гонения на христиан.

Вместе с тем, у нас нет оснований говорить о сколь-нибудь серьезном внутреннем кризисе. После войн Траяна в Дакии и Парфии, в течение более 40 лет Империя не вела крупных внешних войн, что было беспрецедентным как для предыдущей, так и для последующей истории Рима. Стихли даже локальные конфликты. Со времени восстания Цивилиса на Рейне в 69–70 гг. на территории почти всех провинций не было ни восстаний, ни вражеских вторжений. С этого времени почти прекратились операции на рейнской границе, а со времени операций Домициана против хаттов (88 г. н. э.) серьезных войн в Галлии и Германии не было вплоть до III в. После Траяна надолго успокоилась самая опасная, дунайская граница. После походов Агриколы (80–90-е гг. I в.) наступило затишье в Британии. После 97 г. в Риме не было преторианских мятежей.

Строительство городов при Адриане, продолжавшееся и при его преемниках, демонстрирует отсутствие общего экономического спада, а аурея и денарий оставались стабильными в период от Нерона до Каракаллы. Не менялись и цены, их резкий рост (на 70–100 %) происходит только после войн Марка Аврелия. Несомненной «горячей точкой» была Иудея, где произошли два грандиозных восстания, 66–73 и 131–135 гг., но трагедия маленького народа была именно его трагедией и мало отразилась на жизни огромной сверхдержавы.

Даже «христианский вопрос» был не столь болезненным для Империи, более того, и здесь наступила определенная либерализация. Если Траян еще не сомневался в необходимости преследования христиан только за то,

¹⁹⁴ *Petit P. Le II-me siecle...* P. 345–350.

что они принадлежали к этому сообществу, то Адриан, видимо, требовал, чтобы их наказывали только за конкретные преступления, попадавшие под конкретные статьи законов, а Антонин Пий издавал либеральные постановления по поводу прекращения репрессий против иудеев и христиан, тогда как власти становились фактором сдерживания антихристианских преследований. Новый всплеск гонений совпал с войнами Марка Аврелия, после чего Коммод фактически отказался от преследований (SHA. Comm, V, 21–25). Христиане попытались сделать ответный шаг — во времена Адриана началась деятельность так называемых апологетов (Аристид, Афинагор, Феофил, Мелитон, Юстин), целью которых было доказательство собственной лояльности, адресованное императору и его администрации. Самый значительный из этих писателей, Юстин, заявлял, что христиане поклоняются тому же самому Богу, что и Сократ и Платон, а логос, вдохновлявший Сократа, теперь принял облик Иисуса Христа (Iust. Apol., I, 4; 7–8; II, 2; 24, 1; 45, 5). До диалога было еще далеко, но он начался именно в это время и был сорван войнами 60–80 гг. II в.

Если внутреннее положение Империи было достаточно стабильным, то внешнеполитический кризис вскоре принимает катастрофический характер, и именно он становится «началом конца». В 161 г. н. э. началась Парфянская война (161–165 гг. н. э.). Рим подвергся самому массивному вторжению парфян со времен эпохи гражданских войн. Парфяне попытались взять реванш за поход Траяна. Они выбили римлян из Армении и вторглись в Сирию, разбив войска Аттидия Корнелиана. Для войны с Парфией на восток были переброшены огромные силы во главе с Авидием Кассием и Стацием Приском, а с целью координации военных действий в Антиохию прибыл Луций Вер, младший соправитель Марка Аврелия. В 163 г. Стаций Приск выбил противника из Армении, а Авидий Кассий отбросил парфян за Евфрат и одержал несколько побед. В 165 г. римляне вторглись в Месопотамию, заняли Ктесифон и Селевкию и продолжали наступление вглубь Парфии. Эта победа была не менее масштабной, чем кампания Траяна, однако, как и тогда, армия Империи понесла значительные потери. После победы в войсках началась эпидемия чумы, которая, по всей вероятности, и заставила римлян повернуть.

Еще более тяжелой оказалась война на севере, известная под названием Маркоманнской войны (166–180 гг. н. э.). В 166 г. сильные германские племена, союзы маркоманнов и квадов, населявшие верховья Дуная, вторглись в Рецию и дошли до Италии, осадив Аквилею. На север были стянуты основные силы Империи, и только в конце 60-х гг. варварское наступление было наконец остановлено. Война принимала все более

широкие масштабы, ее участниками стали свебы, сарматы, языги, роксоланы и другие германские и сарматские племена. В 170–171 гг. начался второй период войны, когда римляне, снова одержав победу, перешли в активное наступление. В 172 г. римляне после тяжелой борьбы одолели маркоманнов, 173–175 гг. ушли на операции против сарматов и языгов. В 177–178 гг. римляне вторглись на вражескую территорию, а в 179–180 гг. император попытался основать провинции Маркоманнию и Сарматию. Война была прервана смертью императора в марте 180 г.

Все наши источники подчеркивают необычайную масштабность войны. Евтропий сравнивает ее со 2 Пунической и пишет, что на ней «погибли почти все римские войска» (Eutr., VIII, 12), а «такой войны не было ни на чьей памяти» (Ibid.). Ему вторит Юлий Капитолин (SHA. M. Ant., 17), сообщающий, что война полностью истощила эрарий, и императору пришлось распродавать собственное имущество. Финансовая стабильность нарушилась, цены выросли почти вдвое¹⁹⁵. Провинции разорялись, особенно пострадали те, где проходили военные действия, однако спад охватил даже те территории, которые находились далеко от зоны варварских вторжений (например, Испанию)¹⁹⁶.

Время Марка Аврелия было еще временем сохранения внутреннего единства Империи. Сам император сохранял либеральные традиции Антонина Пия, а сенатские историографы восхваляют его едва ли не больше, чем остальных императоров Антонинов. Тем не менее, симптомы кризиса стали проявляться уже в это время: начались первые провинциальные восстания, усилились наказания рабов, начался кризис мелкой и средней собственности и упадок города. Опасным было и то, что кризис особенно сильно ударил по более цивилизованным и романизированным областям.

Смерть Марка Аврелия прекратила войну: вопреки требованиям большей части своего окружения, сын императора Коммод остановил военные действия, что, несомненно, было правильным решением. Тем не менее, антониновское согласие нарушалось, на репрессии императора сенат отвечал недовольством и заговорами. Стремясь найти другую социальную опору, Коммод попытался опереться на всаднический аппарат и придворных либертов. Господство первых олицетворял префект претория Переннис, а символом второго стал кубикюлярый Клеандр. Так или иначе, в период правления Коммода (180–193 гг. н. э.) к внешнему кризису добавился внутренний. В 183 г. против императора был организован заговор во главе с сестрой Луциллой, женой императора Криспиной

---

¹⁹⁵ Ibid. P. 377.

¹⁹⁶ Циркин Ю. Б. Античная Испания. М., 2000.

и мужем Луциллы, Клавдием Помпеяном. Подавление заговора сопровождалось репрессиями против сенаторов. В 185 г. военный мятеж стоил жизни Переннису, его преемником стал Клеандр, однако в 189 г. он стал жертвой голодных бунтов. Последним звеном в этой цепи стал заговор 193 г., завершившийся убийством самого Коммода.

Убийство Коммода стало толчком к гражданской войне. Сменивший его Пертинакс вернулся к просенатской политике и пытался проводить режим финансовой экономии. Это привело к преторианскому мятежу. Гвардия выдвинула своего императора, Дидия Юлиана, что, в свою очередь, вызвало тяжелейшую гражданскую войну, в которой приняли участие сразу три претендента — командующий паннонской армией Л. Септимий Север, командующий восточными легионами Г. Песценний Нигер и ставленник британской армии Д. Клодий Альбин. Победивший Септимий Север стал основателем новой династии.

Правление Септимия Севера (197–211 гг. н. э.) было временем стабилизации, в основном проводимой силовыми методами. Экзальтация императорской власти, полное подчинение сената императору, замена сенатского аппарата императорской администрацией, жесткая регламентация жизни всех слоев общества и усиление военного характера монархии, рост численности, престижа и значения армии — таковы черты северовского правления. Императорская администрация подчиняет себе местные и городские власти. Во времена Северов начинается и изменение в соотношении отдельных провинций. Происходит упадок романизованных областей (Испании, Галлии, Британии) и, напротив, выдвижение провинций, не охваченных процессом романизации (Африки, Сирии, Паннонии, Мезии, Фракии). Происходит и другой процесс — упадок городов и аграризация общества, кризис мелкой и средней собственности и, наоборот, рост крупных латифундий¹⁹⁷. В религиозной жизни происходит усиление синкретических тенденций и позиций восточных культов.

Септимий Север попытался активизировать внешнюю политику: в 197–199 гг. н. э. он провел успешную кампанию против Парфии, а в 209–211 гг. шла война в Британии. Военная ситуация начинает нагнетаться уже при его преемнике Каракалле (211–217 гг. н. э.), который провел большую часть правления в войнах, вначале против алеманнов (213–215 гг.), а затем — против парфян (215–217 гг.). При Каракалле усиливаются репрессивные стороны северовского режима, что привело

---

¹⁹⁷ Циркин Ю. Б. Западноевропейские провинции Римской Империи // История древнего мира. М., 1989. С. 108–110.

к открытому конфликту с верхами общества. Северовская военная монархия столкнулась с антониновским принципатом.

Первым проявлением кризиса стали заговор и убийство Каракаллы (217 г. н. э.), установление власти Макрина и временное отстранение династии, а затем — реставрация на троне представителя боковой ветви Северов, императора Гелиогабала (218 г.). В 222 г. в результате преторианского путча к власти пришел Александр Север (222–235 гг. н. э.). Его принципат стал попыткой реакции на усиление военно-бюрократической монархии со стороны тех сил, которым импонировали более либеральная система Антонинов и гражданский стиль правления. На стороне этой политики была сенатская знать, широкие круги гражданской бюрократии и массы населения старых и более романизированных провинций.

Время правления Александра Севера было временем ухудшения внешнеполитической ситуации, связанной с миграцией германских племен и консолидацией варварского мира. Наряду со старыми противниками Рима, свебами, алеманнами, квадами, маркоманнами и др. появились новые племенные союзы готов, вандалов, бургундов, лангобардов. Каждый из этих союзов мог выставить 20–50 тыс. воинов. Исследователи оценивают численность варваров, разгромивших Западную Империю в V в. н. э. примерно в 600 тыс. человек, четверть из которых составляли воины (200 тыс. франков, 100–150 тыс. готов, 100 тыс. алеманнов, 80 тыс. вандалов, 50 тыс. бургундов, более мелкие племена составляли 30–35 тыс. человек). Можно предположить, что в III в. н. э. силы были примерно такими же. Перемены происходят и на востоке. В 223–227 гг. в результате восстания была свергнута парфянская династия Аршакидов. К власти пришла персидская династия Сасанидов, создавшая значительно более мощное и агрессивное государство, чем Парфия.

Всем этим силам противостояла армия Империи. Во времена Августа она насчитывала 25–26 легионов по 5–6 тыс. человек и свыше 100 тыс. вспомогательных войск, армия Северов выросла до 32–35 легионов, т. е. до 300 тыс. человек, считая *auxiliae*. Примерно около 1/3 войск находились на востоке, остальные защищали северные границы и внутренние области.

В 230–232 гг. Империя выдержала тяжелую войну с Персией, а в 234–235 гг. Александр Север вел тяжелую войну на Рейне против германцев. Там же император стал жертвой военного мятежа, война была завершена ставшим его преемником, ставленником военных кругов, Г. Юлием Вером Максимином. Максимин был, вероятно, первым императором, выслужившимся до высших постов из простых солдат. В 238 г. превратившийся в окровавленную диктатуру солдатских низов режим Максимиана вызвал

гражданскую войну. В 240 г. император Гордиан III начал тяжелую войну с Персией, закончившуюся только в 244 г., а с 245 г. усилились военные действия на Дунае. В 248 г. началось первое большое вторжение готов в балканские провинции Империи, в 250 г. оно повторилось, а в 251 г. под Абриттой была разгромлена армия императора Деция. Сам Деций пал в бою. В результате новой гражданской войны 251–53 гг. сменились три императора, а к власти пришел друг Деция Валериан.

Правление Валериана (253–260 гг. н. э.) и Галлиена (253–268 гг. н. э.) стало высшей точкой кризиса III века. Империя была на грани распада: почти весь Балканский полуостров опустошили готы; франки, алеманны и ютунги громили Галлию и Рецию, угрожая самой Италии, а на востоке началась самая большая война с Ираном. Центральная власть уже не могла руководить обороной всей территории огромной державы, а отдельные армии и провинции все больше и больше полагались на собственные силы. Военная анархия, борьба за власть, мятежи и узурпации, нашествия варваров и страшная эпидемия чумы привели к параличу экономики, разрушению городов, гибели и обнищанию миллионов людей.

Валериан отправился на восток, поручив своему сыну, Галлиену, оборону западной части Империи. С 254 по 258 гг. Галлиен воевал с франками, глубоко проникшими в Галлию и доходившими до Тарракона в Испании. В 256 г. в Италию вторглись алеманны, нашествие угрожало Риму, и сенат стал раздавать оружие горожанам. Подошедший с севера Галлиен заставил варваров отступить и разбил их в большой битве в долине По. В 258 г. франки снова вторглись в Галлию, а алеманны дошли до северной Италии. С этого момента начались сепаратистские движения. В 258 г. наместник Паннонии Ингенуй объявил себя императором, но был разбит Галлиеном, вскоре император разбил еще одного узурпатора, Региллиана.

Более опасным было сепаратистское движение в Галлии. Посланный Галлиеном полководец Постум провозгласил себя императором. В отличие от других узурпаторов, Постум создал отдельное государство, Imperium Galliarum со столицей в Трире (Августа Треверов). Галльская Империя создавалась по образу и подобию Римской, в ней были сенат, магистраты, императорские чиновники и преторианская гвардия. Постум управлял Империей с 258 по 268 гг. Он сумел укрепить границу на Рейне и отразить германцев, но после гибели своего основателя Галльская Империя стала распадаться.

Империя практически потеряла восточные провинции. В 256 г. персидский царь Шапур I захватил Месопотамию и вторгся в Сирию. Против него выступила армия Валериана. Иранцы отступили, не сумев взять

Антиохию, но в 260 г. Валериан был разбит под Эдессой, захвачен во время переговоров и погиб в персидском плену. Поражение Валериана вызвало полную дезинтеграцию востока. Персы заняли Антиохию и дошли до Тарса, и лишь на обратном пути при переправе через Евфрат были разбиты правителем Пальмиры Оденатом. Три полководца, Маркиан, Баллиста и Каллист, провозгласили себя императорами.

Победа над персами стала началом роста вассального Пальмирского царства. В III в. Пальмира стала центром транзитной торговли, связавшей Империю, Иран, Индию и Китай. После победы Оденат получил от Галлиена титул *dux Romanorum* и империй над Сирией, Палестиной, Египтом и Малой Азией. Не имея возможности контролировать восточные провинции, Галлиен отдал власть внешне лояльному правителю Пальмиры. Оденат ликвидировал восточных узурпаторов, а в 262 г. он выступил против персов, занял Месопотамию, взял Ктесифон, разбил армию Шапура и захватил его казну. В 266 г. он одолел прорвавшихся в Малую Азию готов. Итогом побед Одената стали ликвидация иранской угрозы и консолидация восточных провинций, однако оборотной стороной было фактическое превращение державы Одената в независимое государство. После образования державы Одената и Галльской Империи центральное правительство контролировало только Италию, Африку, Испанию и Дунайские провинции. Над последними нависла страшная угроза.

В 263–266 гг. готы атаковали балканские провинции. В 267 г. огромный флот готов вошел в Мраморное и Эгейское моря, грабя Малую Азию и Грецию. Готские отряды доходили до Афин, Спарты и Коринфа. В 266 г. Оденат стал жертвой заговора. Жена правителя, Зенобия, расправилась с заговорщиками и стала править «Пальмирской империей» как регентша своего сына Вабаллата. В отличие от Одената, Зенобия даже формально отказалась подчиняться Галлиену, взяв курс на разрыв. Полководцы императора терпели поражения, а Египет попал под власть «новой Клеопатры», как именовала Зенобию пальмирская пропаганда. Кризисом были охвачены даже внутренние области центральной части Империи: в Африке и Египте усилились набеги кочевников, а растущие как грибы узурпаторы получили название «30 тиранов», несомненно, по аналогии с афинскими правителями классической эпохи. Галлиену не удалось справиться ни с Пальмирой, ни с «Галльской Империей». В 264–265 гг. император начал войну против Постума и одержал ряд побед. Сепаратистов спасло только новое вторжение готов.

В 268 г. Галлиен с главными силами армии выступил на Балканы. Италию и Паннонию прикрывали войска Авреола. Находясь в Сирмии,

Галлиен узнал, что Авреол провозгласил себя императором. Повернув на запад, император осадил узурпатора в Медиолане. Во время этой осады, в марте 268 г., Галлиен стал жертвой заговора своих военачальников.

В 50–60-е гг. III в. Империя достигла высшей точки своего кризиса. Цветущие города и провинции лежали в развалинах, а людские потери, вероятно, исчислялись миллионами. Все внутренние территории оказались под ударом варваров. В течение 15 лет на большей части территории Империи свирепствовала чума. Показателем критического положения стало обесценивание денег. С середины I в. н. э. в золотых и серебряных монетах появляется примесь меди (5–10 %). Постепенно пропорция растет: в монетах Траяна медь составляет 15 %, при Марке Аврелии — 25 %, при Септимии Севере — 50–60 %, при Валериане — около 90 %. К середине III в. н. э. золотые, а отчасти и серебряные монеты вышли из употребления, а денежная система фактически рухнула. Вплоть до времени Константина большая часть налогов собиралась в натуре, таким же образом выплачивалось жалование военным и чиновникам.

Традиция часто упрекает Галлиена в этих событиях, возможно, большинство современников связывали войны, голод и болезни именно с ним и его политикой, однако перед нами предстает, несомненно, один из самых способных и достойных правителей сверхдержавы на протяжении всей ее истории. Кризис, разразившийся в 50–60-е гг. назревал в течение нескольких десятилетий, и то, что он не привел к полному краху Империи, несомненно, было заслугой Галлиена. Военные победы императора и его военные реформы остановили кризис. Правительство Галлиена, насколько оно могло, пыталось урегулировать социальные и политические конфликты, он же был первым императором, официально разрешившим христианство и установившим религиозный мир на 40 лет вперед. Выходец из еще сохранившейся римской аристократии, он, в силу обстоятельств, был вынужден проводить курс на усиление армии и ее общественной роли. Войны с Ираном и германцами способствовали повышению роли кавалерии, и именно Галлиен создал мощные кавалерийские корпуса, которые в 70-е гг. выиграли битву за Империю. Изменился и национальный состав: ядром армии стали контингенты из менее развитых областей сверхдержавы (северные районы Балкан, внутренние области Малой Азии, Галлии и Испании и др.). При Галлиене образовалась группа выдающихся военачальников (Клавдий, Аврелиан, Проб и др.), которые и взяли на себя управление Империей. Последующие успехи римского оружия были во многом подготовлены деятельностью этого, несомненно, выдающегося правителя. Ему не удалось увидеть блестящий успех, в основном подго-

товленный им самим, на долю Галлиена выпали распад и поражения, которые, однако, ушли вместе с ним в могилу. После него начались победы.

Новый император, Марк Аврелий Клавдий (268–270 гг. н. э.), один из высших военачальников Галлиена, завершил кампанию против Аврелиана и двинулся на готов. Весной 269 г. готы совершили новое мощное вторжение. Дунай перешли 320 000 варваров, по морю двигалось более 1200 судов. Готские корабли доходили до Кизика, Византия, Фессалоники и Кипра. Возле Наисса императорская армия разбила готов и отрезала им путь к отступлению. Оставшаяся часть варваров ушла в Македонию, преследуемая кавалерией Аврелиана. Флот готов был разгромлен. Это была победа над самым сильным противником Империи. Готы перестали быть серьезной опасностью вплоть до времени Константина, а императоры могли приступить к решению остальных задач объединения.

Самым сильным противником оставалось Пальмирское государство. В 269 г. Зенобия и Вабаллат утвердились в Сирии, а в 270 г. — в Египте. Напротив, Галльская Империя переживала упадок. В 268 г. погиб Постум, а в 268–269 гг. Испания и юго-восток Галлии признали власть Клавдия. Мятежники контролировали только центральную и северную Галлию, а в Бретани и Арморике началось восстание багаудов, направленное и против Рима, и против Галльской Империи. На Рейне началось вторжение германцев. В 270 г. жертвой военного мятежа стал преемник Постума Викторин. Последним императором этого новообразования стал богатый сенатор Гай Эзувий Тетрик.

Решающие успехи военной реставрации связаны с правлением Аврелиана (270–275 гг. н. э.). В 270 г. он нанес поражение вторгшимся в Италию ютунгам и разбил сарматов и вандалов в Паннонии. В конце года в Италию снова двинулись полчища алеманнов, маркоманнов и ютунгов, опустошившие долину По, и заняли крепости Полленцию и Плаценцию. В Риме началась паника, столица оказалась под угрозой захвата, варвары рассеялись по Италии, грабя страну. Возле Рима император разбил германцев, на реке Метавр он снова нанес врагу поражение, остатки были уничтожены во время преследования. Победы 270–271 гг. почти равнялись победе над готами и надолго обезопасили границу по Верхнему Дунаю.

Следующим этапом стал разгром Пальмирского царства. В 271 г. Зенобия и Вабаллат открыто порвали с Аврелианом и заключили союз с персами. В 272 г. Аврелиан начал военные действия, на восток двинулись 15 легионов, преторианцы и сильные корпуса кавалерии. Основные силы армии шли через Малую Азию, а один из лучших военачальников императора, Проб, атаковал Египет. По пути Аврелиан вторгся в Дакию и разгро-

мил готов. Первое сражение у Антиохии закончилось победой Аврелиана, город сдался правительственным войскам. Главные силы пальмирцев потерпели поражение при Эмессе. После победы Аврелиан осадил Пальмиру. Осада затянулась, пальмирцам помогали персы и арабы, однако император договорился с Шапуром. Зенобия бежала, но была захвачена отрядом римской кавалерии, а Вабаллат и другие вельможи также оказались в тылу у римлян. В 273 г. в Пальмире произошло восстание. Аврелиан взял город штурмом и разрушил его. Пальмирское царство было ликвидировано.

В 273 г. настал черед Галльской Империи. При последнем императоре, Тетрике, усилился натиск франков и алеманов, прибрежная полоса опустошалась франками и саксами, а в Арморике расширилось восстание багаудов. Галльская Империя могла выставить только 7 легионов. В 273 г. Аврелиан начал войну, а в 274 г. разбил сепаратистов на Каталаунских полях. Положение было настолько бедственным, что сам Тетрик предал собственные войска и сдался императору еще до окончания сражения. В 274 г. Аврелиан разбил багаудов и отвоевал Британию, а его военачальник Проб действовал против франков. Единство Империи было восстановлено, и Аврелиан начал войну с Ираном.

Улучшилось финансовое положение Империи, а приток золота из Галлии и Пальмиры позволил стабилизировать золотую валюту. Кроме того, Аврелиан начал борьбу с порчей монеты и хищениями чиновников императорского монетного двора. Масштабы хищений были столь велики, что даже вызвали восстание монетариев (работников монетного двора), поддержанное городскими низами столицы и жестоко подавленное войсками. После длительного перерыва началось строительство дорог и оборонительных сооружений, а города стали обносить стенами. Появились новые стены и в Риме, они получили название стен Аврелиана.

В 276 г. орды франков и алеманнов вторглись в Галлию. Страна подверглась опустошению, согласно SNA, варвары взяли 60 или 70 городов. К 278 г. войска нового императора, Проба, восстановили линию Рейна. По масштабам эта победа равнялась победе Клавдия над готами и Аврелиана над алеманнами и ютунгами. В 278 г. император провел ряд успешных операций на Дунае, отбив нападения варваров. В 281 г. он снова появился в Галлии, разбив трех узурпаторов — Прокула, Боноза и Викторина. В том же году Проб отпраздновал пышный триумф, символизирующий восстановление Империи.

Военную реставрацию завершили Диоклетиан и его соправители. В 285 г. Максимиан подавил восстание багаудов, а Диоклетиан успешно

воевал с сарматами. В 295–296 гг. Галерий победил карпов, маркоманнов и сарматов. После этого граница на Дунае оставалась спокойной вплоть до середины IV в. Более сложными были две другие проблемы — положение в Британии и отношения с Персией. В 286–288 гг. н. э. франкские и саксонские пираты усилили нападения на берега Галлии и Британии, но были отброшены легатом Британии Г. Валерием Караузием. В 288 г. Караузий провозгласил себя императором, в его руках был флот, а морские операции против него были практически невозможны. Только в 293 г. Константин Хлор, младший соправитель Диоклетиана и Максимиана, начал военные действия. В 294–295 гг. он вытеснил силы Караузия из Галлии, а в 296 г. высадился на острове. Караузий был разгромлен, а Британия снова вошла в состав Империи.

Последней проблемой оставалась персидская граница. В 286 г. Диоклетиан установил контроль над Арменией. В 296 г. персидский царь Нарсес перешел Тигр и вторгся в Сирию. В сражении у Карр армия Империи потерпела поражение. В 297 г. усиленная подкреплениями с Дуная армия Галерия вторглась в Месопотамию с севера, пройдя через Армению. В новом большом сражении персы были разбиты. Договор 298 г. был успехом Диоклетиана. Империя получила области, захваченные персами, и ряд других областей в верховьях Тигра, где Диоклетиан создал пять новых провинций. Устанавливается протекторат Империи над Арменией и Иберией, а восточная торговля должна была идти через Нисибис.

Империя получила 40–50 лет мира. Новая большая персидская война началась в 30-х гг. IV в., большое вторжение германцев на Рейне началось в 50-х гг., а прорыв готов на Дунае — в 70-х гг. IV в.

Кризис III в. н. э. закончился в пользу Империи, однако он не прошел бесследно, раны так и не зажили, экономика была безнадежно подорвана, а население понесло огромные потери. Ущерб, нанесенный экономике, отбросил ее на уровень натурального хозяйства, что, в свою очередь, вызвало ряд серьезнейших изменений. Общеимперский рынок, созданный в I–II вв. н. э., был практически разрушен. Налицо был общий упадок сельского хозяйства, ремесла и индустрии, ухудшение безопасности на дорогах, рост экономического, а как следствие этого — и политического сепаратизма. Происходит процесс концентрации собственности, поскольку именно крупное хозяйство могло выжить в условиях бурного III в. «Маленький человек» должен был искать себе сильных покровителей, что вело к развитию патроната и колоната. В прикреплении колоннов к земле были заинтересованы и государство, и магнаты, первое — для того чтобы обеспечить собираемость значительно выросших налогов,

вторые — чтобы получить более или менее постоянную рабочую силу. Тенденции развития экономики вели и к дезинтеграции, а перед властью вставала проблема обеспечения контроля над действиями крупных магнатов.

Имперские власти пошли, возможно, по единственному возможному пути создания жестких силовых механизмов. Император стал неограниченным монархом, сенат превратился в городской совет Рима, впрочем, подчиненный императорскому префекту города, а сенатская администрация полностью вытесняется императорской бюрократией. Италия теряет всяческие остатки своего свободного статуса, а имперский аппарат подавляет городское и сельское самоуправление. Смысл реформ Диоклетиана и Константина заключался, в конечном счете, в значительном увеличении всех уровней администрации, росте численности армии и усилении налогового гнета, сочетавшихся, впрочем, с наведением порядка, улучшением управляемости и стабилизацией финансовой системы. Следствием этого стало прикрепление людей к месту жительства и профессии, причем закрепощение колонов было важнейшим, хотя и не единственным фактором этого процесса. В 332 г. Константин окончательно запретил переход колонов от одного землевладельца к другому. В 316–325 гг. были приняты законы о прикреплении куриалов к своим городам и куриальным обязанностям, в 317 г. рабочим монетных дворов запрещалось покидать свое место работы. Империя заботилась и о потомственном прикреплении человека к месту и роду занятий: сыновья отслуживших солдат были обязаны идти в армию, городские ремесленники и рабочие должны были передавать профессию сыновьям, куриалы, на которых все больше и больше возлагались заботы о поддержании городов, ни под каким предлогом не имели право освобождать себя и своих детей от этих обязанностей. Реформы Диоклетиана и Константина были, возможно, единственным способом удержать Империю от распада и противостоять варварскому нашествию, но методы, которыми это достигалось, показали и свои оборотные стороны. Обратными перспективами были разорение масс населения под гнетом налогов, разрыв между населением и правящей бюрократией, значительный и постоянный рост этой последней и, как следствие, усиление ее неэффективности. В отличие от кризиса эпохи гражданских войн, общество лишь отчасти восстановило свой прежний экономический потенциал. Начался новый исторический период, эпоха Поздней Империи, который оказал решающее значение на последующую историю Западной Европы и стран Средиземноморского бассейна. На рубеже IV в. мы еще видим сверхдержаву, сохранявшую территорию прежней Римской импе-

рии. В конце V в. Западной Империи уже не существовало, а на ее месте создавались достаточно эфемерные варварские королевства. В Византии позднеантичный период продлился до середины VII в., когда последовали арабское вторжение и время прогрессирующего упадка. Впрочем, эта новая эпоха находится уже за пределами нашего изложения.

Библиография к пособию

Так же, как и в первой части пособия, мы приводим наиболее важную для понимания римского государственного права литературу, которую мы делим на три рубрики. Первая из них включает в себя материал источников в переводах, вторая — основную литературу на русском языке, в третьей мы приводим наиболее значительные и известные зарубежные исследования.

Источники

1. *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1906–1908. Вып. 1–9 (имеются более поздние переиздания).
2. *Аппиан*. Гражданские войны / Пер. с греч. Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935 (имеются переиздания).
3. *Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. с лат. А. И. Немировского и А. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.
4. *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.
5. *Геролиан*. История / Пер. с греч. Под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995.
6. *Дигесты Юстиниана* / Пер. с лат. Под ред. Л. Л. Кофанова. Т. I–IV. М., 2002–2004.
7. *Евтропий*. Бревиарий от основания Города. СПб., 2001.
8. *Орозий Павел*. История против язычников. СПб., 2001.
9. *Ливий Тит*. История от основания Города / Пер. с лат. Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1989–1993. Т. 1–3.
10. *Павел Юлий*. Пять сентенций к сыну / Пер. с лат. Е. М. Штаерман // ВДИ. 1971. № 1–2.
11. Писатели истории Августов — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. с лат. С. Н. Кондратьева. М., 1992.
12. Письма Плиния Младшего. Книги I–V / Пер. с лат. А. И. Доватура и М. Е. Сергеевко. М., 1983.
13. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Под ред. С. Н. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.
14. *Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Литература

1. *Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима. Учебное пособие. СПб., 2003.
2. *Буассье Г.* Общественные настроения времен римских Цезарей. Пг., 1915.
3. *Буассье Г.* Римская религия от Августа до Антонинов. М., 1978.
4. *Виллемс П.* Римское государственное право. М., 1888–1890. Вып. 1–2.
5. *Виппер Р. Ю.* Очерки истории Римской Империи. М., 1925.
6. *Герье В. И.* Август и установление Римской Империи // Вестник Европы. 1877. № 6–8.
7. *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I–III вв. до н. э. М., 1977.
8. *Голубцова Е. С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. М., 1977.
9. *Гольденберг В. А.* Очерк истории Римской Империи в I в. н. э. Гражданская война в 69 г. Харьков, 1958.
10. *Грант М.* Двенадцать Цезарей / Пер. Д. Мишина. М., 1998.
11. *Грант М.* Крушение Римской Империи / Пер. Б. Бринкмана. М., 1998.
12. *Гримм Э. Д.* Братья Гракхи. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894.
13. *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития императорской власти. СПб., 1900–1902.
14. *Дементьева В. В.* Магистратура диктатора в ранней римской республике. Ярославль, 1996.
15. *Джонс А.* Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1991.
16. *Егоров А. Б.* Проблемы истории гражданских войн // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 4. СПб., 2005. С. 473–495.
17. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох (проблемы рождения и формирования принципата). Л., 1985.
18. *Егоров А. Б.* Проблемы титулатуры римских принцевсов // ВДИ. 1989. 2. С. 161–189.
19. *Заборовский Я. Ю.* Очерки истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.
20. *Златковская Т. Д.* Мезия в I–II вв. н. э. М., 1951.
21. *Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.*
22. *История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.*

23. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. М., 1981.
24. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.
25. *Кнабе Г. С.* Древний Рим, история и повседневность. М., 1986.
26. *Ковалев С. И.* История Рима. Изд. 2-е / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1986.
27. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I–III вв. М., 1973.
28. *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. М., 1981.
29. *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
30. *Кудрявцев О. В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.
31. *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973.
32. *Курбатов Г. Л.* История Византии. М., 1984.
33. *Ливищ Г. М.* Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. н. э. Минск. 1960.
34. *Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И.* Рабство в восточных провинциях Римской Империи в I–III вв. М., 1977.
35. *Махлаюк А. В.* Армия Римской Империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000.
36. *Машкин Н. А.* История Рима. М., 1946 (изд. 3-е — 1968).
37. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.
38. *Машкин Н. А.* Эдикты Августа из Киренаики // ВДИ. 1938. № 3.
39. *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н. э. (до гракханского движения). М., 1971.
40. *Межерицкий Я. Ю.* «Республиканская монархия» (метаморфозы идеологии и политики императора Августа). М.; Калуга, 1994.
41. *Михайловский Ф. А.* Трибунская власть в политической системе принципата. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
42. *Моммзен Т.* История Рима. М., 1937–1941 (изд. 3-е — 1995–1996).
43. *Нич К. В.* История римской республики. М., 1908.
44. *Парфенов В. Н.* Рим: От Цезаря до августа. Саратов, 1987.
45. *Портнягина И. П.* Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989.
46. *Протасова С. И.* Борьба общественных идеалов в эпоху Гракхов. Пг., 1923.
47. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской Империи в I–III вв. М.; Л., 1949.
48. *Ростовцев М. И.* Рождение Римской Империи. Пг., 1918.

49. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской Империи. СПб., 2000–2001. Т. 1–2.
50. *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1935 (имеются переиздания).
51. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
52. *Трухина Н. Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986.
53. *Утченко С. Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (из истории политических идей I в. до н. э.). М., 1952.
54. *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
55. *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972.
56. *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976.
57. *Фельсберг Э.* Братья Гракхи. Юрьев, 1910.
58. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима / Пер. с итал. А. А. Захарова. М., 1915–1922.
59. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962.
60. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987.
61. *Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. Л., 2000.
62. *Циркин Ю. Б.* Западноевропейские провинции Римской Империи // История древнего мира. М., 1982. С. 88–112.
63. *Чеканова Н. В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб., 2005.
64. *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990.
65. *Штаерман Е. М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978.
66. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1.
67. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
68. *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
69. *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 106–210.
70. *Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977.
71. *Badian E.* Roman imperialism in the late republic. Oxford, 1968.
72. *Badian E.* Waiting for Sulla // JRS.52.1968. P. 47–62.

73. *Badian E.* Tiberius Gracchus and the Beginning of Roman Revolution // ANRW. Tl. 1. Bd. I. Berlin; New York, 1972. P. 668–731.
74. *Baldson J. P. V. D.* Caesar. A Political Biography. New York, 1967.
75. *Bennet H.* Cinna and his times. Chicago, 1923.
76. *Beranger J.* Recherches sur l'aspect ideologique du principat. Basel, 1953.
77. *Boren H. C.* The urban side of the Gracchan economic crisis // AHR. 63. 1957/8.
78. *Brunt P. A.* Italian manpower, 225 B. C. – A. D. 14. Oxford, 1971.
79. *Brunt P. A.* Social Conflicts in the Roman Republic. London, 1971.
80. *Bulst M.* Cinnanum tempus // Historia. 13. 1964.
81. *Castritius H. D.* Der Römische Prinzipat als Republik. Museum, 1982.
82. *Carcopino J.* Sulla ou l'Empire manquée. Paris, 1931.
83. *Carcopino J.* César // Histoire générale ed. par G. Glotz. Histoire Romaine. II. P. II. Paris, 1936.
84. *Cary M.* A History of Rome down to the Reign of Constantine. New York, 1960.
85. *Dessau H.* Geschichte der Römischen Kaisezeit. Berlin, 1924–1928. Bd. 1–2.
86. *Dieniger J.* Von der Republik zur Monarchie. Die Ursprunge der Herrscherliteratur des Prinzipats // ANRW. Tl. 2. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. S. 982–987.
87. *Earl D.* Tiberius Gracchus. Bruxelles, 1963.
88. *Ehrenberg V.* Monumentum Ancyratum // Klio, 1925. Bd. 19.
89. *Frank T.* Marius and the Roman nobility // CJ. 50. 1965. P. 149–152.
90. *Froehlich K.* Cornelius (392) // RE. Bd. 4. Stuttgart, 1901. Sp. 1522–1565.
91. *Gabba E.* Mario e Silla // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. P. 764–805.
92. *Gage J.* De César a Auguste: Ou est le problem des origins du principate? // RH. 1996. P. 279–342.
93. *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Berlin, 1881–1904. Bd. 1–2.
94. *Gelzer M.* Caesar. Wiesbaden, 1950. (6 Aufl.).
95. *Greenhalgh P.* Pompey: The republican Prince. London, 1981.
96. *Grenade P.* Essai sur les origins du principate. Paris, 1961.
97. *Gruen E. S.* Roman politics and the criminal courts, 149–78 B. C. Cambridge, 1968.
98. *Gruen E. S.* The Last Generation of the Roman Republic. Berkely; Los Angeles, 1974.

99. *Haller B.* Augustus und seine Politik; Ausgewählte Bibliographie // ANRW. Tl. 2. Bd. 2. Berlin; New Yourk, 1975. S. 55–74.
100. *Hammond M.* The Augustan Principate. Cambridge, 1933.
101. *Hammond M.* The Antonine Monarchy // ANRW. Tl. 2. Bd. 2. Berlin; New York, 1975. S. 329–384.
102. *Hammond M.* The Tribunician Day during the Early Empire // MAAR. 15. 1938. P. 80–82.
103. *Hammond M.* Composition of the Senate A. D. 68–235 // JRS. 47. 1967.
104. *Hannel K.* Kaiser Augustus // Das Altertum, 1950.
105. *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la republique. Paris, 1966.
106. *Heinze R.* Kaiser Augustus // Hermes. 30. Bd. 65. 1930.
107. *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsrecht. Leipzig, 1891.
108. *Jal P.* La guerre civile à Rome. Paris, 1963.
109. *Jones A. H. M.* Augustus. London, 1970.
110. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 1–3.
111. *Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937.
112. *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1885. Bd. 1–2.
113. *Kornemann E.* Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930.
114. *Kunkel W.* Roemische Rechtsgeschichte. Berlin, 1948.
115. *Last H.* Imperium maius, a note // JRS. 37. 1947. P. 157–164.
116. *Last H.* The fiscus, a note // JRS. 34. 1944. P. 51–59.
117. *Laet S. J.* Cohortes praetoriennes et prefets du pretoire au Haut Empire // RIL. 84. 1951. P. 489–506.
118. *Lesuisse L.* La nomination de l' empereur et le titre d'imperator // AC. 30. 1961. P. 415–428.
119. *Loewenstein K.* Augustus. Darmstadt, 1985.
120. *Magdelain A.* Auctoritas principis. Paris, 1947.
121. *Manni E.* Dall'avento di Claudio all'acclamazione di Vespasiane // ANRW. Tl. 2. Bd. 2. Berlin; New York, 1975. P. 131–253.
122. *Martino F.* De Storia della constitutione romana. Napoli, 1950–1960. T. 1–4.
123. *Marsh F. B.* The reign of Tiberius. Oxford, 1931.
124. *Marsh F. B.* A History of the Roman World from 146 to 30 B. C. London, 1935.

125. *Mattingly H.* Tribunicia potestas // JRS. 10. 1930. P. 78–91.
126. *Meier Ch.* Res publica amissa. Wiesbaden, 1966.
127. *Meier Er.* Römische Staats- und Stadtgedanke. Berlin, 1948.
128. *Meyer Ed.* Kaiser Augustus. Halle, 1910.
129. *Meyer Ed.* Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius: Innere Geschichte Roms von 66 bis 44. Stuttgart; Berlin, 1919–1922.
130. *Millar F.* The fiscus in the first two centuries // JRS. 53. 1963. P. 29–42.
131. *Millar F.* The Aerarium and its officials under the Empire // JRS. 54. 1964. P. 33–40.
132. *Mispulet Cl.* Les institutions politiques des Romaines. Paris, 1881. T. 1–2.
133. *Miltner F.* Pompeius // RE. Bd. 21. Hbd. 42. Stuttgart, 1950. Sp. 2050–2321.
134. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1887–1888. Bd. 1–5.
135. *Nicolet Cl.* Economy and society, 133–43 B. C. // CAH. 2nd ed. Cambridge, 1994. P. 600–643.
136. *Nicolet Cl.* L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J. C.). Paris, 1966.
137. *Nicolet Cl.* L'inspiration de Tiberius Gracchus // REA. 67. 1965.
138. *Ootenghem J., van.* Caius Marius. Bruxelles, 1964.
139. *Otto W.* Die Nobilität der Kaiserzeit // Historia, 1925. S. 73–88.
140. *Petit P.* Le IIe siècle après J.-C.: État des questions et problèmes // ANRW. Tl. 2. Bd. II. Berlin; New York, 1975.
141. *Pippidi D.* Recherches sur le culte imperial. Paris; Bucurest, 1939.
142. *Powell G.* The praetorian guard // HT. 18. P. 858–864.
143. *Premenstein A., von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Berlin, 1937.
144. *Pugliese Caratelli Y.* Auctoritas principis // PP. 10. 1949. P. 29–40.
145. *Raditsa L.* Julius Caesar and his Writings // ANRW. Tl. 1. Bd. III. Berlin; New York, 1975. P. 417–456.
146. *Rice Holmes T.* The Architect of Roman Empire. London, 1928–1931. Vol. 1–2.
147. *Rogers R.* Treason in the Early Empire // JRS. 49. 1959. P. 90–94.
148. *Rosenberg E.* Imperator // RE. 1914. Bd. 17. Sp. 1140–1154.
149. *Shackleton-Bailey D.* The Roman nobility in the 2nd Civil War // CQ. 1960. S. 253–268.
150. *Salmon E. T.* The Evolution of Augustus' Principate. Wiesbaden, 1956.
151. *Seston W.* Diocletian et la Tetrarchie. Paris, 1946. T. 1–2.

152. *Sherwin-White A.* The Roman Citizenship. A Survey into its development into a World Franchise // ANRW. Berlin; New York, 1975. Tl. 2. Bd. II. P. 23–58.
153. *Syme R.* Roman Revolution. Oxford, 1939.
154. *Syme R.* Emperor Caesar, a study in nomenclature // *Historia*. 7. 1958. S. 172–188.
155. *Talbert R.* The Senate of Roman Empire. Princeton, 1984.
156. *Taylor L. R.* Party politics in the age of Caesar. Berkeley, 1949.
157. *Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. *Historia Einzelschriften*, 5. Wiesbaden, 1962.
158. *Verbeke G.* Le stoïcisme, une philosophie sans frontières // ANRW. Berlin; New York, 1975. Tl. 1. Bd. I. S. 3–42.
159. *Wallace-Hadryll Y.* The golden age and sin in Augustan ideology // *P&P*. 1982. Vol. 35. P. 19–36.
160. *Wickert L.* Princeps (civitatis) // *RE*. Bd. 22. Stuttgart, 1954. Sp. 1198–2296.
161. *Wickert L.* Neue Forschungen zum Römischen Prinzipat // ANRW. Berlin; New York, 1975. Tl. 1. Bd. I. P. 3–72.

Список сокращений

- App. B. C. — Appianus. *Bella Civilia* — Аппиан. Гражданские войны.
Aur. Vict. Caes. — Aurelius Victor. *Caesares* — Аврелий Виктор. Цезари.
B. Afr. — *Bellum Africae* — Африканская война.
Caes. B. C. — Caesar. *Bellum Civile* — Цезарь. Записки о гражданской войне.
Caes. B. G. — Caesar. *De Bello Gallico* — Цезарь. Записки о галльской войне.
Cic. Brut. — Cicero. *Brutus* — Цицерон. Брут.
Cic. De har. resp. — Cicero. *De haruspicum response* — Цицерон. Об ответах гаруспиков.
Cic. De lege Man. — Cicero. *De lege Manilio* — Цицерон. О законе Манлия.
Cic. De off. — Cicero. *De officiis* — Цицерон. Об обязанностях.
Cic. De orat. — Cicero. *De oratore* — Цицерон. Об ораторе.
Cic. De rep. — Cicero. *De re publica* — Цицерон. О государстве.
Cic. Pro Balbo — Cicero. *Pro Balbo* — Цицерон. За Бальба.
Cic. Pro Cluent. — Cicero. *Pro Cluentio* — Цицерон. За Клуенция.
CJ — *Codex Justiniani* — Кодекс Юстиниана.
De v. ill. — *De viris illustribus* — О знаменитых мужах.
Dess. — Dessau H. *Inscriptiones Latinae selectae* — Дессау Г. Избранные латинские надписи.
Dig. — *Digestae Iustiniani* — Дигесты Юстиниана.
Dio — Dio Cassius. *Historia Romana* — Дион Кассий. Римская история.
Ed. Cyr. — *Edicti Cyrenaicae* — Эдикты из Киренаики.
Epit. Cass. — *Epit. De Caesaribus* — Эпитома о Цезарях.
Eus. HE — Eusebius. *Historia Ecclesiastica* — Евсевий. Церковная история.
Eutr. — Eutropius. *Breviarium* — Евтропий. Сокращение римской истории.
Flor — Florus — Флор. Эпитомы.
Gai. Inst. — *Gai Institutiones* — Гай. Институции.
Gell. — Gellius Aulus. *Noctes Atticae* — Геллий Авл. Аттические ночи.
Greg. Epist. — Gregorius *Epistulae* — Григорий Великий. Письма.
Herod. — Herodianus. *Historiae* — Геродиан. История.
Iust. Inst. — *Iustiniani Institutiones* — Институции Юстиниана.
Jos. Ant. — Josephus Flavius. *Antiquitates Iudicae* — Иосиф Флавий. Иудейские древности.
Jos. BJ. — Josephus Flavius. *Bellum Iudaicum* — Иосиф Флавий. Иудейская война.

Lact. De mort. Pers. — Lactantius. De mortibus persecutorum — Лактанций. О смерти гонителей.

Liv. — Livius. Ab Urbe condita — Ливий. От основания города.

Liv. — Livius. Epitomae — Ливий. Эпитомы.

Macr. Sat. — Macrobius. Saturnaliae — Макробий. Сатурналии.

Paul. Sent. — Iulii Pauli. Sententiae — Юлий Павел. Сентенции.

Paus. — Pausanius — Павсаний. Описание Эллады.

Plin. N. H. — Plinius. Naturalis Historia — Плиний Старший. Естественная история.

Plin. Paneg. — Plinius. Panegyricus — Плиний Младший. Панегирик.

Polyb. — Polybius. Historia — Полибий. История.

Plut. Aem. — Plutarchus. Aemilius — Плутарх. Эмилий Павел.

Plut. Caes. — Plutarchus. Caesar — Плутарх. Цезарь.

Plut. Cato min. — Plutarchus. Cato minor — Плутарх. Катон Младший.

Plut. Comp. cum Agis — Plutarchus. Comparatio cum Agidem et Cleomenem — Плутарх. Сравнение с Агисом и Клеоменом.

Plut. Crass. — Plutarchus. Crassus — Плутарх. Красс.

Plut. G. Gr. — Plutarchus. Gaius Gracchus — Плутарх. Гай Гракх.

Plut. Galba — Plutarchus. Galba — Плутарх. Гальба.

Plut. Mar. — Plutarchus. Marius — Плутарх. Марий.

Plut. Otho — Plutarchus. Otho — Плутарх. Отон.

Plut. Pomp. — Plutarchus. Pompeius — Плутарх. Помпей.

Plut. Sert. — Plutarchus. Sertorius — Плутарх. Серторий.

R. g. — Res gestae divi Augusti — Деяния божественного Августа.

Sall. Cat. — Sallustius. Catilinae Coniuratio — Саллюстий. Заговор Катилины.

Sall. Hist. — Sallustius. Historiae — Саллюстий. История.

Sen. Apocyl. — Seneca. Apocolocyntosis — Сенека. Отыквление божественного Клавдия.

Sen. De clem. — Seneca. De clementia — Сенека. О милосердии.

Sen. Dial. — Seneca. Dialogi — Сенека. Диалоги.

SHA. Hadr. — Scriptores Historiae Augustae. Hadrianus — Писатели истории Августов. Адриан.

SHA. Iul. — Scriptores Historiae Augustae. Iulianus — Писатели истории Августов. Дидий Юлиан.

SHA. Geta — Scriptores Historiae Augustae. Geta — Писатели истории Августов. Септимий Гета.

SHA. M. Aur. — Scriptores Historiae Augustae. Marcus Aurelius — Писатели истории Августов. Марк Аврелий.

SHA. Pius — *Scriptores Historiae Augustae*. Antoninus Pius — Писатели истории Августов. Антонин Пий.

SHA. Pert. — *Scriptores Historiae Augustae*. Pertinax — Писатели истории Августов. Пертинакс.

SHA. Sev. — *Scriptores Historiae Augustae*. Severus — Писатели истории Августов. Септимий Север.

Strabo — *Strabo. Geographia* — Страбон. География.

Suet. Aug. — *Suetonius. Divus Augustus* — Светоний. Божественный Август.

Suet. Callig. — *Suetonius. Caligula* — Светоний. Калигула.

Suet. Claud. — *Suetonius. Divus Claudius* — Светоний. Божественный Клавдий.

Suet. Dom. — *Suetonius. Domitianus* — Светоний. Домициан.

Suet. Iul. — *Suetonius. Divus Iulius* — Светоний. Божественный Юлий.

Suet. Nero — *Suetonius. Nero* — Светоний. Нерон.

Suet. Tit. — *Suetonius. Divus Titus* — Светоний. Божественный Тит.

Suet. Vesp. — *Suetonius. Divus Vespasianus* — Светоний. Божественный Веспасиан.

Suet. Vit. — *Suetonius. Vitellius* — Светоний. Вителлий.

Tac. Ann. — *Tacitus. Annales* — Тацит. Анналы.

Tac. Hist. — *Tacitus. Historiae* — Тацит. Истории.

Ulp. Dig. — *Ulpianus. Digestae* — Ульпиан. Дигесты.

Val. Max. — *Valerius Maximus* — Валерий Максим. Памятные деяния и изречения.

Vell. — *Velleius Paterculus* — Веллей Патеркул.

Verg. Aem. — *Vergilius. Aeneis* — Вергилий. Энеида.

Warmington. fr. — *Warmington. Fragmenta Historicorum Graecorum* — Уормингтон. Фрагменты римских историков.

Xiph. — *Xiphillinus* — Ксифиллин.

AC — *Acta Classica*.

ANRW — *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*.

CAH — *Cambridge Ancient History*.

CJ — *Classical Journal*.

JRS — *Journal of Roman Studies*.

H — *Historia*.

PP — *Past & Present*.

RE — *Pauly-Wissowa Realencyclopädie*.

REA — *Revue des études anciennes*.

RH — *Revue Historique*.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.	
ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ.	
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА	3
ТЕМА 1	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ	29
ТЕМА 2	
РИМСКОЕ ГРАЖДАНСТВО ПРИ ИМПЕРИИ	59
ТЕМА 3	
РИМСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ	71
ТЕМА 4	
ОСОБЕННОСТИ РИМСКОЙ МОНАРХИИ	115
ТЕМА 5	
РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ОРГАНЫ ПРИ ИМПЕРИИ	143
ТЕМА 6	
СЕНАТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	166
ТЕМА 7	
ИМПЕРАТОРСКИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	222
Библиография к пособию	235
Список сокращений	243
Содержание	246

Учебно-методическое издание

Алексей Борисович Егоров

Римское государство и право. Эпоха империи

Учебное пособие

Корректор *Н. В. Бакланова*

Верстка *С. С. Смирновой*

Подписано в печать 12.12.2013.

Формат 60x84/16. Объем 15,5 п. л. Тираж 50 экз. Заказ 20/12-13.

Отпечатано на полиграфической базе исторического факультета СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.